

Марго Па

«ПРОНИКНОВЕНИЕ»

*(современная мистерия,
роман, написанный во сне)*

*Москва – Прага – Тунис – Сочи – Карелия – Венеция – Сицилия – Милан – Москва
май 2009 – апрель 2012*

Посвящается всем, кто далеко и близко

НА ЭКРАНЕ:

Картина первая: «ВЗЛОМЩИКИ СНОВ» (серия портретов)

Эпизод 1. Жар

Эпизод 2. Гроза

Эпизод 3. Земля

Эпизод 4. Ветер

Эпизод 5. Снег

Эпизод 6. Песок

Эпизод 7. Лица

Картина вторая: «ПОКОЙ НАД МОРЕМ» (пейзаж)

Эпизод 1. Вода

Эпизод 2. Башня

Эпизод 3. Луна

Эпизод 4. Время

Картина третья: «ВОЗВРАЩЕНИЕ» (абстракция)

Эпизод 1. Мост

Эпизод 2. Чаши

Эпизод 3. Огонь

Картина четвёртая: «ЦВЕТЫ ЗАБВЕНИЯ» (натюрморт)

Эпизод 1. Пепел

Я первый усмотрел во снах виденье истины.
«Прикованный Прометей». Эсхил

Картина первая: «ВЗЛОМЩИКИ СНОВ»

(серия портретов)

Эпизод 1. Жар

Ангел взял нож и отрезал крыло. Поморщился от боли и потянулся отрезать второе. В такой перекрученной, как выжатое бельё, позе и с мученическим выражением лица его и запечатлел художник. Ангел мечтает стать человеком. Но разве поезд может двигаться вспять? Ноги босые, в каплях крови. Почудилось, в каплях гранатового сока. Рядом висела репродукция картины Гюстава Курбе «Гранаты». Кто додумался совместить на одной стене несопоставимое? В поезде может быть всё: изощрённые фантазии и настоящая жизнь, красота и пошлость. Синяя ветка метро в Москве, разноцветный поезд-музей. Галерея на колёсах: едешь, смотришь картины, можно перебежать на станциях из вагона в вагон, как из зала в зал. Каждый вагон выдержан в своём стиле, принадлежит своей эпохе, а картина с ангелом – некстати. Давно ждала этот поезд, как ждут знаменья свыше: *«Однажды, как в плохом кино, проснёшься и поймёшь, что ничто не будет прежним».*

– Кира, с тобой всё в порядке? Почему не подходишь к телефону?

– Я работаю по ночам, днём сплю. Всё хорошо.

Гудки. Маме лучше не говорить, что проснуться не получилось. Возвращалась домой после кинопремьеры, села на станции Арбатская в цветной поезд здоровой, а утром начался жар. Летом в Москве легче всего простудиться: город кондиционеров и сквозняков. Ангина сбила с ног на несколько дней. Всё плыло и горело, мысли и образы сплетались в причудливые фигуры калейдоскопа снов. Лабиринта без входа и выхода, где непонятно, кто ты и откуда, и кажется, то, что сейчас происходит, видела и переживала когда-то. Экран внутри экрана, сон внутри сна.

А что если сны можно было бы снимать, как фильмы, и показывать в кинотеатре?

Снилась операционная. И какой-то голос сказал:

– Твоё сердце отравлено.

Утром проснулась и увидела солнечные блики на потолке. Вырвав из вен иглы капельницы, встала и подошла к зеркалу. Тонкий шрам – под левой грудью.

Чересчур красиво, чтобы быть жизнью, если бы не лёгкость, ощущение счастливой пустоты.

Тот же голос сказал:

– Больше не будет больно.

Это кино смотрели с тем, кого ждала нетерпеливее, чем цветной поезд. Искоса наблюдала за его реакцией, нравилось думать, что запомнит фильм как лучший из всех, что видел, а на премьеру я его пригласила. Но вместо финальных титров на экране возникли клоуны и фокусники. Гримасничали сначала на сцене, потом спустились в зал, задирая зрителей. Мерзкое, отвратительное шоу, и никто не мог ни остановить его, ни уйти. Все вокруг стали участниками клоунады, а вместо надписи «ВЫХОД» над дверями из зала в коридор загорелись дорожные аварийные треугольники без каких-либо стрелок объезда. Неопишное чувство стыда за происходящее! Если бы не с ним, а с кем-то другим, то можно было бы пережить, но он рядом. Не мой сон, не моё кино, не моя жизнь. Мечтала быть похожей на женщину с экрана, украли её и выдала за себя, солгала, потому что совершенно нечего ему предложить. Но хуже всего, что не знала, кем был этот человек рядом со мной.

Фокусником, которому не нужен зритель. Ловко жонглировал четырьмя предметами на экране. Несколько секунд в замедленной съёмке крупным планом в руках поочередно показывались жезл и чаша, ромб и меч. Затем снова всё замелькало, сливаясь в огненный круг, словно жонглировал он горящими факелами. Киноактёру всё равно полон зал или пуст, играя свою роль, за камерой видит лишь режиссёра.

– Сможешь поймать?

Осторожно оглянулась через плечо, пытаюсь понять, к кому из зала он обращается. Единственное занятое кресло – моё. Ни души вокруг.

– Нерешительность – признак несчастливой судьбы, – покачал головой он и метнул меч в мою сторону.

Лезвие вошло в сиденье, как в масло, едва успела отскочить в сторону. Кресло издало тихий стон, а я неотрывно смотрела на покачивающуюся бронзовую рукоять с резными узорами в виде трёх догоняющих друг друга спиралей. С трудом вытащив меч, снова взглянула на экран: никого, но за ним мерцал лёгкий свет, словно на ветру плясало пламя от факелов.

– Нужно пройти сквозь экран, – эхом в пустом кинозале прозвучал знакомый голос.

Разрезав полотно, оставила меч на сцене: слишком тяжёлый, чтобы тащить с собой. Заметила золотистую крошку песка на ладонях. Под ногами был тот же песок. Впереди, за экраном, – бесконечно длинный, уходящий в темноту неф с колоннами. В тусклом свете факелов можно было рассмотреть ближайшие из них с высеченными иероглифами, символами звёзд, пирамид, кубов, шаров и сосудов. Я шагнула в зазеркалье, в отражённый коридор свечей. В одной из ниш за колоннами пламя выхватило из темноты край картины. Взяла факел, подошла к ней поближе. Застывший жонглёр. Фокусник, метнувший мне меч. Но на картине поза его напоминала распятие.

Внезапно коридор из свечей исчез в темноте, потом появился снова, по ногам потянуло холодом. Сквозняк погасил на мгновение факелы, точно где-то далеко впереди открыли и закрыли невидимые двери. Волна взвившегося с пола песка больно резанула по икрам. Свет приближался. Многоголосый шёпот

заставил потушить факел в песке и вжаться в стену. Спасительная полоска темноты сужалась, и вскоре у ног задрожали тени невидимых за колоннами хозяев голосов. Одна из теней была похожа на птицу с изогнутым клювом. Тень кивала головой в такт глухим и отрывистым, как барабанная дробь, словам на древнем языке. Самого говорящего скрывали звероподобные тени, столпившиеся вокруг двух треугольников на кресте.

– Я не знал людей, которые были бы незначительными.

Глубоко в подсознании включился переводчик, и я поняла, что нахожусь уже в своём сне.

– Я не перекрывал воду, позволяя ей течь.

Треугольники весов предательски дрогнули.

– Я не вынудил ни одного человека заплакать.

Весы покачнулись, и один из треугольников склонился к земле. Свет погас. Голоса умолкли. Почувствовала, что темнота засасывает меня всё глубже, как вязкое болото, и крепко зажмурилась. Если с силой закрыть глаза, то перед внутренним взором вспыхнут белые искорки света, зажжётся солнце.

Палящее солнце пустыни. Её бесконечность подавляла, хотелось кричать и плакать от ощущения собственной беспомощности и одиночества. Песчаные дюны тянулись далеко за горизонт, в пустоту без единой точки опоры – не за что зацепиться взглядом. Северный ветер рвал волосы и одежду, швырял в лицо песок, полируя кожу, словно наждак. Слёзы капали на покрытые пылью руки, оставляя на них длинные горячие дороги тоски. Вдалеке почудился волчий вой или чей-то плач по погибшему. Я его потеряла.

– Несказанно везёт и не в первый раз, давно за вами наблюдаю. В чём секрет?

Блондинка была хороша, её не портил пластмассовый свет ламп над игорным столом, оседающий на лицах мертвецкой бледностью. От неё не пахло бессонницей, как ото всех нас, напротив, будто только что проснулась, как и положено – на рассвете. Густые волосы цвета карамели и глаза цвета неба за окнами. На рассвете небо над Прагой становится пронзительно синим, настоящим, без примесей. Не знаю, почему сегодня решил играть в «Богемии», наверно, устал от «вечного сейчас». Пятое измерение, где времени нет и быть не может. Если все будут смотреть на часы или за окна, никто не проиграет достаточно денег, и казино разорится. Никто не должен уйти слишком рано, никто не должен отрывать взгляд от зелёного сукна, где мелькают карты. Липкие капли пота медленно ползут от виска по щеке, по шее и под ворот рубашки. Время зависает в воздухе, как капли смолы.

Вышеградская «Богемия» – единственное казино в Праге, где окна есть. Казино для туристов. Вышеград – исторический район Праги, высоко на холме над Влтавой, где гости города расстаются с деньгами, любуясь его летящей, романтической панорамой. Точнее, могли бы, если бы не проигрывали так азартно.

Блондинка не проигрывала и не играла, а пила сахарный абсент у края стола, незаметно разглядывая игроков.

- Туз пик не придёт, снова придёт червонный.

Предчувствие беды обожгло так же сильно, как и во сне. Она говорила по-английски, и я помотал головой в знак того, что не понимаю ни слова. Сегодня сойдётся моё четвёртое каре, нужно сосредоточиться.

Снилось противостояние на краю леса: волка и стаи псов. Город не моя территория, должен уйти обратно в лес, но нельзя поворачиваться к ним спиной – разорвут. Противостояние страха: псы тоже боятся и не нападут, если не почуют мой. Борюсь с собой, скалюсь и рою лапами землю. Они молча и недвижимо ждут, обжигающий смрад выдаёт их учащённое дыхание. Темнее, ещё темнее. Руки в грязи и крови. Я снова человек, маленький и дрожащий, – против клыков и когтей. Нет ни ножа, ни камней поблизости. Пячусь и упираюсь спиной в дерево. Закрываю глаза, вот-вот кто-нибудь из них вцепится мне в горло. Жду. Долго. Внезапно воздух становится чистым. Псы ушли.

А я проснулся и понял: удача уйдёт по кривым переулкам города следом за ними. Покерная удача моих снов: неизменное каре – три туза и джокер. Менялись масти, но не комбинация. А джокером стал я, когда решился.

Лето в банковском офисе – худшая из пыток. А грозное лето тем более. Духота и головная боль. Пытка по расписанию. Раньше и представить себе не мог, что погода превратит здорового, сильного парня в дряхлого старика. Бумаги, бумаги, бумаги, скрип дверей, звонки, телефонные разговоры, лязганье копировальных аппаратов и степлеров ... – до сквозных дыр в мозгу. Дорога с работы: брусчатка и боль в пятках, отзывающаяся в позвоночнике, светофоры, хлопающие крыльями над головой, точно стая голодных птиц, нищие попрошайки на Карловом мосту на коленях, мордой в землю, – им не так плохо, могут встать и уйти в любой момент. А чёрный пиджак, белая рубашка и галстук – клеймо раба. Долгие душные ночи, редко прерываемые звонком будильника, чаще тем, что обезболивающее не действует, и в голове от виска к виску опять маршируют с оркестром.

Гроза же обходила Прагу стороной, проливаясь где-то далеко за городом. Бросить бы всё к черту и уехать её искать! Гроза принесла бы мне облегчение. Не мог себе этого позволить: пенсионерка-мать и непонятно от кого беременная дура-сестра – у меня на шее. Я должен их содержать. Должен. Человек вечно кому-нибудь что-нибудь должен. Жизнь – как кредит в моём банке: деньги потихому перечисляют прямо на электронную карточку. Никто не спрашивал, хочу я родиться на свет или нет. Всучили подарочек и подписали под двадцать процентов годовых. В нашем мире вообще считается нормой, что две трети профессий и занятий человечества абсолютно бесполезны. Как в «Замке» Кафки все что-то делают, но никто не может сказать, что именно и кто за это в ответе. Деньги – мерило статуса. Чем больше накопили, тем выше ростом и значительнее стали. И всех приходится догонять, всем соответствовать. Иначе протянешь ноги. Пожизненная участь наёмника. Но стоит осознать, что в жертву гарантированному социумом «завтра» приносишь себя, как восприятие мира переворачивается. Мир – игра, где социальный статус, как джокер в колоде, – заменитель красоты, ума и таланта. Красивую женщину не спросят, чем она занимается: смотришь на неё и понимаешь, неважно. Художника тоже не спрашивают: от него краской пахнет. Люди призвания: врачи, учителя, писатели... выдают себя первым же словом, жестом. «Кто ты по жизни?» – вопрос,

упорно повторяемый офисной серостью, продавцами воздуха. Надо же им как-то себя идентифицировать, никто не хочет уподобляться пластиковым стаканчикам с искусственной одноразовой судьбой. Хочется жить по-настоящему!

Я – жил. В коротких предрассветных снах, где после второй дозы обезболивающего дул чистый северный ветер. В перевёрнутом мире игра и есть настоящая жизнь. Веер тузов на зелёном сукне: крестовый и червонный, бубновый и пиковый. Срывал банк раз за разом, пока утреннее головокружение от победы не переросло в настойчивое желание проверить свою удачу. И я решился, дал себе зелёный свет.

– Сколько ставите?

– Всё, что есть.

Вечера начинались одинаково: мелкие карты, мелкие выигрыши с целью продержаться за карточным столом до рассвета. Научился чувствовать его приближение кожей, минута в минуту. Наручные часы в казино тоже носить не принято. Когда ночь над городом сдавала позиции, за игорным столом мне сдавали каре. Главное – успеть поставить все деньги, а их с каждым «ва-банком» прибавлялось и прибавлялось.

Я уволился, переехал из тесной клетки с протёкшими потолками в старом центре в просторную квартиру в новостройке на окраине. Матери и сестре кидал деньги на счёт, сказав, что новая работа связана с частыми командировками. Жил и спал, как хотел и когда хотел, а не по расписанию. Лучшая комбинация свободы и счастья!

Снова пришёл червонный туз, как и предсказала блондинка. Сердце вместо меча. За столом все замерли, глядя на крупье, передвигавшего Эверест из фишек в мою сторону. Жаль, никогда не приходил туз пик, люблю оружие. В детстве в музеях так и тянуло прикоснуться, погладить острые наконечники копий, провести пальцем по лезвию средневекового меча или ножа. Собрать бы коллекцию! Пики её олицетворяли в картах, могли бы стать моей последней удачей. Возможностью взять у будущего тайм-аут и не попадать больше в контору лязгающих степлеров. В жизни нужно делать что-то полезное, чтобы всегда быть на плаву. Но что я умею, чему могу научиться? Ничего и ничему. Пока не пойму, кто я и чего хочу.

Сыграть ещё раз? Оглянулся на блондинку. Чуть улыбнулась мне краешками губ, подняла бокал, допила остатки абсента и резко встала из-за стола, направляясь к выходу. Понял: лучше забрать деньги и уйти, пока не поздно. Жадность – плохой советчик.

– Поздравляю вас, всего триста пятьдесят тысяч крон. Но сейчас в кассе недостаточно денег. Сможете получить выигрыш днём, после двенадцати.

Я опешил.

– А до двенадцати буду шататься с мешком фишек в руках?

Кассирша рассмеялась в ответ:

– Нет, конечно. Выпишем поручительство, предъявите его – получите ваши деньги. Не волнуйтесь. Есть у вас с собой документы?

Так, приехали. Крупная сумма, зарвался. Я ей – паспорт, а она звонит «кому надо», и мне устраивают несчастный случай. Казино ни при чём. Все чистенькие. Современная мафия. А блондинка – их наблюдатель. Я же был осторожен, играл нечасто! Да и кто сможет обвинить меня в мошенничестве, если выигрывал по

снам? В казино меня убивать не станут: слишком пафосное место «Богемия», чтобы вляпаться в газетные заголовки. Значит, деньги всё-таки получу, если смогу продержаться несколько часов. Нужно рискнуть. В конце концов, Прага не Лас-Вегас, может, нет столько денег в кассе, не в сейфе же они их держат, в банке.

И я покорно пошёл за ней по длинному коридору подписывать бумаги. Над дверью в комнату висела табличка: «ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ ВХОД». Видимо, гости казино часто путали двери. Внутри – такой же мрачный пластмассовый свет, темно-зелёные ковры и стол, укрытый зелёной скатертью.

Заполнил бланки с печатью казино, один протянул ей.

– Ульвиг? Странное имя у вас. Знаете его происхождение?

Пристально разглядывала меня и улыбалась. Снова почувствовал смолу на висках и за воротом. Её улыбка в бледном свете походила на оскал.

– Нет, и знать не хочу.

– Зря вы так. В имени заключена судьба.

Молча сунул бумагу в карман и поспешил убраться оттуда. Что-то дьявольское сквозило в зелёной комнате.

Вызывать такси из казино не хотелось, решил поймать у Нусельского моста попутку. Но мост был пуст. Я долго шагал вперёд, не оглядываясь и стараясь думать о красных черепичных крышах, разбегавшихся под ним в разные стороны, насколько хватало взгляда. В народе Нусельский мост называют «мостом самоубийц» как самый высокий в Праге. Тучи ползли за мной по пятам, затягивая подурмяненное первыми солнечными лучами небо.

А в Старом городе меня поджидали псы. Сделка с Дьяволом, похоже, состоялась. Он забирает не то, что нам дороже всего, а наоборот то, что в суете дней перестаём замечать. Жизнь. Быстро они среагировали. Парни в увесистых ботинках появились одновременно впереди и позади меня из переулков, словно материализовались из стен домов. Вполне могли провожать меня от казино. Тогда почему напали не на мосту, скинули бы вниз как самоубийцу?

Драка не заставила себя ждать. Падая навзничь на брусчатку, увидел небо, искромсанное вспышками молний. В город пришла гроза.

Чей-то крик между раскатами грома:

– Остановитесь! Я звоню...

И темнота.

Эпизод 2. Гроза

«Почему не подойдишь к телефону?». Сколько времени я бредила? А могла до сих пор не проснуться, если бы мама не звонила так долго. Её звонок вытащил меня из забытья и жара пустыни. Луна на подоконнике взвыла и в три прыжка очутилась на кровати, начала топтаться на коленях, выпустив когти. Ненавижу, когда она так делает. Луна – моя сиамская кошка, окрас шерсти напоминает голубовато-серые лунные кратеры. Озверела с голодухи.

Пошатываясь от слабости, я побрела на кухню. В холодильнике нашлись миска варёных куриных сердечек для неё и гранатовый сок для меня. Смотрела, как она уплетает сердца, напряжённо вспоминая образы последних дней и снов. Цветной поезд и ангел, отрезающий крылья; фокусник с мечом; неф с колоннами, исчерченными иероглифами; птица, весы, песок.

– Я не ел сердца, – прозвучало вдогонку из сна.

Ну и сны мне снятся! Сцена Страшного суда из египетской Книги Мёртвых, исповедь отрицания в Храме Маат. Тень птицы – египетский бог Тот, его обычно изображают с головой ибиса. Вместе с Анубисом взвешивали сердце умершего на Весах Двух Истин. Если сердце оказалось тяжелее пера богини справедливости, значит, исповедуемый солгал. Но кто исповедовался? Во сне не видела говорящего, не видела даже его тени. *«Твоё сердце отравлено»*, шрам на груди и гнусная сцена с клоунами, где мы все притворялись. Неужели судили меня? Тогда кого же оплакивала в пустыне? Чем пристальнее разглядывала детали сна, тем сильнее запутывалась в сюжете. Голова кружилась от голода. Нужно было дойти хотя бы до ночного супермаркета и купить что-нибудь поесть.

Пока принимала душ, за окнами рассвело, а мой дом окончательно проснулся. Соседи сверху не могут обойтись без криков, стены скоро начнут рушиться. Нет, мой дом не фамильный замок площадью в тысячу га, а у них – стандартная «двушка». Но по утрам они орут так, будто находятся в километре друг от друга. Театр глухих. Иногда поражаюсь, насколько далеки бывают близкие люди. Внешнее расстояние – дотянуться до пощёчины, внутреннее – никогда не понять, не услышать. Потому что самые важные в жизни слова произносятся шёпотом, а спорят они о мелочах.

– Я не знал людей, которые были бы незначительными, – вспомнилась фраза из сна.

Я знаю таких. Много. Не люблю людей. Нет, не ненавижу, ненависть – слишком громкое слово, а именно не люблю. Будто в зоопарке идёшь вдоль клеток с обезьянами, а они корчат рожи, кидают в голову кожуру от бананов и собственные фекалии. Омерзительно! Я для них – развлечение, телевизор. Живут в обустроенных клетках с фонтанами и деревьями, а я вынуждена платить за билет. Хуже всего приходится, когда к ним начинаешь испытывать жалость. Вот сидят два рыжих орангутанга, смотрят почти человеческими грустными глазами. Но нет, ждут моего приближения, чтобы треснуть палкой сквозь прутья. Внутри вспыхивает звериная ярость, заразилась. В такие моменты перестаёшь понимать, по какую сторону решётки находишься. Наш мир – планета обезьян. Я презираю их не за то, какие они, а за то, какой становлюсь сама рядом с ними. Поэтому стараюсь жить с ними наоборот: в ночной тишине пишу статьи или гуляю по пустым улицам, перехватываю несколько часов сна перед рассветом, утром, пока они криком разносят стены, иду перекусить в кафе, днём, когда все на работе, читаю или сплю, вечером отправляюсь на очередную премьеру в кино.

«Кофемания» находится за углом дома. Но чуть ли не по полчаса нервно курю в подъезде у окна и не могу заставить себя выйти на улицу. Бойцовский пёс соседа снизу однажды прокусил мне руку. Пронизывающий страх – насквозь, до боли, до головокружения. Собаки чувствуют людей, знают лучше, чем они сами знают друг друга. С собаками у меня всегда были нежные отношения, и оттого особенно обидно. Наверно, пёс чует запах Луны. Я не кошатница, а Луну

выкупила у дворовых мальчишек за сотню. Те ухитрились её связать и поджигали усы. Теперь мои руки ободраны до локтей, а собаки меня ненавидят. Впрочем, как и люди. Похоже на колку льда: бьют постоянно в одно и то же место, и постепенно перестаёшь чувствовать холод и боль. Маленькие повседневные ранки не затягиваются.

С дипломом МГУ мечтала стать журналистом или хотя бы PR-менеджером. Сменила много рабочих мест, но везде мне крутили одну и ту же пластинку:

- У вас тихий и неуверенный голос, смешная короткая чёлка, жёлтые рубашки не носят, а робких никто не воспринимает всерьёз.

Меняла внешность, подстраивалась под них, но потом поняла, что незаживающие ранки и делают людей столь беспощадными друг к другу. Мир полон безвкусицы и уродства, а клоуны на его сцене не чувствуют боли, и потому на роль жертвы выбрали меня.

Последнее заявление об увольнении положила на стол и ушла побродить по узким улочкам Китай-города. Почти весь ноябрь лили дожди, но иногда случались дни резкого, острого ветра, когда сквозь тучи, как кровь сквозь бинты, проступало солнце. В переулке нашла маленькую галерею. Один зал, несколько современных гравюр на стенах и композиция из фигурок из тонкого прозрачного стекла. Казалось, фигурки вот-вот растворятся в воздухе, сольются со стенами и окружающими предметами. История людей ранимых, хрупких и беззащитных, но в то же время невидимых, а значит, спасшихся. Зачем кому-то что-то доказывать, приспособливаться, переделывать мир, если можно уйти? Исчезнуть и сохранить себя? Тогда впервые почувствовала то особенное преддверие одиночества, какое испытывает человек, заглядывая в светящиеся окна домов из темноты дождливой улицы. Само одиночество приходит, когда уже безразлично, что за кино смотрят люди за окнами, устроившись в кресле у камина и попивая глинтвейн или подогретое вино. Знаешь: у них на экране не ты, стоящая посреди дождя, а кто-то другой. Когда можно спрятаться, закрыв глаза, как прячутся дети.

Устроилась внештатным кинообозревателем и рецензентом: выходить на премьеры, а писать о них дома. В кино люди лучше, чем в жизни, безопаснее: не могут покинуть пределы экрана, изменить предписанную роль. В кино я нашла свою «дверь в лето»¹: с экрана за мной наблюдают, а я не существую, как те фигурки из невидимого стекла. Одиночество не болезнь и не несчастье, как вас приучили думать с детства. Одиночество – привилегия свободного человека ничего не бояться, ни от кого не зависеть и никому не принадлежать. Мой любимый фильм – рекламный ролик канала National Geographic: «Если бы плотность населения Манхэттена была, как на Аляске, то в нём проживало бы только 25 человек. Задумайтесь!». Махнула бы туда, не задумываясь. Мёртвый город, где есть всё: дома, магазины, бары, парки, автобусные остановки, улицы, площади, фонтаны... И ни души вокруг! Мечта!

Моя жизнь – кафе, куда ни за что не войду, если не будет пустых столиков. «Кофемания» по утрам напоминает клуб холостяков или бездомных в душе. У всех стандартный завтрак: яичница с беконом, кофе и свежавыжатый апельсиновый сок. И стандартный – без особой надежды ищущий – взгляд. Рада, что нечасто приходится смотреть им в глаза. Но всё же такие взгляды не лишены романтики. Как в кинофильме «Время» Ким Ки Дука, где утратившие лица влюблённые отчаянно пытаются найти друг друга, узнать в соприкосновении

¹ Фантастический роман Роберта Хайнлайна о перемещениях во времени.

ладоней. Бесчисленное количество рукопожатий за одним и тем же столиком в кафе. Никогда не найдут, потому что потеряли себя, как старую фотографию, забытую в пыли под кроватью. На фотографии смеются двое, сидя внутри причудливой скульптуры в форме полураскрытой ладони. Мы все – чужие сны в «саду ветвящихся дорожек»². Случайные лица, попавшие в кадр чей-то жизни. Если двое и отыщут друг друга взглядом, узнают в соприкосновении ладоней, то рано или поздно расстанутся. А вместо одной будут две реальности. Он сохранит её во снах и воспоминаниях, она – его. Потом каждый из них встретит ещё кого-то. И до бесконечности ветвятся дорожки, множатся образы, как случайные лица на пожелтевших от времени фотографиях.

Наша жизнь – ненастоящая, как и кино. Никто не принимает нас такими, как есть. Если кино об искателях закончится встречей, их будет четверо, а не двое. Он и его иллюзии о ней, она и её иллюзии о нём. Разойдутся по разным кинозалам, один будет смотреть комедию, а другой – мелодраму или трагедию. Любое «я» в обществе не более чем набор масок в ролевых играх «мы». В детстве и юности все искали ответы на вопросы: Кто я и зачем живу? Взрослея, вживались в предписанные роли и утрачивали связь с реальностью, пока ощущение жизни не ушло совсем. Состарили лица гримом ответственности перед другими, так и не получив ответов на свои вопросы. Уродливые клоуны с набившими оскомину фокусами на сцене бытия. Шоу можно покинуть, шагнув за пределы экрана. Но стоит отвернуться от мира, как он забывает о тебе. Жизнь – игра: либо соблюдаешь правила, либо выходишь. Оказываешься посреди пустыни и плачешь по незнакомцу.

Счёт принесли с рекламной листовкой интернет-казино в виде карточного стола с веером тузов на зелёном сукне. И снова кинуло в жар, а перед глазами замелькали символы сна, – не оправилась после болезни. Вспомнились египетские иероглифы на колоннах. Древний алфавит был символьным, живым, пластичным, как киноязык образов, звуков, музыки, закадрового пространства. В кино часто смысл рождается за или между кадрами, и зритель чувствует вспышку, видит сокрытое. Словно идёшь по тонкому прозрачному стеклу, а под ним – непостижимая глубина океана. Настоящая магия. Ожившие глифы древних, где слова-образы изображают сами себя. В попытке понять, приблизиться к тайне, смотрим фильмы снова и снова, мечтаем походить на киногероев, повторяем их поступки, судьбу, ищем ответы. Кино – вещей сон, но не для одного, а для многих. Общее предсказание. Мистерия.

В кафе же самое важное происходит за экранами окон, а я выбираю столик у окна. В узком проулке высоты почти смыкаются крышами. Последний глоток неба и вновь серо-бетонные плиты облаков. И двое монтажников под крышей болтаются на тросах, приковывая к себе взгляды зевак. Некоторые делают ставки, кто из них сорвётся первым. Но монтажники раньше всех увидят первые отблески молний. А те, кто внизу, не знают, что будет гроза. Я тоже не вижу её, но чувствую приближение. Во сне моё имя – Кира – значило *«та, кто повелевает грозами»*.

Представлю себе Фокусника в городе гроз. Он жонглирует факелами, что не гаснут в дождливую ночь. Я узнаю его в свете пламени. И, возможно, суд будет отложен, и мне не придётся оплакивать его в пустыне.

² Здесь и далее – рассказ Хорхе Луиса Борхеса.

В ту ночь была сильная гроза. Я вышла на привокзальную площадь Сочи. Автобус как раз подъезжал к остановке. Подумала, нет времени выяснять, куда он идёт, да и выбирать не из чего. Никто не ждал меня в этом городе. Села в автобус укрыться от дождя. За окнами поплыли огни улиц, тёмные очертания деревьев, затем дорога начала подниматься в гору. Не заметила, как заснула. Проснулась, когда кто-то вытащил снова под дождь.

- И что дальше?

Автобус уехал, забрав с собой последний свет. А мы остались стоять в темноте, посреди пустой трассы, под проливным дождём.

- Прогуляемся пешком километра два. Тебе надо как следует вымокнуть, - невозмутимо ответил мой спутник.

- Зачем?

- Чтобы не выбирать дом, а согласиться на первый попавшийся, где предложат согреться. Ты что здесь вообще делаешь?

Выслушав мою историю, спросил:

- А почему не осталась на севере? Мурманск, Питер, Москва?

- Город - мозаика судеб тех, от кого отвернулось море. А я всю жизнь провела у моря. Белое украдо мой дом, решила, что теперь мне его подарит Чёрное.

- Море ничего не крадёт и не дарит. Это люди воруют или делают подарки. А море возвращает. Правда, не всегда тем, у кого берёт. Не замечала, сколько людей бродит по берегу после шторма? Живут тем, что море возвращает: часы, золотые цепочки, кольца... Пару дней поискать и почти богач.

- Ты тоже ищешь золото?

- Не только.

Чем занимался Арно, узнала после его смерти. Мы поссорились, и я выскочила из машины чуть ли не ходу, в ярости хлопнув дверью. Он умчался в горы. Я вернулась домой на попутке. Той ночью во сне танцевала лезгинку, но танец стал полётом орла. Высоко-высоко над рекой, проложившей путь сквозь горы к океану. Ощущение крыльев, но пустых, без ветра под ними. Воздух застыл в предчувствии страшной утраты. То же испытают последние люди на Земле. Неотрывно все взгляды на восток. Упираются в стену темноты. Солнце погасло. Медленно. Не вдруг. Свет меркнет, стена приближается. Необратимо выгорает горе. Чувств больше нет. Граница срединного мира. Добро пожаловать в Страну Теней!

А днём в нашу дверь позвонили его родители.

- Мариночка, Марина... Арно... Машина разбилась в горах. Собери, пожалуйста, его вещи, я не смогу сама, - плакала мать, закрывая лицо чёрным платком.

Не знаю, кому и зачем было нужно, чтобы я пережила эту зиму. Дымящееся штормовое море и ледяные осколки брызг. Скрипки придорожных кабаков резали сердце на тысячи тонких ломтиков. Слайсы. Ни один из них не должен быть потерян, сожран неутомимо наступающей на берег волной. Провода рвались под тяжестью сошедшего с гор снега, дрожала в кромешной тьме до утра. Свечек в продаже не было - дефицит. Видела Арно в нескончаемом

потоке прохожих – мимо-мимо, за каждым поворотом, как будто ничего не случилось, и может вернуться домой или догнать меня посреди улицы в любой момент. Сердце отказывалось верить и чувствовать боль. Как дорог становится человек, когда улетает от тебя навсегда! Кажется, уносит с собой целый мир. Всё, что с ним связано, любая мелочь, которую раньше не замечала, приобретает сакральный смысл. Говорили, там, где погиб, на указателе, где дорога петляет, срываясь в пропасть, несколько дней сидел орёл, без еды и питья, не шевельнувшись, и сильно ослабший улетел в горы.

Арно походил на орла. Хищный взгляд карих глаз с жёлтым проблеском, нос с лёгкой горбинкой, высокий лоб. Не отпускал меня ни на шаг, берёг, как охотничий трофей. Высокие синеглазые блондинки на Кавказе такой же дефицит, как и свечи.

В наше последнее утро сидели на подоконнике, между горшками с марихуаной. Он выращивал разные сорта в доме, втыкая в землю таблички: «весёлая», «грустная», «задумчивая», «смелая»... Культ изменённого состояния сознания. «Смелая» нас и поссорила: не хотелось догнать смерть вместе с ним, обкуренным в хлам, хлопнула дверью авто, даже не сказав... Так и не осмелилась за те дни, что провели вместе, всё откладывала слова на потом. А «потом» всегда означает «слишком поздно».

Протянул мне самокрутку и сказал:

– Ты не любишь меня, я знаю. А знаешь, почему ты до сих пор со мной?

Молча смотрела, как медленно тлеет бумага на кончике сигареты, и едкий дым жёг глаза до слёз.

– Мы неприкаянные с тобой. Ты. Я. Мы оба. Никто нас нигде не ждёт, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Мы не умели любить, как любят другие, но у нас была радуга. Арно смотрел, как я раздевалась на пляже, и воздух вокруг становился розовым, играл и переливался, – так море переплавляет закат в золото нового дня, мгновения – в слитки вечности. О радуге я раньше читала. Набоков видел розовый туман, Хемингуэй чувствовал, как плывёт земля³. Многие видели радугу и давали ей имена. Никто не знает, что это такое на самом деле.

А жизнь состоит из кусков и фрагментов, и мы ошибочно связываем их между собой. На фотографиях Арно – разные люди. Вернее, один человек, но со множеством лиц. Может, и я была не единственной? Сосредоточенно смотрит в размытую синюю даль – море или небо? Взгляд жесток. Не видела Арно таким никогда. Фотография, где он среди камней, сожжена наполовину, на обороте – карандашный набросок пирамиды. Я не знала его совсем. Разобрав ящички стола, шкафы, вывернув наизнанку все карманы, поняла с кем жила. С чёрным копателем, падальщиком, расхитителем могил и захоронений, побывавшем во многих городах и странах. Нашла монеты и таблички, исписанные древними иероглифами, амулет из чёрного вулканического камня, керамические чаши с античным орнаментом и из золота, предметы странной формы и непонятного предназначения, географические карты с разноцветными пометками.

Живые не пускают в свой мир посторонних, мёртвые – беззащитны. Некогда любимые личные вещи становятся общими и тоже умирают в чужих руках. Он проникал в могилы других, я – в его. Когда дом ушедшего переворачиваешь вверх дном, что ты ищешь там? Ответ на вопрос, почему ушёл,

³ В. Набоков «Камера Обскура», Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол».

не спросив разрешения? Но всегда есть то, что за гранью видимого и объяснимого. Глубокая тайна – как незаживающая рана: её нельзя вылечить, потому что нельзя никому рассказать о ней, ни у кого нельзя просить помощи.

Когда тебя покидают, не остаёшься одна, – тебя не остаётся. Пустота и невыносимая лёгкость в груди. Её все заполняют по-разному: вином, сексом, разговорами ни о чём, едят, спят, ходят на работу... Так проходят дни, много-много бесцветных дней в пути. Мы – незнакомцы друг другу. Ничего не знаем даже о себе. Но полюбить человека – значит понять его. Кажется, проще простого задавать вопросы тому, кто рядом! Но никогда не решимся спросить: боимся, что ответом станет тишина. Мы – молчаливые незнакомцы. В тишине пишем черновики дорог. А голоса звучат с разными акцентами, но с одинаковой интонацией, не важно где, в каком городе, просыпаешься. Проснувшись, смотришь на потолок и мучительно вспоминаешь, где ты: потолки везде одинаковые – седые, с паутиной острых, угловатых трещин, как разбитое зеркало. Если проснулась, нужно куда-то идти, но куда и зачем?

Художник из жизни в жизнь рисовал одну и ту же картину, не зная, что это и есть великая тайна. А на скалах над морем – предсмертные записки всё теми же изломанными трещинами.

*«Люди неизлечимо больны разлукой.
Она вышла из моря и поселилась на ваших берегах
задолго до того, как первый цветок родился на свет,
а солнце обрело покой на закате,
что прекрасен лишь тем, что у вас отнимает:
прожитый день.
Так прощайтесь!
И пусть не меркнет над вами ореол героев трагедии.
А я буду слагать о вас саги и песни,
и хранить века синей звезды».*

Эпизод 3. Земля

Смерть не прощание навсегда, а разлука на время. Знаю её закон: не сможет разрушить отношения старше неё самой. Я – поэт. Веду летопись Храма Сириуса – сторожа Ориона⁴, двуликой андрогинной звезды: красной и синей. Древние видели красный свет, чувствовали, как бьётся огонь под сердцем, поклонялись Богине Земли, с благодарностью принимая её дары. Исследовали мир, как дети, заглядывали во все уголки, искали в надежде найти и находили. Много. Великая мать была щедра. Но потом повзрослели, обленились и создали себе Бога за краем Вселенной, чтобы не думать, а знать наверняка, кому и куда писать в молитвах. Письма теряются, не доходят. А на земле идёт счёт векам синей звезды слёз⁵.

⁴ Созвездие Ориона у древних египтян считалось обиталищем богов. Звезда Сириус (как самая яркая звезда созвездия Большого Пса) изображалась в образе сторожевого пса Ориона.

⁵ Эру Рыб также называют Эрой Слёз.

В Храм Сириуса ведёт одна из дорог лабиринта снов – младших братьев смерти, бесчисленных её репетиций. Здесь нет ни времени, ни пространства. Наша душа – камера обскура, память веков, поколений, где хранится прошлое, настоящее, будущее, все возможные и невозможные варианты земной реальности. Разум – экран, где показывается текущее земное мгновение. Не многим под силу шагнуть за пределы экрана, не многие нас находят. Взломщики снов – исключение, и наша задача помешать ему стать закономерностью. Храм Сириуса открывает двери двенадцати верным адептам. Нам нечего терять и некуда возвращаться. Тринадцатого выбираем сами на смену тому, кто уходит в свет.

- Первый аркан – отречение. Выбери себе новое имя, Марина.
- Маугли. В шутку он называл меня Маугли.
- Без роду, без дома, без племени?
- Да. Город, где родилась, уже не существует на картах.

На огромном экране Храма – мыс Кольского полуострова, где когда-то находились десятки военных баз. Вокруг баз возникали города. Ты жила в одном из них. Военные корабли заходили в порт, бывший по совместительству набережной и главным променадом города, у детского садика красовалась ракета, у школы – списанная подводная лодка. В девяностые военные базы стали не нужны России, и города вокруг них начали медленно умирать. Заржавевшие корабли в портах застыли памятниками минувшему.

Мёртвые города можно отыскать в любой стране. Города, где есть всё: дома, магазины, бары, парки, автобусные остановки, улицы, площади, фонтаны, но нет ни одной живой души. У каждого из них своя история, своя боль: войны, стихийные бедствия, истощение природных ресурсов, закрытие стратегических объектов, фатальные ошибки, необъяснимые явления. Слепыми окнами смотрят в пустоту улиц дома, осыпавшаяся штукатурка, как кожа прокажённого, обнажает кирпичные раны. Порванные провода, фонарные столбы на земле, как воины, павшие в неравном бою, брошенные посреди улиц куклы и грузовики, осколки стекла, трещины в асфальте.

«Прости меня, мой дом родной», – надпись на стене краской рядом с плакатами: «По заветам великого Ленина...». В домах на полу валяются грампластинки и детские игрушки, портреты в рамках улыбаются голым стенам, а в горшке на подоконнике ещё цветёт какое-то растение – единственный выживший. Северный ветер с моря делает воздух прозрачней, а солнечные блики на старом паркете ярче. Люди обрели новую жизнь, а города пропали.

- После смерти отца мама вышла замуж за того, кто подписал приказ об упразднении города и переселении.

- Братство Псов отличается верностью. Здесь у тебя будут дом и семья. Больше не о чем сожалеть?

Маленькая провинциальная библиотека. Белобрысая детская головка склонилась над книжкой. Лёгкий укол в сердце. Здесь ты впервые узнала о радуге – даре Прометея людям. Я же знаю это так давно, что не помню, кто поведал мне о семи цветах света, семи нотах музыки сфер. Часто бываю в библиотеке Храма, сразу за первым поворотом лабиринта, люди входят сюда без стука не только во сне, но и наяву. Озарения. Коллективное бессознательное. Общечеловеческая память. Иногда к нам заглядывают поэты, музыканты, художники, учёные. Но ненадолго: зачерпнут вдохновения и исчезают. Лишь я вынужден бродить в

одинокости меж книжных полок в надежде найти хоть одну книгу, которую не читал. Временно исполняющий обязанности хранителя вечности. А скоро и мне на смену придёт кто-то другой, вечного возвращения не бывает. От столетия к столетию факелы в библиотеке тускнеют, небесные сферы под потолком вращаются всё медленнее.

Сферы когда-то были одной из великих тайн Храма Сириуса, но благодаря пифагорейцам, открывшим гелиоцентрическую систему мира, стали достоянием библиотеки для всех. Мы даём людям то, что они могут принять: входят в библиотеку, но не в Храм. Вечный мир, живой, слитый воедино, невозможно объяснить низшему, земному существу, разорванному временем на куски, мёртвым языком, разобранным на буквы. Но и библиотеку посещают редко: у них теперь есть телевизор и Интернет. Глобальная сеть, победившая время: люди могут стать свидетелями всех событий Земли, нажав на кнопку. И в твоём захолустье у Белого моря всё это было, жители создали свой web-сайт, пытались сохранить город хотя бы в сети, когда...

- Библиотека сгорела. Той весной началось наводнение, а потом пожар. Где-то искрила проводка, произошло замыкание. Город остался без света, тепла, электричества. Пожар затушили, жителям приказали покинуть город, отказников списали, как списывают мёртвые души. А я купила плацкартный билет на поезд Мурманск – Сочи. Но и там не задержалась надолго: единственный близкий мне человек разбился в горах.

- В ночь, когда он погиб, ты видела странный сон...

- Танцевала лезгинку, а потом летела через горы к океану.

- В символах сна открывается истина. Лезгинка – древний священный танец орла, олицетворяющий греческое предание о Прометее. Для обозначения печени и орла лезгинки – потомки анатолийских греков – используют одно и то же слово «лекь». Ты взломала предсмертную галлюцинацию Арно и освободила от нового рождения.

- Но я не могла! Я любила его.

- Любовь – один из каналов в вечность. Слышала когда-нибудь о психофорах⁶, переносчиках душ? Они показываются людям в образе птицы. Ты вывела Арно к свету, за пределы Спирали.

- Спирали?

- Как небо вёснами шлёт молнии первобытного огня вместе с грозой на землю, так мифу суждено повторяться снова, снова и снова. Смысл – в возвращении. Спираль жизни есть трискелис, трезубец Посейдона, символ бега времени: рождение, смерть и возрождение. Но способен видеть её тот, кто уходит в свет, за пределы времени и пространства.

- Но там, за пределами, была скорбь, ощущение страшной утраты. Словно умерли все, кого любила, словно отняли радость, надежды, любовь... И темнота! Я видела стену темноты.

- Спираль и есть та воронка, куда уходят человеческие чувства, мысли и облик, а время и пространство сжимаются в точку, откуда и появились вначале. Ты видела стену темноты вместо Спирали, потому что должна была вернуться, а

⁶ Психофоры, согласно мифам античности, – птицы, доставляющие души умерших в иной мир (буквально «переносчики душ»).

скорбь по всему земному помогла тебе. Прошла первое испытание, не зная об этом. И мы выбрали тебя тринадцатым. Ловцом взломщиков снов.

- Я буду вводить их в Спираль? Лишать права на перерождение?

- Да. В книге Гермеса сказано: познающий человек есть Бог. Боги же бывают разными, Демиургов больше. Когда человек обретёт память всех земных воплощений и поймёт, в чём его предназначение, то не последует ему, а попытается изменить. Власть над временем использует для себя, а не во благо другим. Но меняя свою судьбу, поневоле меняет и связанные с ней судьбы, причём не в одном рождении. Мастерство ловца поможет сохранить гармонию, вернуть отступников, подчинить их свету.

- А что там, в свете?

- Ничто. Арно утратил свою суть и сам стал светом. Ты многих уберегла от бед. Люди используют знания, чтобы превзойти или уничтожить других. Думают о своей жизни, как о стволе дерева, где ветки – жизни тех, кто рядом с ними, но никогда о том, что для других их ствол – такая же ветка, и её с лёгкостью можно сломать ради новой. Все истории Вселенной возникают и проникают друг в друга. Нить времени, сплетённая из триллионов ветвящихся человеческих судеб. Нужно беречь космос от хаоса.

- Но что он искал? Все эти странные фотографии, иероглифы, карты...

- Седьмое измерение, где наши настоящие, прошлые, будущие времена сосуществуют со всеми их возможными, но не воплощёнными, и невозможными вариантами. Богатый выбор, не так ли?

На экране Храма – Гибралтар. Подводный дракон стережёт город из белых и жёлтых домов у подножия. Мост тянется к хребту и тонет в тумане. Пробка, машины медленно движутся по мосту вереницей, словно огоньки потерянных душ. Наши предки верили, что Геркулесовы столпы – путь в вечность, ворота в неизведанное. Элизиум, Сад Гесперид, Асгард, Тир-Нан-Ог находились там, за столпами. Запад – место, где солнце западает за край, страна смерти и рождения многих цивилизаций. Разноликий рай, погребённый на дне океана. Мёртвый город. Атлантида.

- Арно попал в лабиринт случайно, как и другие взломщики, но распробовав, начал упорно искать отмычки ко всем дверям. Энергия камней атлантов помогает свободно ориентироваться в потоках времени. Орихалк – сплав из ртути, золота, меди, олова, цинка и серебра – проводник энергии. Египетские жрецы могли плавить орихалк при определённом положении звёзд, а древняя земля хранила его в своих недрах. Сплав первых законов Посейдона, утраченных человечеством. Законов, дающих силу. Были ещё и кристаллы. Если на известный нам кварц можно записывать информацию, то кристалл атлантов делает обладателя ясновидящим. Пирамида, нарисованная на обороте одной из его фотографий, – уменьшенная копия Храма Посейдона и форма камней. Символ слияния четырёх первоэлементов с пятым – эфиром, светом, дыханием всего сущего. Четыре угла основания пирамиды – Земля с её четырьмя стихиями, сторонами света, временами года, тянущаяся к вершине треугольника – Солнцу. В треугольнике – смысл творения, он – первая проявленная из совершенных фигур. Два треугольника встретятся и сомкнутся в шестиконечную звезду. Три измерения пространства и три измерения времени. Звезда же, вращаясь, образует круг, великое ничто, вечность.

Смена кадров. Ты, конечно, узнала размытый голубой фон? Если солнце находится за спиной, море и небо сливаются на фотографиях. Гряда Дельфина. Азорские острова. Канары и пик Тенерифе. Вулканический остров Тира на Средиземноморье. Извержение вулкана было столь сокрушительным, что учёные обнаружили пепел в осадочных породах в дельте Нила. Арно искал везде. Где находили чёрные и красные камни вулканического происхождения, могли найти и камни атлантов.

- Он стал опасен, и цепь перерождений пришлось прервать. Одно дело историки роют, и совсем другое – сумасшедший фанатик, проникший в тайны алхимии.

- Но тогда зачем он со мной... если знал, что Спираль, что я...

- Не знал. Он искал Атлантиду в разных местах, но не там. Искал землю, но сила не остаётся в земле, только в человеке. Твой любимый искал Атлантиду, не подозревая, что потомок её ночь за ночью засыпает у него на плече. Рано плачешь, мы не всё тебе показали.

Он шёл по пустыне к оазису, но дюны петляли. Усталый продолжал тащить тяжёлый рюкзак на спине. Хотел пить, но вокруг были пески. Упал без сил на горячий песок, а из рюкзака выпали жезл и чаша, ромб и меч. Он не знал, зачем хранит их связанными в рюкзаке, но не мог с ними расстаться. Безумный! Умер от жажды, и лицо стало маской Фокусника. Фокусник в маске жонглировал жезлом и чашей, ромбом и мечом – символами первоэлементов. Он был ловок, но ловкость некому оценить по заслугам. В пустыне нет зрителей. В пустыне зритель – он сам. Фокусник снял маску и исчез, растворился в нас. А в пустыне начался дождь.

- Нельзя стать Фокусником, не вынимая фигуры из рюкзака. Не научишься жонглировать своей природой, если боишься себя потерять. Безумный предпочёл умереть от жажды, но не открывать рюкзак. Вынул бы чашу из рюкзака, наполнилась бы водой. Понять суть вещей – значит превратить их в идеи. Чашу – в утоление жажды. Идею не выронишь из рук, чаш много и все они – чаши, одна заменит другую. В одних и тех же условиях можно быть как счастливым, так и несчастным. Дело не в сложившейся ситуации, а в отношении к ней. Несчастье – слепота, неверное восприятие счастья. Жизнь даёт ровно то, что нам нужно, а мы переворачиваем картинку. Познание начинается с потери любимых, а заканчивается потерей себя. Кажется, потеряла самое дорогое, но для кочевника дом – вся Земля. Временный дом. Мы – дети звёзд. Свет даёт жизнь и отнимает. Человеческая душа как аккумулятор накапливает энергию и возвращает обогащённому источнику бытия. Твой наставник, обучив тебя всему, тоже уйдёт в свет...

...потом. А пока выхожу из тени в центр Храма, шагаю в горящих факелов круг.

- Аморген. Последний рождённый. Выбрал Суд в качестве перехода.

- Суд? Зачем?

- Суд выбирают не все. Тот мир в переходе предстаёт таким, каким способен его постичь наш разум прежде, чем растворится в свете. Последний рождённый выбирает исповедь отрицания, чтобы прожить все земные воплощения ещё раз. Пересмотреть как фильм.

- И навсегда раствориться! Как можно жить, зная всё это, и не сойти с ума?

- Он всему научит тебя, не торопись с выводами.

- Да, но у обычных людей есть религия, она даёт веру в земной порядок, в бессмертие. Уверовав, они спят спокойно.

- Все религии родом из снов. Во сне человек уходит из материального мира. Как думаешь, куда? То-то. Мы не земная церковь, мы – братство. Нас не волнует, во что там играют смертные. Их религия – утешение слабых, притча для тех, кого согнули бы знания. Они способны лишь слепо верить или, будучи атеистами, влачить полуживотное существование. Мы же храним давно утраченные миром знания. Учёному не хватает образности языка поэта, и доктрины не находят понимания в массах. Поэту и философу не хватает доказательств и фактов учёного. Алхимики не брезгают никакими идеями, если они приоткрывают завесу истины. Вместе они изобретают язык познания. Братство не нуждается в толпе последователей. Необходимо сохранить преемственность, как у древних: египтяне приняли мудрость от атлантов, греки от египтян, христианские обряды воскрешения унаследовали таинство элевсинских мистерий и далее по цепочке времён, пока люди не откроются восприятию мира над ними. Пока не станут Фокусниками, проливающими спасительный дождь над пустыней, вместо того, чтобы внимать притчам и умирать от жажды.

- Но кто определит тот момент, когда они будут готовы? Вы?

- Вечность. Когда получит всех отступников. Когда взломщики отрекутся от себя и покинут лабиринт за ненужностью. Когда рухнет Храм Сириуса. Когда...

- Понятно, что никогда.

- «Никогда» вне времени не существует. В «Текстах пирамид» говорится о двух его ипостасях: *нехех* – земном времени действия и *джет* – завершённом времени вечности. Сами часы придумали египтяне, как и календарь. Каждый час отображал то или иное действие. На древних печатях Египта изображён змей, глотающий хвост, или уроборос – «тот, кто закрывает часы». Замкнутый круг предопределённости земного пути. В *джет* хранятся результаты деяний, «никогда» же подразумевает событие, которое не случится, действие, которое невозможно завершить. «Никогда» – иллюзия времени. Но до тех пор, пока не узнаем, что закрыл уроборос, нам нужна будет помощь ловца.

Первый аркан пройден. Но твоё посвящение не завершено, на двадцать два аркана не хватит жизни.

Выход из лабиринта снов – там же, где вход, достаточно погасить факел. Одиннадцать факелов перед нами исчезают в темноте. Адепты просыпаются в своих постелях. На разных концах Земли заправляют постель, принимают душ, заваривают кофе, одеваются, идут на работу по мокрым улицам Лондона, брусчатке Праги, пыльному асфальту Каира, мосту над Сеной, парковой аллее вдоль Афинского акрополя... Обыкновенное утро.

Ты просыпаешься с мыслью: «Чушь собачья!». Долго всматриваешься в пустоты трещин на потолке и произносишь: «Собаки! – это ругательство. Моё подсознание во сне пытается избавиться от чувства вины, переложить её с моих плеч на пёсьи спины». Думаешь, все тайные общества и братства – помешанные сектанты. Но тебе некуда больше идти. И ты любишь собак. Не раз наблюдал в кафе, как складываешь половину обеда в бумажный пакет и отправляешься кормить облезлых бродячих псов. Чувствуешь необъяснимую солидарность: они такие же беспризорники, как и ты. В следующий раз поразмыслий по дороге над тем, что люди чаще всего верят в невероятное, а я дам тебе перочинный ножик во

сне. Маленькая ранка на запястье убеждает лучше седовласого жреца. Слова его звучат коряво зачитанной глиняной табличкой язычников, да и всё в Храме выглядит каким-то затхлым, вырождающимся ритуалом. А видеть сквозь стену из слов тебя не учили. Мне многое предстоит тебе рассказать. Ты сразу меня узнаешь. Почувствуешь северный ветер.

Выиграть у несчастья и смерти способен человек талантливый. Видеть сны – тоже талант. И как любой другой он шлифуется, совершенствуется. В новом сне медленно продвигаешься вперёд, уходя на несколько шагов дальше в лабиринт. Первый поворот, второй, третий... Пока кто-нибудь не даст по затылку, не протолкнёт в глубину, и по возвращении перестаёшь понимать, где сон, а где реальность.

– Ориентируйся по Пёсьей звезде.

Понять бы, какая из них Пёсья? Над головой – мириады звёзд. И шагаю по звёздам и планетам необъятной галактики, высеченным на каменном полу зала с колоннами. Меня окружают изящные черноволосые женщины: одни из них с амфорами, полными вина, другие танцуют с зеркалами в руках или играют на арфах. Смуглые лица мужчин гладко выбриты и насторожены. Я – гость на чужом пиру. Я не такой, как они. В мелькающих овалах зеркал вижу жёсткие светлые волосы, зачёсанные назад, бороду и решительный взгляд. Воину следует походить на вулкан: если внутри закипает лава, отражённый двойник должен быть холоден, как скала.

Журчание арф сменяется странным звуком, словно пересыпают золотой песок или колышется на ветру поле солнечного тростника, нарисованное на стенах и колоннах. Вспоминаю, как называется инструмент в её руках – сistr⁷.

– Я несу свет.

Женщины с зеркалами и арфами исчезают за колоннами, и она остаётся в центре зала одна. Маленькая и гибкая. Белое полупрозрачное платье открывает плечи и руки с тяжёлыми браслетами на тонких запястьях. Сестры выписывают в воздухе непонятные мне символы и знаки. Солнечный песок продолжает сыпаться, золотой тростник шелестит на ветру.

– Моя жизнь – танец, засевающий поля радости, где нет усталости.

Подносит мне чашу с вином. Тяжёлый браслет, звякнув, соскальзывает до локтя, обнажая запястье. Вижу шрамы от кошачьих царапин.

– Кошка – земное воплощение Луны, что отражает солнечный свет ночью, оберегая нас от псов Дуата⁸, – улыбается она, – ради жизни пожертвуешь всем. Пей.

Пью из её рук. Жадно. Никогда не был так счастлив. Силы уходят с последним глотком вина. Чаша падает на пол, реальность разбивается на мелкие осколки.

Перед глазами – больничный потолок, подкрашенный синим светом из окон. В ночном небе за окнами дрожит одинокая звезда.

⁷ Сistr – музыкальный ударный инструмент (погремушка), считался даром Хатхор – богини неба, любви, женственности и красоты в египетской мифологии.

⁸ Загробный мир, мир теней у древних египтян.

В больнице я провёл почти месяц. Воспринимал прожитые дни как хаотично разлетевшиеся осколки. Но траектория каждого из них predetermined. Одно столкновение влечёт за собой другое. Я жаждал грозы, мне снились карты. Если бы гроза пришла вовремя, не стал бы играть. Пропах деньгами насквозь, и уличные бродяги, почуяв запах удачи, отправили меня в глубь лабиринта снов. Казино действительно ни при чём. А блондинка – такой же игрок. Так и сказала:

– Ещё как играю, но в другие карты.

Блондинка вызвала полицию, и если бы не она, меня бы здесь уже не было. Да и напали на меня тоже по странному стечению обстоятельств, когда шёл пустой, с бумажкой вместо денег в кармане.

Нет, это не осколки, а бильярд. Нужно научиться играть. Мастерски. Существует единственная реальность – взгляд лампы на зелёное сукно стола, где десять шаров выстроились в чёткую прямую линию. Лампа знает, что их десять. Но не игрок. Наклоняется и целится кием в шар. С его точки зрения шар один. Остальные девять никуда не девались, но прячутся за первым из десяти. Удар, и шары беспорядочно разбросаны по углам. Игрок снова ошибся. Мог бы обойти стол по кругу, но претендовать на ракурс лампы бессмысленно. Искажение углом зрения. Обман динамической памяти. Хаос не может быть реален, как сон во сне или сон наяву, где никто себе не принадлежит и не знает, кто он. А лампа поливает зелёное сукно равнодушным пластмассовым светом.

В бильярд мы с сестрой когда-то играли по воскресеньям. А потом у неё появился «один тип» и исчез задолго до того, как стал «единственным».

– Она умерла. Болезнь. Агония. Выкидыш. Врачи не смогли остановить кровотечение.

Шар, вылетевший за край бильярдного стола.

– Тебя никогда не интересовало, как она живёт, что чувствует. Откупался от нас деньгами. Но одних денег мало, ей нужна была твоя поддержка, – сказала мне мать.

Я – плохой игрок.

– А если те, кто умирают рядом, умирают вместо тебя? Если они и есть необходимая жертва? – могла бы спросить блондинка.

И снова шары хаотичных мгновений, метаний в поисках того, чего нет, а возможно, и не было никогда. Попытка стать лампой над бильярдным столом. Нет, лучше игроком, чей шар закатился в лузу или хотя бы вернулся на прежнее место, дав надежду на второй удар при на время отвлекшемся сопернике.

Стояли над её могилой вдвоём с матерью. Оба в трауре на фоне белёсого неба, как в допотопной саге об оборотнях. Ветер выл за кадром немого кино. В голове вертелась избитая фраза для таких случаев: *«Мы расстанемся, чтобы встретиться навсегда».*

Навсегда. Незыблемо и неизменно. Я будто врос в землю по пояс. А у могилы напротив два дерева переплелись кронами, как влюблённые из детской сказки про «жили счастливо и умерли в один день». Смерти нет. Она – всего лишь сон, и можно проснуться. Но уже не здесь.

Навсегда. Боль заставляет прозреть. На её месте должен быть я. Я должен был проснуться не здесь. Сестра умерла в ночь синей звезды, когда очнулся в больнице. Последние её слова мать записала на листке бумаги. Стряхнув

оцепенение, извлёк листок из кармана и прочитал: «Вино на чужом пиру превращается в кровь».

Время проваливалось в пустоту. Выдохся запах белых цветов – выращивали их вдвоём на кухне, в гостиной, в спальне. Мать срезала все и принесла умирать вместе с ней на холодной плите. Сестра их когда-то любила.

Я ничего не чувствовал. Пришёл домой и лёг спать.

Они сидели вдвоём на скамейке, спиной к спине, подтянув колени к подбородку. Солнце палило нещадно, трава вокруг была выжжена. Из окон откуда-то сверху доносилось:

– Ублюдок!!! Опять я виновата? Сволочь, ты мне всю жизнь...

Плач, звон битой посуды и крик разбавляла музыка. Кто-то играл на рояле, и разноцветные звуки текли по белёсому небу, как акварель. Внизу дворник, собиравший осколки с асфальта, порезал руку.

– Нам пора, – сказал он, – опоздаем на поезд.

– Это неважно сейчас, – сказала она.

– А что важно?

– Вернуть время, оно провалилось куда-то.

– Куда?

– Мне холодно. Осень. Дождь. И ветер крутит опавшие листья под ногами. Я знаю, что будет, но не знаю когда. Вижу себя со стороны, как на экране, и вижу асфальт под ногами. Прижимаюсь к стене, укрываясь от ветра. Стена ледяная и скользкая. Нужно куда-то идти, но не могу сделать ни шагу. Дождь превратил дороги в зеркало.

– Боишься зеркал?

– Да. Мне объясняли в детстве: за зеркалом ничего нет. Стена. Внутри него – отражения. Но я им не верю. Зеркало – клетка для образов. Пойманные они продолжают там жить, как в застывшем сне. И только и ждут, чтобы вырваться снова наружу.

– Нам нужно идти. Просто шагни.

– Я боюсь провалиться. Но знаю теперь, что вечное возвращение существует и на чём туда пишут послания.

– И на чём же?

– На зеркалах миров. Ведь один из них мой.

– А ты знаешь какой?

– Нет.

– Мы там вместе?

– Не знаю.

– Я постоянно спрашиваю тебя, что ты чувствуешь? Но ты молчишь или говоришь невпопад, как сейчас. Я тебя не понимаю.

– Я тоже. Восприятие – опыт, память, умение сравнивать. Девушка идёт в красном платье по улице мимо красной машины, и я знаю, что красный – это любовь, потому что вижу жёлтые деревья и чёрный асфальт. Могу видеть и отличать одно от другого. Но ты просишь описать цвет, которого не существует в природе. Попробуй, опиши его сам. Сможешь?

– Не знаю.

– Урод!!! – снова закричала женщина наверху.

– Я могу подняться и попросить их закрыть окна, – сказал он.

– Не нужно куда подниматься, опоздаем на поезд, – сказала она.

Дворник выбросил в урну осколки. Пианисту наконец удалось нарисовать на белом небе красный воздушный шар. У неё были чёрные, гладкие, как зеркало, волосы и смешная короткая чёлка. Почему-то сидела босиком и в одной рубашке невыносимо жёлтого цвета. Не смотрел на неё, почувствовал всё это спиной.

Дождь-мажор разбудил меня. Играл на железном карнизе, как на рояле. Динь-дон, динь-дон. Джаз. Но некому было его слушать: все разбежались по домам, даже дети. Я закрыл окно. Оделся, умылся, наскоро позавтракал и отправился за деньгами в «Богемию».

У входа в метро чуть не сбила с ног маленькая девочка. Подхватил её под руку, чтобы не упала. Девочка подняла голову... и я увидел сестру. Точь-в-точь как на семейной фотографии двенадцатилетней давности: испуганные карие глаза и полоски от шоколада в уголках рта – застучали за «преступлением». Вырвалась и запрыгала вниз по ступенькам, а я пошёл за ней. Так всегда бывает в кино. Ещё один сон?

– Стойте! Сюда нельзя! Станция закрыта. Выйдите и садитесь в автобус.

– Как он сюда попал? Заграждения поставили?

– Извините, не заметил.

Их и не было! А сейчас обернулся и увидел позади предупредительные знаки и яркую ленту по периметру металлических столбов.

– Я шёл за девочкой, она тоже здесь.

– Парень, какая девочка? Мы тут кино снимаем.

Сон во сне?

– Вы – в 5й эпизод? Свет, пожалуйста!

Высокий, прилизанный и с ног до головы в чёрном он словно вырезал себя из темноты.

– Великолепно! Взгляд, как у маньяка! Премию кастинг-отделу.

– Я шёл мимо...

Съёмочная группа – в замешательстве.

– Так вы не в эпизод? – тонкие пальцы вцепились мне в плечи.

– Нет, – попытался вырваться.

– А хотите сниматься в кино?

– Нет.

– Жаль. Мне нужен именно ваш типаж. Ложный крючок в сюжете. После сцены с вами все решат, что убийца – вы. Саспенс!

– Не хочу быть убийцей.

– А сыграть его? Мы вам хорошо заплатим. Вид у вас жуткий.

– М-м-м... Дайте зеркало.

Язык не повернулся бы назвать мой взгляд человеческим. Загнанный волк в зеркале скалился и рыл лапами землю.

– Ну что? – не отставал режиссёр, – саспенс?

– Да, – ответил я, – полный.

– Тогда идёте до середины зала, нагибаетесь и поднимаете карту с пола. Вертите её в руках, затем смотрите в камеру. Два общих плана, три средних и один крупный.

– Карту?

- Да. Здесь, в подземке, убита гадалка на картах Таро. Весь фильм ищем, что значит та или иная карта, чтобы понять, кто убил.

- И что они значат?

- Понимаете, в картах Таро зашифрованы древние магические символы. Арканы Таро в мистериях впервые упоминаются в книге Тота. В Древнем Египте посвящённый должен был сперва пройти двадцать два аркана, где противоположные по смыслу картины изображали законы жизни, тайны бытия, располагаясь в нефях храма попарно – напротив, дополняя и объясняя друг друга, соединившись в общий смысл. По легенде, во время войны египетские мудрецы думали, как сохранить и передать тайные знания. Добро слабее и незащищённо перед злом. А порок живуч, решили они, и будет процветать. И нанесли тайные символы на карты. Но символы нужно уметь читать, они двулики. Что для нас настоящая находка, фильм получается многослойным, зритель постоянно обманывается, а напряжение с каждой сценой растёт.

После слов «Стоп! Снято!» внимательно рассмотрел свою карту.

Подпись: «Туз мечей».

Изображение: рука с мечом, занесённая над лабиринтом.

Зал казино был пуст, как бывает в дневные часы. Направился сразу к кассе. «Туз пик не придёт, снова придёт червонный», – вспомнилось по дороге. Чаша вместо меча.

Пока кассирша отсчитывала деньги, читал надписи на дверях. «ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ ВХОД». Вот оно, озарение! Нужна реконструкция событий. Перемотка назад, как в кино или криминалистике. Можно до бесконечности ходить по кругу, если не знаешь порога, откуда начался твой путь. Можно идти вперёд, не оглядываясь в прошлое. Но если не известен исток, то исход непредсказуем.

- Ваш выигрыш, пожалуйста, Ульвиг, – улыбнулась кассирша.

Знакомый оскал. Стоп. Что она тогда сказала? «В имени заключена судьба»?

- Будем рады вас видеть.

- Нет, спасибо, я завязал играть.

И снова Нусельский мост. В небе меж двух чёрных монахов корчился зародыш ребёнка. Молчаливая претензия сестры. Облака и тучи порой принимают странные формы.

Набрал номер матери.

- Как ты?

- Стараюсь держаться. Не переживай за меня.

- Ладно.

- Ульвиг?

- Да?

- Ты о чём-то хотел спросить?

- Почему ты меня так назвала? Странное имя, не находишь?

- Ты сам себя назвал. Разве я не рассказывала?

- Не помню.

- Ты родился молча. Ни единого звука. Не плакал, не кричал, как другие дети. Говорили, тебе не понравилось то, что увидел здесь, на земле. Говорили, немой. Но спустя неделю взяла тебя на руки, ты улыбнулся и чётко произнёс:

Уль-виг. Медсестра, стоявшая по другую сторону кровати, сказала, что ты просто укнул. Но я слышала имя: Ульвиг. Понимаешь?

– Кажется, да.

– Так и записали в документах. Нельзя же отнимать у ребёнка имя, которое он сам себе выбрал.

Вернувшись домой, начал поиски в Интернет.

«Возможное происхождение имени, – выдал Google, – древнескандинавское, кельтское, древнегерманское. Значение: úlf – волк, víg – война». Вместе, вероятно, читается «волк войны».

«...Учёные расходятся во мнениях, какие из древних племён считать исконно кельтскими. Древнегреческие историки Геродот, Гекатей, Страбон, Полибий, Диодор Сицилийский описывают варварские племена keltoi, galtae (кельты, галлы), с кем вели войну и торговлю...

...В ходе археологических раскопок в окрестностях Праги найдено множество древних дольменов ранних кельтов. Само название Богемия (страна бойев) произошло от названия кельтских племён, населявших эту территорию в течение нескольких веков до н.э. Наша земля хранит уйму тайн и ответы на многие вопросы», – прочитал в первых строчках предисловия книги о кельтах.

«Скачать?» – всплыло в электронном «окошке».

Да. Мне бы докопаться. Ответить на вопрос: «Как мне жить дальше?» получится, если спросить себя: «Кто я? Откуда пришёл и куда уйду после?»

Эпизод 4. Ветер

Ветер-ветер, ты привёл в Москву осень. Холодно, люди прячутся под зонтами. Дождь превратил дороги в зеркало. У меня кружится голова, когда смотрю вниз: страх высоты. Под тонким стеклом воды скользят неоновые огни рекламных щитов, разноцветные блики светофоров и машинных фар. Как нам живётся там, под асфальтом, в перевернутом мире? Яркие пятна зонтов спешат и спешат куда-то у меня под ногами. Побег из одиночества улиц. Страх остаться наедине с собой, провалиться в себя, уйти в свои мысли. Не чувствовать границу миров: при столкновении всегда больно. Они звонят кому-то и наполняют наш мир трелями и пустой болтовнёй, и мир оживает. Сиюминутные слова и мысли создают нашу жизнь, как в кино набор статичных картинок – видимость движения. Я тоже боюсь потерять связь с реальностью. Нужно поверить, что существую, иду по асфальту, а не плыву под ним, не размываюсь дождём. Подумать о чём-то обычном. О том, что кончились сыр, масло и хлеб. Что завтра – четверг, а в кармане – билеты на субботнюю премьеру, и придётся как-то убивать два дня. Что дальше? Бар «Прага» – прямо по курсу, влить в себя немного тепла.

Прага носит наряд красно-чёрного цвета. Жар раскалённых солнцем улиц заливают ледяные дожди, яркие черепичные крыши рассекаются мрачной готикой. Абсент приглушает контрасты. Недаром поэты отпраплялись к Харону за вдохновением и сплавляли души по вечнозелёной реке. После абсента снятся потусторонние сказки. Современный Стикс не содержит галлюциногенов, но

вызывает сужение сосудов и лёгкую гипоксию. Полёт над мостами Старого города. Никогда не была там наяву, только во сне.

- Дрожишь, хочется согреть, как ребёнка, своим теплом.

Обхватывает меня руками, затылком чувствую его дыхание. С Нусельского моста наблюдаем рассвет над Прагой. Первая встреча во сне, не научилась одеваться, стою босиком, в одной рубашке. Рубашка – жёлтая, из-за неё всегда увольняли. Приподнимает меня, встаю босыми ногами на его кроссовки. Так теплее, не на холодном камне.

- Почему одних людей всю жизнь считаешь чужими, а другие кажутся близкими в мимолётном сне?

- Люди по-разному проникают друг в друга. Есть внешнее тепло, как от камина, чужое, вышел на улицу и тут же замёрз. А есть внутреннее, как от глинтвейна, его можно унести в себе, согревает под дождём и снегом. Ты же любишь заказывать глинтвейн в баре?

- В баре я пила абсент.

- Напиток забвения, как и эти цветы.

Он держит в руке ветку белых лилий. Семь бутонов: три закрытых, четыре распустившихся. Как раньше могла их не заметить, не почувствовать аромат? Наверно, во сне всё происходит внезапно или наоборот вовремя и к месту, после определённых событий, слов, мыслей или воспоминаний.

- Не помню, как называются. Не чувствую, как пахнут. Запахи вызывают воспоминания. После смерти сестры боль утраты ушла вместе с ними.

- Лилии. Жаль, что твоё обоняние не сохранило лучшие из них: цветочные, дождя, реки, рассвета, человеческие. Есть такое явление синестезия, смешанные чувства, когда звукам придаётся цвет, запахам – вкус или ощущения. Всё, в конечном счете, эмоции. Я помогу тебе вспомнить.

Вкладывает ветку лилий мне в руку, проводит большим пальцем от ладони к запястью и приподнимает рукав рубашки. Стыдно: руки изодраны Луной до локтя. Для него же царапины – что-то вроде опознавательных знаков. Чувствую, как улыбается за спиной.

- Запах живой, как море или мой пульс. Маленькую синюю венку на запястье прижимаешь чуть-чуть и чувствуешь тёплое биение, оно становится сильнее и сильнее, пока твой пульс не начинает биться в такт. Захватывает мощный поток энергии. Так запах лилий распространяется по улице: сначала тонким биением, лёгким прибоем, затем превращается в мощный шторм. И солёные брызги долго чувствуешь кожей, слизываешь с губ. Запах обволакивает со всех сторон, сопровождает повсюду, куда бы ни шёл.

- Красиво.

- Есть лучше. Я хочу сохранить твой запах. Пусть бежит за мной по Москве, живёт в моей спальне, когда проснусь.

- Мне бы тоже хотелось тебя сохранить. Расскажешь?

- Себя я не чувствую. Зато чувствуешь ты на уровне подсознания, как птицы ориентируются в небе по магнитному полю Земли, а дельфины находят друг друга в море при помощи эхолокации.

- Мы не дельфины и не птицы. У нас есть билеты на поезд.

- Она – истеричка, а ему нужна женщина!

- Ещё скажи, такая, как ты!

– А почему бы и нет?

А почему бы вам не заткнуться? Хотя бы в шесть утра, когда весь дом спит? Мои соседи сверху снова что-то не поделили. Сейчас он заорёт матом, она в ответ кинет в голову тарелку или пепельницу, он пригнётся. Я инстинктивно отпряну от окна. Дворник, убирая осколки с асфальта, снова порежет руку. То ли в проекторе киноплёнку заело, и на экране навсегда застыл этот выцветший кадр, то ли режиссёр – параноик и смонтировал подряд несколько дублей, то ли женщины предсказуемы: сначала покупают посуду, потом бьют. Женщина и в Эдеме найдёт что разбить. А мужчина купит в магазине игрушек детскую железную дорогу, как напоминание о снах, что больше не снятся. Маленькую железную дорогу, на неё смотрят свысока и никогда не сядут в вагон, потому что настоящий поезд уже пропустили. И не помнят, куда собирались уехать. Счастье не позволено, не принято, не допустимо. Сказки заканчиваются свадьбой, а дальше – в жизни – всё должно быть «как у людей». Нельзя переводить стрелки на железнодорожных путях. Нужно бить тарелки. Мир закипает под ногами, как чайник. А я – вирус, уцелевший в кипятке.

Знаю, что ты ответишь:

– Мне не нужен рай, где тарелки кидают в голову, а дворники режут руки. И не сдашь билеты на поезд.

...поезд. Меня разбудили, когда держала в руках билеты на поезд. В билетах значились наши имена: Кира и... Ульвиг. Да, во сне твоё имя – Ульвиг. А может, и наяву тоже? Моё же имя не изменилось во сне.

Кофе и сливки смешиваются в чашке: чёрное с белым. Если миры проникают друг в друга, то и человек способен перемещаться во времени и пространстве, как по шахматной доске. Любой шаг – выбор, творчество будущих времён, творчество судьбы. Можно верить, что жизнь есть поезд, мчащийся в замкнутой темноте тоннеля по ветке метро, и тогда конец predetermined. А можно ездить по железнодорожным путям со множеством разветвлений и поворотов, самостоятельно переводя стрелки. Если способен свернуть на перекрёстке в нужную сторону или выйти на знакомой станции, то всё обретает смысл.

Древние египтяне верили: знаешь имя человека – владеешь его судьбой⁹. А Google помнит всё. Любой из нас хотя бы однажды искупался в море. Сеть и есть море, но не воды – энергии, и все слова эмоционально заряжены. Людей, ни разу не бросивших бутылку с посланием в сеть, не существует в современном мире. А бутылку из воды почему-то вылавливает всегда тот, кому адресовано или кого касается запечатанное в ней послание. Сеть сохранит резервные копии, даже если само послание удалили.

Записки на зеркалах миров:

«Я тебя ищу...

...А что ищешь ты?»

Складываешь пазл, но кусочки не подходят друг другу. Яркая мозаика из запахов, звуков, образов и деталей снов. Вспомнить все искорки и сплести полотно. Но нитки разные: шёлк, шерсть, лён, ... – не плетутся. Где в твоём мире сон, а где реальность?

⁹ Бог Ра творил мир словом, названных в нём не существует, а имя определяет судьбу, предназначение.

Всякий раз просыпаешься, будто воскрес в иной жизни. Не знаешь, что произошло, изменилось в твоё отсутствие. Единственное доказательство реальности – смысловая точность, логика, причинно-следственная связь событий. Жизнь по сюжету. Но попробуй связно его пересказать, получилось? Есть ли в нашей жизни сюжет? Чёткая прямая из точки А в точку Б? Помнишь ли ты все события прошедшего дня? То-то и оно. Огромные куски времени теряются, и никто не знает, где их искать. Для понимания нужно не фрагментарное, а целостное и неделимое восприятие, как в рассказе Борхеса «Фунес – чудо памяти», где каждая секунда бытия навсегда остаётся перед глазами.

Задумалась об этом впервые в темноте кинозала: клиповый монтаж – провалы во времени, мультикадр – «вечное сейчас», где причина и следствие слиты на экране. А чуть позже нашла в электронной галерее картины Джексона Поллока. Художник разбрызгивает краску с кистей на холсты, расстилая их прямо на полу, и утверждает, что, рисуя, не осознаёт, что делает. Неудивительно, что картины напоминают одновременно кадры клеток крови и первичного бульона Вселенной. Реализм абстракции. Зрители возмущаются: работа подсознания стоимостью в миллионы долларов! Я тоже не понимала, пока в Венеции в музее Пегги Гуггенхайм не оказалась в круге его картин, не почувствовала себя частицей мироздания. Голова кружилась от масштабности происходящего и от собственной ничтожной роли в вечном спектакле жизни, захотелось выйти, прогуляться вдоль каналов, подышать свежим воздухом лагуны, закурить, выпить вина, ощутить твёрдую мостовую под ногами, почувствовать себя Человеком – отдельным и целостным существом, а не лучиком света в море энергии. Критики пишут: «Поллок – алхимик, нашедший начальную точку бытия или *massa confusa*, претворение хаоса в мир». Становление происходит внутри нас. Искусство никогда не лжёт. Смотри и старайся увидеть. И что же тогда реальнее: жалкие фрагменты жизни, сохранённые разумом, или сновидения, которые, если верить Юнгу, помнят всё от начала времён, все наши жизни земные и неземные? Бабочка ты или Чжуан Чжоу?¹⁰

Пересмотрев своё прошлое, поняла, что жила во снах: отчётливо помню все, начиная с детских, но события и лица яви растворились в потоке времени и оживают лишь внутри фотографий. Сны советовали, предопределяли, направляли, придавали значение многим моим поступкам, а жизни сюжетную линию. Не знаю, как ты, а я верю в созданное нами пространство снов. Там теплее, чем в жизни. Возможно это иллюзия, но если у человека нет ничего, кроме иллюзии, она и есть реальность.

Ульвиг – редкое имя, что сокращает время на поиски. 1627 ссылок. Волки наследили в сети. Кто из них ты? Тот, кто ведёт дневник сновидений и пишет по-чешски. Благо через «PROMT» можно читать его web-страницы в переводе.

Красивое фото: у тебя зелёные глаза, а разрез действительно волчий. Такие, как ты, не умеют артистично улыбаться. Я тоже никогда не притворялась. Психологи твердят: редко удаётся создать семью тем, кто не улыбается на фотографиях.

– Малыш, почему ты всегда гуляешь в парке одна? – и дальше жест общей нежности – провести по моим волосам. И точно так же погладить по голове другую – чуть дальше по аллее. И назвать её «малышом», не понизив голоса. Одинаково улыбаться и говорить одни и те же слова разным людям у них в

¹⁰ Даосская притча из книги Чжуан-цзы.

порядке вещей. Паскудство от оскудения чувств, от скуки мыслей и слов. Я шарахаюсь, боясь заразиться. И мою голову. Даже мама не говорит то, что думает обо мне, прямо. Одна Луна непосредственна: то царапается, то ластится, но от всей кошачьей души и всегда ко мне, не обобщая. Если обобщение – пошлость, то обобщать людей пошло вдвойне. Смешно, но получается, в целом мире меня по-настоящему любит только кошка. У неё нет выбора, а у всех остальных есть. И не в мою пользу. Если бы люди любили, как звери!

Когда исполнилось двадцать семь, родители махнули на меня рукой. А я рассматриваю чужие фотографии в сети и думаю, почему на них счастлива не я, а кто-то другой? Читаю дневники и проживаю чужие дни, месяцы, годы. Кто-то любит себя демонстрировать, даже если нечего показать, а кто-то смотреть, хоть до тошноты надоело. И мой глаз в замочной скважине. Ощущение сопричастности.

Сначала у меня было кино, но потом его перестало хватать. Верила в жизнь на экране, пока ты не бросил мне меч. Разрезала полотно и шагнула в зазеркалье, в лабиринт твоих снов. Знаю, что многие люди видят сны из далёкого прошлого, будущего и даже сны посторонних. Можно всю жизнь подглядывать сквозь замочную скважину и просыпаться в привычном материальном мире. А можно взломать дверь и попытаться найти то, что спрятано внутри зеркала. Кошку в тёмной комнате. И не говори, что её там нет. В комнату рано или поздно заглядывает луна. Цвета меняются в полумраке, не на свету и не в полной темноте. Счастливый ничего не хочет, убитый горем не способен идти, а несчастный ищет, как лунный свет пытается растворить темноту комнаты, проникая через окно. Могут ли сны одних людей влиять на явь других? Умеем ли мы воплощать в жизнь чьи-то сновидения?

Первая запись в твоём дневнике о выигрыше в казино, ты предвидел его во сне. Связываешь покерную удачу со своим происхождением. Кельты были магами, а пророчества черпали во снах. Три туза. Чаша, ромб и жезл. Четвёртым тузом пришёл бы меч.

– Сможешь поймать? Нерешительность – признак несчастливой судьбы...

... бронзовая рукоять с резными узорами в виде трёх догоняющих друг друга спиралей...

Кельтский трискелис. Три стихии пространства: море, небо и земля. Три проявления времени: рождение, смерть и возрождение. Спираль жизни. Вижу её повсюду: в резных решётках дверей и окон, на кончиках пальцев, в водоворотах дождя из труб в лужах.

Дата записи: в тот день в Москве была сильная гроза, а в кафе мне принесли листовку интернет-казино вместе со счётом. Веер тузов на зелёном сукне: червонный, бубновый, крестовый и пиковый. У меня их было четыре. Ты отдал меч мне. Фокусник в городе гроз, я узнала тебя!

Рассказываешь о снах и поездках по местам археологических раскопок близ Праги. Тебе помогают те, кто изучает сны, и те, кто восстанавливает историю Богемии по осколкам захоронений. Всего в Чехии найдено пятьдесят курганов древних кельтов. Вы обмениваетесь опытом и новостями. Твои посты собирают десятки комментариев: советы «бывалых» искателей, карты и схемы раскопок, фотографии и адреса музеев, где выставляются те или иные артефакты, предметы искусства. Разумно, информация в режиме on-line и из первых рук.

На фотографиях: спиралевидные, вьющиеся узоры на древних чашах и рукоятках мечей, мифические существа – наполовину люди, наполовину звери – стерегут амфоры. На котле для вина человеческая голова заканчивается хвостом животного, а животное держит в зубах человеческую голову. Символ бесконечности, похожий на змея, глотающего хвост. Одно из двух: или кельты создавали всё это во сне, или вино лилось рекой. Культ изменённого состояния сознания. Многие древние обряды совершались в трансе, близком ко сну. Сны же были пророческими, помогали вытащить выигрышную карту из колоды вариантов реальности.

Сны возвращают тебе мифы и предания древности, память поколений. Во сне теряешь связь с сиюминутным и видишь своё «истинное лицо»:

Vlk ve mně...

... перестаёшь смотреть на себя глазами окружающих и соответствовать чужим ожиданиям, обретаешь силу истоков...

... *našel svobodu*¹¹...

... смутно чувствуешь, кто ты и откуда пришёл.

Встаёшь на четвереньки и роешь лапами землю. Волк войны. Ветер воет за кадром минувших столетий и переворачивает страницы исторических книг в твоём дневнике.

Соль, золото, вино, кровь. Сначала соляные копи в Альпах и сотни смертей на добыче белого золота, позволявшего хранить мясо. Мясо и соль меняли на солнечное золото средиземноморских стран. И на вино. За кувшин вина могли запросто отдать раба. Раба, чьи руки изъедены солью. Кельтская цивилизация испытывала постоянную потребность в золоте и вине: золото хоронили вместе с хозяевами, а вино служило отправлению жреческого культа. Элита уничтожала богатства, запросы были столь велики, что разрушали общество. Отряды бывших рабов в поисках лучшей доли шли через горные перевалы, жадно вдыхая ветры с запада, юга, востока. Ветры судьбы вольных наёмников. «*Этот народ одержим войной, горяч и ловок в битве*», – писал о кельтах Страбон. Слава гремела далеко за пределами Европы. Их отряды нанимали на службу Рим, Карфаген, Египет.

Кельты презирали смерть. Полибий упоминает о культе дикого зверя у галатов: воины впадали в боевое неистовство и шли в атаку нагими и без доспехов. Эйфория, упоение битвой – *Vlk ve mně*, которого нужно кормить. Воины становились заложниками собственной ярости, войны не прекращались. Один покровительствовал волкам, а Вальхалла светила лишь храбрым сердцем¹². Древний кельтский миф повествует о сердце воина. Враг догадался, что убили не настоящего героя, когда к вырезанному из груди сердцу поднесли меч, и оно дрогнуло. Незнание страха. Уподобление зверю ускоряло реакцию, обостряло экстрасенсорные навыки. Зверь предугадывал любой удар и успевал отбить его или отскочить, не чувствовал ран и умирал после боя. С мечом в руках. Иначе Вальхалла закроет врата.

Ты стоишь на вершине горы и нюхаешь ветер. Но ветер так часто меняет направление, что не знаешь, куда идти дальше: на север, на запад или на юг.

¹¹ Волк во мне... обрёл свободу – пер. с чешского

¹² Вальхалла – небесный чертог бога войны Одина в Асгарде, образ кельтского Рая, вечный пир для павших в бою храбрых воинов.

Ищешь меч. Но ищешь не там. На тебе нет клейма раба, а руки не изъедены солью, иначе не держали бы меч. Ты покинул страну бойев. Был воином, перешагнувшим альпийский рубеж.

Ты – гость на чужом пиру. Но пир этот не Вальхалла. В Вальхалле не растёт солнечный тростник. Тростник растёт на Земле. В стране, где осыпаются дюны золотого песка, и северный пустынный ветер рвёт волосы и одежду.

Я была там во сне и помогу тебе вспомнить.

Я несу свет.

Как ярко! И больно глазам даже сквозь плотно закрытые веки. Солнечный свет захватил в плен всю комнату. Штор у меня нет, а окно слишком низко, и солнце бьёт в глаза, когда просыпаюсь. Маленький summer-house¹³ на побережье Мальты. Зимний островок аскета. Одна комната, две кровати, кухонный стол, душ, камин и ковёр для медитаций на полу. Большого мне не нужно.

Щурюсь на солнце, а память меняет слайды в проекторе. В одном из них непривычно тепло для января.

– Сегодня тихо, – сказала Маугли тем утром, – море как зеркало.

Стояла, облокотившись на подоконник, и пила законную синь глазами. Стоять было неудобно: высокая, а в дверь мы входили пригибаясь. Напряжённая поза статуи, расслабленный взгляд. Смотрел, как резкие тени, словно углём, чертят линию её бёдер, и думал о том, что историки никогда не увидят цвет глаз атлантов, никогда не найдут Атлантиду. Море никому не выдаёт своих тайн. Оно везде и нигде, внутри и снаружи, без конца и начала. Земной образ вечности, громогласное безмолвие, неугомонный покой, переменчивое постоянство.

– Вчера ненавидела тебя за сквозняк, как на севере в лютую зиму. А сегодня ветер стих. И кажется, никого не было ближе тебя. Это ангелы, да?

– Ангелы?

– Помнишь, ты рассказывал легенду о проникновении? На небесах скучают ангелы – наши двойники. Не могут заняться любовью: у них нет тел. Зато могут совершить обряд проникновения. Говорил, это похоже на прыжки через костёр. Две светящиеся тени на миг сливаются и вновь расстаются. Но внутри нас зажигается их огонёк, шепчет тёплым дыханием в сердце, подталкивает навстречу друг другу, меняя наши пути.

– У меня нет ангела, Маугли.

– А вдруг он вернулся?

– Нет, невозможно. Сделка обратной силы не имеет.

– Сделка последнего рождения? Так сильно хотелось всё вспомнить?

– Да. Память и есть бессмертие.

– То есть ты счастлив и ни о чём не жалеешь?

Жалею? Боюсь, я не понимаю уже, что значит жалеть. В древних писаниях сказано: *«Тень – это всего лишь место, где останавливается свет»*. Пока сам её отбрасываешь, не задумываешься о богатстве мира светотеней. Вы совершаете

¹³ Летний домик (англ.)

ошибки и познаёте, ваша жизнь полна открытий и разочарований, а я знаю всё. Что было, что есть, что будет, что могло бы произойти, но не произошло. Знаю, почему всё случилось или случится так, а не иначе. У меня на полу под ногами – полоса яркого ровного света. По-настоящему несчастлив тот, кто не отбрасывает тени. Но я не чувствую горечи. Тень притягивает меня, как художника притягивал бы росчерк угля на белом листе бумаги.

– Тогда можно погладить сову? – не отставала она.

– Нет!!!

Я злился, она расходовала энергию. Эмоции, эмоции, эмоции – воронка, куда уходили все силы. Должен был научить её беречь энергию для снов, а вместо этого злился и тратил свою.

Что за дурная привычка всё трогать руками? Переставлять предметы в доме? Ничего потом не найти! Нельзя познавать мир на ощупь. Не выношу, когда прикасаются к моим вещам! Нельзя девочке расти в провинции. В природной сообразительности ей не откажешь. Но чувство такта отсутствовало напрочь. Да, мне многому пришлось её обучить помимо искусства ловца. Чего стоило привить хотя бы чувство меры! Никогда не пользоваться разными духами. В Англии презирают людей, покупающих дешёвые подержанные автомобили, чтобы, не продавая ни одного из них, менять под цвет одежды или под настроение. Точно так же она наполняла мой дом запахами цветущих вишен и яблонь, магнолий, зелёного чая и лилий, иланг-иланга.

– Ложись на другом краю ковра, пожалуйста, когда медитируем. Не могу правильно дышать. Задыхаюсь! А иланг-иланг тебе противопоказан. Это афродизиак.

– Сами сказали: любовь – канал в вечность, я – ловец взломщиков. А ты – сноб!

– Для взлома не нужен совместный сон. Разве что тебе не хватает тепла. Достаточно заставить человека думать о тебе. Не важно как. Займи денег, спаси жизнь, узнай тайну. Опытный ловец взламывает сон и ведёт за собой, находясь за многие километры от жертвы. Со временем не придётся встречаться с приговорёнными.

– С приговорёнными? А может, вы и столкнули машину Арно в пропасть?

– Нет, я почувствовал, как камень попал под колесо, и мысленно пожелал тебе не увидеть Спираль. Мы не можем менять ход событий. Кто должен разбиться – разобьётся, кто должен взлететь – взлетит.

– Вы – шайка бандитов. А я – убийца. Знаю, чего вы ждёте от меня. Человека охватывает безумие, когда им управляют разные ложные личности, которые выходят по очереди в центр круга, в свет. Однажды они решают уничтожить настоящего – в тени. И человек теряет свою суть, свою личность, заснувшую навсегда. Врачи говорят: безнадежен, не разбудить. Ничего не напоминает? Ваш совет в Храме Сириуса!

– Необязательно убивать человека, можно убить его веру...

– ... и тогда он покончит с собой!

– Нет, ты не слушаешь меня. Веру в сверхъестественное, я хотел сказать. Веру в то, что реальностью можно вертеть, как вздумается. Мы должны избавить людей от разрушительных иллюзий. Они никогда не поймут, что все времена сосуществуют: и прошлое, и будущее, и настоящее. Нет вариантов будущих времен, всё в мире предопределено и уже существует, жизнь не поезд, нельзя

переводить стрелки на железнодорожных путях. Измени что-нибудь в настоящем, будущее не свернёт в сторону – исчезнет дорога. Ты живёшь одновременно во всех перерождениях, а сны собирают кусочки яви в единое целое. Жизнь – тот же сон внутри сна внутри другого сна, а реальность – матрёшка времён, вечное возвращение пифагорейцев¹⁴. Отражённый коридор свечей. Но свеча на столе одна. Затужи её, и все зеркала отразят темноту. Жизнь – мистерия, и у всякого актёра своё место на сцене. У Иуды – та же чаша, что и у Христа. Неминуемая. Тридцать сребреников – цена веры. Смерть на кресте создаёт героя, герой – миф, вера в миф – искусство, искусство – цивилизацию. Да, история пишется не кровью, а маслом. И не войны она, а картины великих художников. Все деяния на земле вершатся ради спасения времени. Хотим мы того или нет, но есть высший закон, недоступный для понимания одной жизни. Атлантиду уничтожили чёрные маги: обрели силу, но не смогли ею управлять. Псы выбрали тебя тринадцатым, потому что была среди белых, решивших отказаться от власти. Осторожность – путь ловца жемчуга. И те, и другие потеряли всё. Но белые предвидели исход. Если не можешь противостоять злу, то хотя бы не принимай его сторону. Это стало их оправданием, а в глобальном смысле всего человечества. И сейчас ты – ловец, а не взломщик. Твоя судьба – судьба странника. Ветру не нужен дом. Тебе некуда возвращаться, ты не можешь ничего изменить.

По утрам учил Маугли нырять в заливе. Январский мистраль голоден и вездесущ, пронизывает тело насквозь. Выдувает, выхолащивает, пожирает человеческое тепло. Перед прыжком в море прижималась спиной к нагретой солнцем скале, словно спасалась от дикого зверя.

– Я не умею плавать под водой!

– Ты вспомнишь. Память хранит поступки всех рождений и переводит их в инстинкты и интуицию. Слушай голос внутри, шестое чувство. Синестезия, когда звуки имеют цвет, когда с закрытыми глазами угадываешь, что красная ткань теплее синей, когда можешь видеть сквозь стены и на многие километры, вынырнуть, выплыть из любой ситуации. Единый круг пяти чувств. Спасательный круг – в тебе самой.

– Мне холодно, вода ледяная, ветер... У меня скоро будет воспаление лёгких!

– Тело – оболочка. Ты чересчур печёшься о ней. В чужих снах холоднее, Маугли. Инеродное энергетическое поле. Не сможешь сконцентрировать внутреннюю энергию, не проснёшься. Сны глубже яви, за секунды сна проживаются столетия. Замёрзнешь – не вернёшься. В числе пропавших без вести есть те, кто исчезал из собственной постели.

– И где они теперь?

– Блуждающие остатки снов. Странные, пугающие отражения, пыль и трещины на поверхности зеркал.

¹⁴ «Я буду сидеть и разговаривать с вами точно так же, как делаю это сейчас; и в моей руке будет та же самая палка; и всё будет таким, как сейчас; и время, как можно предположить, будет то же самое. Ибо если движения (небесных тел) и многие вещи повторяются, тогда то, что было раньше, и то, что произойдёт потом, суть одно и то же. Всё есть одно и то же, поэтому и время есть одно и то же». (Пифагор. Отрывок из Симплиция)

– Но почему ловцы жемчуга не используют технику? Зачем нырять самому, если можно перекопать дно машиной, просеять песок и камни и выбрать жемчуг на берегу?

– Древние знали и могли всё и без техники. То, что сейчас учёные открыли при помощи сложнейших приборов и экспериментов, они постигли путём озарений. Ловцы жемчуга используют лучшую технику: приручают огонь внутри и вливаются в общий поток энергии. Изучают и используют подводные течения: быстрые и медленные, тёплые и холодные – они помогают погрузиться на глубину, они же поднимают и на поверхность. Такая техника не сломается, её невозможно отнять, она не разрушает природу и себя не разрушит. Подобное не разрушает подобное. Белый путь – единственно верный.

Я был терпелив, и Маугли делает успехи. Псы довольны. Последняя заметка о ней в газете: *«Грабитель заснул и не проснулся в такси. Картина возвращена в музей».*

Картина моего старшего брата: Ангел, отрезающий крылья. Проникновение миров. Падение в материю. *«Ангел мечтает стать человеком»*, – он всю жизнь писал этот сюжет. Эфирный и материальный миры – отражения друг друга, две соприкасающиеся спирали. Воплощённая восьмёрка бесконечности. Брат изобретал новые иероглифы живописи, писал абстракции. Картины отвергали. Горе пророкам, чьи пророчества непонятны, необъяснимы. И тогда он нарисовал ангела. Простой и растиражированный образ современности. Картина, объясняющая саму себя. Но и здесь никто не увидел восьмёрки. Повторяющаяся история о зашифрованных в картах Таро пророчествах Тота. Хочешь спрятать что-то – положи на видное место или растиражируй до банальности. Эти картины сделали его великим художником, богатым и знаменитым, но суть их так и осталась заложницей холста, погребённой под густыми слоями масляной краски. Истиной, сокрытой от художника. Люди слепы. Лучшие из них, как младенцы, видят мир перевёрнутым, а время – бегущим вперёд и вниз, осыпающимся, как песчинки.

Я отпустил брата, а Маугли отпустила Арно. Необходимые жертвы. Теряя близких, обретаем себя. Освобождаемся из слепого сладкого плена. Срываемся в пропасть одиночества и самопознания. Мечтал стать художником, каким был он, но у меня одно призвание – хранить истину его картин. Участь последователя, собирающего мозаику из его озарений. Сложный символ всегда непонятен и нуждается в упрощении. Но парадокс в том, что упрощение должно облегчать образ: не объяснять картину, тщательно прописывая детали, а наоборот, стирать лишние контуры как преграды для восприятия. Жизнь невозможно передать в точности, как она есть, лишь как чувствует её художник. Если чувство подлинное, код будет найден, и истина проступит сквозь слои масла. Брату до неё не хватило одного шага. Последнего. В Спираль.

Он ушёл, а я остался вместо него. И нет ни красок, ни кистей, ни холста. Я – поэт, рисую словами. Слова же *«отнимают аромат у живого цветка»*¹⁵. Цветы! Что общего у розы и незабудки? Ничего. Жизнь в отражениях бесконечна, словесное обобщение ограничивает и убивает её.

Пишу Маугли на зеркалах и стёклах машин, съёмных квартир, номеров мотелей и пятизвёздочных гостиниц. Она дерзит мне в e-mail-ах и sms-ках из разных концов света, хотя переписка запрещена братством. Стираю её послания,

¹⁵ А. Блок. «Когда вы стоите на моем пути».

но в голове прокручиваю снова и снова. Злился на неё за несдержанность, а сейчас ощущаю острую нехватку эмоций. Желание тратить и тратить. Почти нежность. Если могу ещё представить, что это такое. Любое чувство – прыжок в неизвестность. Ветер, меняющий направление.

– Чего ты боишься, сова же мёртвая? – спросила тем утром Маугли.

– Мёртвая? Символы – бессмертны, как бессмертны заключённые в них идеи. И вовсе необязательно летать по ночам. Таксидермисты верят, что чучело хранит душу птицы. Точно так же, как древние египтяне верили, что мумифицировав тело, даруют душе вечную жизнь. Мумия – залог её возвращения, а маски мумий – опознавательные знаки для души.

– Полярная сова – твоя психофора! Так и знала. Ты убил ангела, а труп держишь в доме. Ждёшь его?

– Некого ждать. Ангелы, психофоры, даймоны... – разные имена тех, кто ведёт нас по жизни, оберегает в лабиринте снов, встречает после смерти. Сторонние наблюдатели, хранители душ. Умерев, мы на миг сливаемся с ними и обретаем знания, а родившись, утрачиваем память о них. Миг проникновения. Я пожертвовал ангелом, чтобы видеть его глазами, помнить всё.

– Не понимаю зачем. Знания нужны человеку, чтобы стать другим. А ты постиг то, чего никогда изменить не сможешь. Свечу, не гасимую ветром. Fatality. Замкнутый круг.

– Бессмертие и есть замкнутый круг. Повторения одного и того же. Песочные часы существования¹⁶.

– И кем ты был всё это время?

– Мы не меняемся, меняются наши жизни, как декорации или пейзажи. Твоя физическая оболочка – платье для энергетической сути. Душа любит наряжаться у зеркала.

– То есть где-то могу проснуться мужчиной?

– Почему бы и нет? Ты же носишь джинсы, она тоже может примерить мужской наряд. Перевоплотиться несложно. Общество ошибочно воспринимает людей как тела. Но мы далеко не наши тела, мы – гораздо большее.

– А если снять все платья с души? Как она выглядит обнажённой? Должна же быть сердцевина лотоса. Мир, созданный законом подобий, вторичен. Вначале был творческий акт, как во времена богов и героев. Кто мы? Где родились впервые?

– Наши далёкие предки поклонялись огню и Солнцу. Расскажу тебе легенду о стране, где оно никогда не ложится спать. Представь, куда ни помотришь, вокруг будет юг. Молчание арктических льдов, бесконечная линия белого горизонта, яркий свет до рези в глазах, до слепоты, ты летишь...

– ...бесшумно, как летают полярные совы. Несёшь с собой северный ветер. Гиперборея?

– Да. Когда-то она была страной, где цвели вишни, апельсины, магнолии, но потом замёрзла. Учёные объясняют это изменением климата. А мифы – преступлением Фаэтона. Не справился с огненной колесницей Гелиоса, и Зевс разогнал солнечных коней, а землю заморозил.

– Так ты – Фаэтон? Полубог? – спросила насмешливо.

¹⁶ «Вечные песочные часы бытия переворачиваются снова и снова — и ты вместе с ними, песчинка из песка!» Ф.Ницше. «Весёлая наука».

- Не издевайся! Я – человек. А титанов, героев и богов из людей делают мифы. Мифы придают форму и образ ускользающей тайне, позволяют увидеть скрытое, почувствовать, понять необъяснимое. Люди всё, что их окружает, превращают в мифы. Сказания же передаются из уст в уста, меняются, приукрашиваются. А если и записываются, то мало кто может проникнуть сквозь строки. Все религии мира создают святых из простых смертных. Герою нужна Судьба.

- И какова твоя?

- Заключена в имени. «Поэт – поистине похититель огня»¹⁷. Аморгеном звали первого поэта народов моря¹⁸. Выбрал имя при посвящении, как и ты выбрала своё, дорогая homeless¹⁹. Души знают, кто мы и откуда пришли. В одном из миров мы с братом родились в сумрачном Лондоне. В нашем настоящем люблю мистраль, из-за него мальтийское солнце кажется ослепительно белым. Устал жить без солнца. К тому же Мальта – бывшая английская колония, здесь я почти дома. А с моим братом тебе суждено встретиться, с лучшей его частицей.

Ты сумела сберечь тайну и продлила жизнь его картине. Раскрытое, познанное забывается.

Снова пробегаю глазами газетную вырезку. Ветер распахивает окно. «Я слышу голос, говорящий в ветре!»²⁰ И мне впервые страшно за тебя. В Альпах нет ветра, там отвесно, тяжёлыми хлопьями падает снег. Самое сложное из заданий – роль психофоры. Вести, но не вмешиваться в чужую судьбу. Оставаться сторонним наблюдателем, что бы ни случилось.

Эпизод 5. Снег

Хочется отправить тебе предчувствие весны в Австрии живым mms из сердца. Дорога вьётся меж гор, солнце бежит впереди машины и греет мне щёки, сверкает в каждой снежинке. Ветер приносит запахи хвои, смолы и талого снега. Если какой-нибудь гений придумает, как переводить картинки памяти в Full HD видео и сохранять запахи и звуки, искусство отомрёт за ненадобностью, а люди научатся понимать друг друга без слов.

Красота тебя не удивляет. Говоришь, все дороги мира похожи. И всё, что происходит на земле, можно увидеть во сне, прочесть записи на стенах лабиринта. Но у меня же неповторимый, свой почерк! Ты никогда не увидишь горы моими глазами.

И никогда не обматывал деревья папиросной бумагой...

Первое декабря – первый день зимы и мой день рождения. В подарок Арно обещал мне снег. Если пробежаться по свежему снегу босиком, исполнится заветное желание. Ждали весь день, но ветер дул с моря, тёплый и влажный.

¹⁷ Артур Рембо. Письмо к Полку Демени «О ясновидении». 1871.

¹⁸ – так называли островных (британских) кельтов древние греки.

¹⁹ Бездомный (англ.)

²⁰ Альфред Теннисон.

Столбик термометра дотянулся до десятого деления выше нуля и не желал сдавать позиции. За окнами желтели платаны, а городские власти Сочи зря потратили деньги на холщёвые мешки для пальм: вряд ли деревья простудились бы при такой температуре. Город застыл в осени, как в янтаре.

– Надо обмотать деревья во дворе белой бумагой, – размышлял Арно, глядя в окно, – лучше папиросной, она легче, не повредит ветки.

– Зачем?

– Призвать снег. Деревья с белой бумагой на ветвях будут казаться заснеженными. И тогда снег придёт. Белое к белому.

– Точно! И ножницами вырезать несколько снежинок для антуража.

Вино пили уже на деревьях, перебрасывая друг другу картонный пакет. Внизу, у дороги, поставили плакат «Призвать снег» как объяснение для прохожих. Любопытные с чувством юмора сбегали в магазин и пополнили запасы папиросной бумаги. Ровно в одиннадцать часов пятьдесят девять минут пошёл снег. Не знаю, как у Арно получилось. Помню, что на третьем дереве у меня начали замерзать руки. Наверное, небо, на нас насмотревшись, тоже настригло снежинок и смахнуло разом их все со стола. Полночи соскабливали мокрую, налипшую на ветвях бумагу, но он сдержал обещание: первый снег выпал в мой день рождения. И это было лучшим подарком. Настоящим чудом!

А в твоём правильном мире всё предопределено, и для чудес нет места. Псы спрашивают, есть ли у меня выбор, в надежде, что обучаясь у тебя, поумнею и отвечу: нет, выбора не существует. Закон ваш годится для меня одной. Бездомному некуда возвращаться. Но у всякого скитальца когда-то был дом, и он помнит о нём!

Я помню радугу. Прыжок с парашютом в тандеме с высоты трёх километров. Больше не верила в землю, такой она стала далёкой. Горы казались игрушечными. Мы пролетели сквозь грозное облако и очутились внутри радуги. Сверкающие капли воздуха, как маленькие миры новорожденной вселенной. Падение и полёт. Холодный ветер и разгорячённое дыхание. Один вдох на двоих, один выдох. Розовый свет вокруг и внутри меня.

Чему ты можешь меня научить, если видел радугу только с земли? В твоём доме на Мальте живут лишь воздух и солнце. Внутреннее пространство в точности повторяет высушенные ветром прибрежные скалы: ни кустика, ни деревца. Ни одной старой фотографии или картины, смешной безделушки-талисмана или книги с загнутыми страницами – ничто не выдаст хозяина. Несколько лет обучал меня, но я так и не узнала главного: кто ты? Хотя нет, у тебя тоже есть личные вещи: чучело полярной совы и часы со стрелками, бегущими в обратную сторону. И уверенность, что твой ангел мёртв, а время стремится в прошлое. Пустота настолько захватила тебя, что не оставила места для любви, привык быть сам по себе и не сходишь с ума от одиночества, как все люди. Твоя память не шкатулка милых сердцу глупостей, как у других, она похожа на сейф, доверху забитый долговыми расписками. Хранитель вечности!

«Братство Псов отличается верностью». Вы обещали мне семью, но те, кого предавала свету, становились ближе. Думали обо мне и открывали дверь в свои сны, а вы – никогда. Предпочитаешь не рисковать и водишь меня по нейтральной территории лабиринта, а встречаемся в Храме Сириуса на очередном совете. Не путешествуешь и в одиночку. Конечно, зачем тебе прочитанные книги? Твои сны заперты в них, как в клетке.

Рассказал мне о Фаэтоне, потому что я – Змееносец, тринадцатый исчезающий знак зодиака. Время Змееносца называют «сожжённой дорогой», две недели в году, когда зима сражается с осенью. Древние маги верили, что в это время силы добра и зла вступают в схватку за власть над душами людей. Именно тогда пролетающий над землёй в огненной колеснице сын Солнца Фаэтон сжёг всё живое. Говоришь, это предопределило нашу связь как учителя и ученика. И Псы выбрали меня тринадцатым, увидев потусторонние знаки в дате и месте рождения. Неправда! Выбрали за то, что помогла убить Арно. Ты виноват, что дорога моя сожжена, но меня тянет к тебе, как мотылька на свет. Точно так же тянуло к Арно. *«Поэт – поистине похититель огня»*. Фаэтон, Прометей... сколько имён у поэта? Если со времён древних греков мирно сосуществуют два столь похожих мифа? А «Война на небесах»? Не таится ли в улыбке Сатаны похищенный с небес огонёк?

Даже учёные создали миф: гроза принесла на землю первобытный огонь, сделавший дикие племена кочевников цивилизацией. Открыли, что молнии – искры взорвавшихся звёзд, что в переводе на язык Псов звучит, как свет из хранилища душ или священная энергия.

Взломщики все чуть-чуть Прометеи, предвидящие²¹. Нам доступен огонь, нам решать: делиться им или нет, сжечь всё живое или подарить людям тайное знание. Седьмое чувство. Седьмое измерение, когда вечность стучится в двери времени, а цвета радуги сливаются в белый. Смотреть на солнце больно глазам. Да, седьмое чувство – боль, взрыв изнутри. Инеродный пульс. Вход в заповедь. Дар взломщика видеть своё отражение в зеркалах миров. Обострённое восприятие сути. В обычной жизни вещи кажутся иными, чем являются, а люди не те, за кого себя выдают. Цена ошибки – часто чья-то жизнь. Но все привыкли сметать листья с аллеи. Мы одни знаем, кто и когда должен уйти, чью ветку сломают следующей. Знаем и молчим! Храним «великую тайну».

После первого проникновения меня будто заново выточили из мрамора, как статую. Все края, что раньше были сглажены и незаметны, теперь режут, как бритва. Знание вскрывает тайник в человеке, усиливает добро и зло. Неожиданно обостряются обиды, страх, ненависть, жадность, любовь, боль... – всё, что дремало внутри в тени, попадает в полосу яркого света. Словно чья-то безжалостная рука наводит резкость на моих фотографиях и портретах. С этим нелегко жить. Ты обменял ангела на память всех рождений, а я знаю, зачем он отрезал крылья. Ты думаешь, бессмертие в памяти, а я – алхимик, открыла эликсир молодости и счастья.

Ваши предшественники использовали сны, чтобы познать человека: выясняли состав преступления, тайные мысли, судьбу. Нырjali в холодную воду, но есть и термальные источники. Я должна следовать традициям, но правила можно нарушать, если знать как. Ты сделал меня хорошим ловцом. Чужие сны интимны и горячи, а я могу достать отборный жемчуг со дна – сокровенное. Могу проникать и к приговорённым, и к тем, кто понравился. Да, ты прав, мне не хватает тепла. Я не самодостаточна, как ты, не могу греться собой. В твоих снах слишком много теней и зеркал. С тобой рядом так холодно! Замерзаю и ворую чужой огонь.

Прометей принёс людям искру любви! Видела скалу, где его приковали на растерзание орлам. Почти все греческие предания имеют кавказское

²¹ Προϊθηεός – «мыслящий прежде», «предвидящий» (др.-греч.)

продолжение. У подножия скалы течёт река Агура. Когда-то река была девушкой-черкешенкой. Агура приходила к Прометею каждый день, промывала раны, пела песни. За это Зевс и превратил её в реку. Но река никогда не изменит русла, не покинет скалы, не замолчит. Спасает любовь, она и есть ваше пресловутое падение в материю. «Сыны Бога брали себе в жёны дочерей Земли»²². Наша душа, как Прометей, прикована к скале тела, и Агура приходит к нам радугой.

– Заставь его думать о себе!

– Аморген, я пыталась. Мелькала перед глазами, повышала ставки в казино и шансы на выигрыш, спасла от уличных бродяг. Но думает он не обо мне.

Во сне видела дом, занесённый снегом, высоко в горах, где встретились двое. Им бы хотелось остаться там навсегда. И пусть бы на перевале весне замело все пути! Они не будут зажигать свет. У них есть свой. О таком свете писал Платон²³. Из окон-глаз льётся солнечный свет нашей души. Днём человек видит: подобное встречает подобное, свет к свету, а в темноте ночи слепнет. Но частицы света неоднородны. И если изобрести волшебный прибор, способный свету внутри нас придавать оттенки цвета, то более богатой палитры художнику не найти: мы все разные. Радугу могут видеть те, кто совпадает или противоположен в спектре цветов. Я повсюду видела розовый свет, потому что и у Арно он был таким же. Кира и Ульвиг – жёлтый и синий. Руки впервые соприкоснулись над русско-чешским разговорником, и всё вокруг засияло нежно зелёным. Вряд ли смогут объяснить друг другу, почему лучи из окон сливаются, просто дали себе зелёный свет. Нашли друг друга в сети, встретились наяву и снова ушли в свои сны. Вернее, в один сон на двоих. В совместное сновидение. Наяву им трудно понять друг друга, языки схожи, но отличаются, говорили касаниями, как глухонемые, письма читали при помощи электронных переводчиков. А во сне не нужны ни слова, ни ощущение пальцев на коже. Предрасветные вещи проникают.

– Может, не ты мне снишься, а я тебе? Может, я не существую, и ты меня создал во сне?

Надеются, что откроют мир, где впервые встретились, или смогут построить его. Опасное путешествие! Считать себя архитектором снов всё равно, что считать Землю центром Вселенной и верить в плоский мир. Во сне нет ветра, и снег неподвижен за окнами.

Знаю теперь: самая сильная связь – между убийцей и жертвой, общая тайна, общая боль, общее откровение. Им придётся не один раз умереть и воскреснуть прежде, чем женщина с юга сойдётся с мужчиной с севера, а звезда изменит свой цвет. Они будут искать друг друга, чтобы обрести себя. Смелое путешествие. Почему бы вам не оставить их в покое? А заодно и меня тоже? Может, хватит гасить неудобные свечи? В мире и без того темно!

Опять промолчишь?

Записка с указаниями ждёт в шале на зеркале: «Учись у сноубордистов. Следуй изгибам горы, позволь ей направлять себя». P.S. не читается. Бесшумный полёт совы за окном – как росчерк.

²² Бытие (гл. 6).

²³ Платон. Диалоги. «Тимей».

Не желаю быть ни сёрфером, ни ловцом жемчуга, ни сноубордистом. Не хочу лететь через горы к океану. Вижу, как с гор сходит лавина. Хочу им помочь, провести безопасными тропами, неосвещёнными коридорами лабиринта снов.

– Слушайте голос, говорящий в ветре.

– Как давно я не видел снега! Я вернулся домой?

– Это пепел. А ты умираешь.

Корабли, что сюда нас доставили, сожжены. Нил почернеет сегодня. Александрия в дыму. Я лежу у воды. Над головой небо огнедышащей пастью дракона. Ветра нет. Отвесно падают белые хлопья. Пепел похож на снег, но, едва коснувшись земли, превратится в золу. Запах кипящей смолы и горелой плоти сковывает дыхание, сажа вяжет язык. Мои воины один за другим уходят в Вальхаллу. Смотрю им вслед сквозь густой пепельно-серый туман. Я – единственный выживший в битве.

– Не пристало вождю умирать последним.

Тысячи молний ударили разом по захваченным кораблям. Мои колесницы должны были уничтожить катапульты Египта с тыла, но не успели. Гроза помогала им сеять огонь.

– Не все жрицы повелевают грозами, лишь одна из них. Чем помочь тебе, воин?

– Торк²⁴... Разожми мне на горле торк. Задыхаюсь.

– Теперь знаешь, что золото душит. Оно не смогло заменить вам родные края.

Воспоминания мелькают яркими вспышками в голове, словно кто-то ведёт по тёмным коридорам лабиринта от одного факела на стене к другому. Но не все факелы принадлежат моей памяти, среди них безжалостно разгораются те, что должен был узнать или предвидеть, но пропустил.

– Мага вновь претендует на трон. Царь египетский, Птолемей Филадельф, устраивает пир для бесстрашных воинов накануне битвы!²⁵ Лучшие из лучших, двери фараона всю ночь будут открыты для вас, а вино, угощения и ласки женщин неисчерпаемы. Торопитесь, скоро начнётся война! – щурясь от солнца, кричали глашатаи с башен дворца.

– Наёмников больше не купишь за золото, им нужна земля. Та, что выше по течению Нила. Кельты готовят восстание. А Мага обещал им потерянный рай.

²⁴ Torques – ожерелье кельтских вождей (знатных воинов) из единого куска золота.

²⁵ Египетский фараон Птолемей II Филадельф, находившийся накануне войны с новым претендентом на престол – братом по матери Мага, был вынужден подавлять мятеж среди кельтских наёмников. Восставшие кельты хотели основать собственное королевство выше по течению Нила. (даты восстания в исторических источниках разнятся, 274-259 г. до н.э. – прим. автора).

«Море» в пустыне, великий оазис Фаюма²⁶. На этот раз они будут биться не на твоей стороне, повелитель, – тихий голос жрицы дрожал в темноте за его стенами.

Таяли свечи. Тонкие пальцы нежно перебирали мне волосы. Фараон подарил её мне – Киру, сокровище своего дворца. Арфы журчали ручьями оазисов, сестры пересыпали золотой песок, солнечный тростник шелестел на ветру, волновался, точно далёкое море.

– Моя жизнь – танец, засевающий поля радости, где нет усталости.

Новое королевство, где мы все обретём свободу и отдохнём от войн. Где будем править: ты и я. Поля радости для влюблённых.

Мой сон был украден до восхода синей звезды.

– Нельзя отравить вождя: восстанут наёмники. Но мощь его истоцима. Из сна легко вылетают слова, складывай вместе, лови имена. Рин²⁷ Ульви́г значит «волк войны». Убейте пустынного волка, несколько капель его крови в вине лишат Ульвига силы в бою. Он опустит меч, и воины останутся без вождя. А я буду звать к грозе, нашла молнии на кельтские корабли. Мага издали увидит огонь и повернёт своё войско вспять, не осмелится напасть на Александрию без поддержки наёмников.

Птолемей не скупился ни на вино, ни на угощения. Давно не было в стенах дворца столь славного пира для воинов. Выпить с врагом – усыпить его бдительность. Фараон должен верить нам, на его стороне – численное превосходство, на нашей – неожиданность нападения.

– Я несу свет.

Самые красивые руки из тех, что когда-либо видел, – её руки – подносят мне чашу с вином.

– Ради жизни пожертвуешь всем. Пей!

И я пью свою лесную душу²⁸ до дна. Чаша падает на пол, призрак волка растворяется в темноте коридоров дворца. Сила зверя не вернётся в бою ни ко мне, ни к моим воинам. Если кошки богини Бастет стерегли египетские жилища, то пустынные волки оберегали их мумии в гробницах от Псов Дуата. Быть разорванным на куски шакалами – страшное проклятие для египтянина: не вернётся. Как могли они убить стража тьмы, потревожить сон мёртвых?

Нил в молчании катит чёрные воды. Слышу треск догорающих мачт, да редкий плеск волн о борт ладьи. В потускневшем мире глаза незнакомки пронзительно синееют из-под капюшона плаща, как окна в другую жизнь. Точно смотрю сквозь них в небо – прозрачное, очищенное солнцем небо над бескрайними барханами пустыни. Вижу в них море – в жаркий полдень без единой волны.

– Три гейса²⁹ волка: не засыпать при синей звезде, иначе сон будет украден и ночь продлится века; не открывать имени своего, ибо в нём суть; не пить из рук

²⁶ Фаюм – в переводе с коптского (последняя ступень развития древнеегипетского языка) означает море.

²⁷ Рин – имя человека в Древнем Египте, знающий имя обретает власть над его носителем.

²⁸ У кельтов существовала вера в лесную душу (облик зверя или птицы) – проводника Судьбы.

²⁹ Зарок, обет, нарушение которого ведёт к скорой и неминуемой гибели.

женщины с юга – вино на чужом пиру превращается в кровь. Ты нарушил их все, и Вальхалла замкнула врата. Ты выбрал чашу вместо меча.

Знает всё обо мне.

– Кто ты? Смерть?

– Нет, я пришла вернуть тебе меч.

– Отведёшь меня во дворец? Я любил Киру! А она предала меня, из-за неё погибли все, кто мне верил. Я должен отомстить. Отведи меня во дворец!

– Нет. Тебе следует отказаться от убийства жрицы. Во дворце Птолемея тебя ждут. Схватят, и умрёшь бесчестно, в клетке, как раб. Я же дарю тебе надежду. Умрёшь воином: один посреди пустыни на пути к оазису Фаюма, с мечом в руках. Отвезу тебя туда на ладье. Иначе во всех возвращениях будешь лелеять месть.

Рука мгновенно узнаёт меч, точно когда-то он был её продолжением: бронзовая рукоять с узором из трёх догоняющих друг друга спиралей. Ветер бережно трогает парус ладьи, вёсла бесшумно врезаются в воду.

Приподнимаю голову и смотрю, как ладья отходит от берега, медленно, плавно, не нарушая молчания скорби. Дым сгущается, прячет от глаз почерневшие остовы кораблей, обгоревшие кости мёртвых, приглушает крики и стоны воинов, задержавшихся на земле. Всех их ждёт чарка мёда за доблесть в Асгарде на вечном пиру. Они заслужили небесный чертог, но не я.

Я должен был дать им новую землю.

– Есть другая земля – Претаник³⁰, где всегда моросит дождь. И острова потихоньку утирают слёзы, скрывая лица прибрежных скал под вуалью туманов. Красота, которую хочется обнимать взглядом. Те, кто услышал северо-западный ветер, уже там, живут внутри облаков, а уходят в цветущую Страну Юности – Тир-Нан-Ог³¹, где арфы поют и вино наливают не воинам, а тем, кто любил. И корабль их плывёт по вершинам вечнозелёных деревьев.

Здесь же вода черна. Пльвём на закат, где солнце вместе со мной истекает кровью, а лодка Ра теряется и тонет в тумане. Горизонт темнеет или темнеет в глазах? Горлом кровь или соль далёких морей на губах?

Скоро взойдёт луна. И Тот, летописец времени, повезёт души моих врагов в Храм Маат на серебряной ладье.

Зарываю глаза и вижу стены дворца Птолемея в лунном свете. Ты стоишь на ветру и плачешь. Слёзы капают на покрытые пылью руки, оставляя на них длинные горячие дороги тоски. Твой плач то переходит в крики навзрыд, то в немые стоны, чтобы разорвать тишину с новой силой. Где-то в пустыне тебе вторит волчица.

*«Каждый смерти шаг – поворот колеса
Жизни.
Змей глотает хвост, Мир – кольцо четырёх
Принцев.*

³⁰ в IV в. до н.э. греки неоднократно путешествовали к землям, которые стали упоминаться под названием Претаник по имени населявших их племён кельтской принадлежности. Отсюда пошло искаженное название Британия. В последние века до н.э. Британия испытала несколько волн кельтской миграции с континента, последние племена проникли туда в I в. до н.э. («Кельты. Воины и маги» Теренс Пауэлл).

³¹ Страна Юности, рай островных кельтов, находится к западу от Ирландии, за закатным солнцем.

*Белый-белый песок занесёт твою кровь,
Воин.
Чище нет воды, чем из недр земли,
Чувств – из сердца без ненависти и боли».*

Эпизод 6. Песок

– В этом сне он убил бы тебя, – сказала Маугли, – но я вызвала северный ветер.

Она уверенно вела машину. Извилистая горная дорога петляла в тумане. Снег таял и слезами тек по лобовому стеклу. Я подумала, что все встречные причиняли боль – различную по интенсивности, направленности, происхождению, концентрации... Всегда и со всеми мне было больно. Только не с тобой. Ты поцеловал маленькую родинку у меня на плече и взглядом указал на лезвие. Такое может произойти между людьми, когда двое глубоко проникают друг в друга. Мог бы вырезать полоски кожи у меня из спины и плести талисманы, не почувствовала бы ничего, кроме наслаждения. Острая боль шипит, обжигает, плавится, белеет и... становится ярким светом. Мечтала умереть у тебя на руках.

– Мы изменили мир, – повторила она громче, – ничто не будет прежним. Ты нужна Псам в качестве приманки, но Ульвига они ищут. И лучше бы нам найти его первыми, а ему не смыкать глаз. Почему вы решили встретиться в Австрии?

Всё началось с того, что взломала твой сон. Случайно, я не знала, кто ты. С тех пор моё существование – бег. И не смогу ответить: погоня или бегство. В Альпах мы искали прошлое древних кельтов, и ветер подул в спину. После горного перевала война стала для них образом жизни. Гнала вперёд и вперёд, как стаю голодных волков. Неужели и для нас война станет попутным ветром?

– Кира, я с тобой разговариваю! Молчишь почти сутки. Я спасла тебе жизнь! Немногие возвращаются из подобных путешествий. Согласно древним обычаям, твоя жизнь теперь принадлежит мне.

Я потянулась за сигаретой, пальцы чуть дрожали. Маугли с секунду вглядывалась в меня, потом отвернулась на дорогу. Уголок рта обвёл лёгкий полумесяц морщинки. Странная манера улыбаться, точно знает меня лучше, чем я сама. Не улыбка, а презрительная усмешка.

– Не бойся, я пошутила, – заговорила мягче. – Я – вам друг. Ульвигу грозит опасность, и он не знает, откуда она придёт. А я знаю, могу помочь.

– Зачем? И почему я должна тебе верить?

– Я – такой же беглец, как и вы. Больше не принадлежу братству. Я очень хотела вернуться.

– Вернуться не значит вернуть. Если кого-то отправила на тот свет, загладить вину, спасая чужие жизни, не получится. Один человек никогда не заменит другого, у каждого из нас своя мера, своя цена.

Полумесяц в углу её рта обозначился резче. Я открыла окно стряхнуть пепел. Влажный воздух ворвался в салон. Он почему-то был солёным на вкус, словно ехали мы не в горах, а вдоль побережья.

– Как думаешь, какой он? Тот свет?

– Долгий путь в дюнах, и солнце никогда не заснёт за горизонтом. Потому что «никогда» вне времени не существует.

Машина завилыла, но быстро выправила ход, и мы снова заскользили по мокрой трассе, как по зеркалу.

– Ты видела это во сне?

– Нет, в кино.

Удовлетворённо кивнула.

– Мы вправе выбирать смерть. Псы говорят, мы видим её такой, какой способны понять и принять. Можно убить себя медленно – проживая дни, месяцы, годы, будто пьёшь застоявшуюся, мутную воду. А можно быстро, тогда вариантов много: чиста проточная вода, будь то колодец в пустыне, река, горный ручей или океан. Ни в одной Книге Мёртвых не вершат суд над решившимися на переход, но вернёшься снова к тому, от чего уходила. Из жизни в жизнь мы играем одну и ту же роль. Да, сыграть её можно по-разному, но сюжет фильма не изменится. Твоё сердце отравлено предательством. А он – убийца.

– Ты сказала, ничто не будет прежним, мы изменили мир.

– Вряд ли нам придётся в нём жить. Псы не будут преследовать нас. Дождутся, когда вымотанный бессонницей организм вырубится сам. Они убивают на расстоянии, в лабиринте снов. Сколько времени сможем протянуть на кофеине до комы или безумия? Неделю? Две? Три?

– Около десяти дней. Но у тебя же есть план?

– Включи радио, – попросила вместо ответа.

– Nice trip... Life is just a nice trip³², – вырвалась песня из плена помех.

– Да, – отозвалась Маугли, – Кастанеда прав, все действия, устремления – бессмысленные «фигуры перед зеркалом»³³. Ценно лишь время, которое помнишь. А лучше всего запоминается дорога.

– Если не бежишь и не гонишься.

– Я могла бы освоить какую-нибудь профессию в миру, но к свободе передвижения привыкаешь быстро. Дорога заменила мне дом.

Маугли говорила искренне. Я почувствовала к ней доверие. И жалость. Внутри неё приоткрылась щемящая пустота. Все мы носим внутри свою бездну, и с годами она увеличивается. Точно сквозняком выдувает тепло из дома души, веру в то, что никогда не поздно нажать «Escape»³⁴ и жизнь ещё может наладиться.

– Вим Вендерс стал Гёте в современном кинематографе. Тоже создал миф, повторяемый на разные голоса, способный разрушить любые стены. Но кино добрее поэзии: он очеловечил ангелов, а не демона. Ангелы смотрят на людей на улицах Берлина и не могут понять, почему те, кто некогда были великой расой кочевников, построили города и потеряли в них душу³⁵. В мегаполисах чувствуешь себя как на кладбище. Большинство жителей – мертвецы, не думают, не чувствуют, бегают по кругу, как заводные лошадки.

³² Жизнь – всего лишь прекрасное путешествие (англ.)

³³ «Активная сторона бесконечности». К. Кастанеда.

³⁴ Спасение, побег (англ.), в данном случае отмена текущей операции, возврат.

³⁵ «Небо над Берлином». Вим Вендерс.

- Дорога тоже не может быть бесконечной, - возразила она, - Земля - круглая. Трасса не может быть пустой: все линии пересекаются³⁶. Аморген, мой наставник, возил меня в Тунис вспомнить путь атлантов. В Карфаген - сияющий город, воссозданный по образу Атлантиды. Вспомнила дорогу посреди полей без конца, без края. Раннее утро, прозрачное, как вымытые окна, небо без облаков. За иссушенную раскалённую почву цепляются яркие цветы: красные, жёлтые, фиолетовые. Кое-где попадаются оливковые деревья. И скоро поеду мимо оливковых рощ, затем дорога уйдёт круто в горы на почти не достигаемую высоту, горы сменит прохлада пальмовых оазисов. Я не хочу торопиться. Знаю, что до заката в пустыне у меня хватит времени, чтобы пересечь всю страну и насладиться её видами по дороге. У меня блёкло-голубой маленький автомобиль. Пустую трассу пересекает сплошная полоса, то есть сначала вспомнила несколько встречных машин, но потом подумала: пусть моя дорога будет пустой. Еду по своей полосе, не нарушая, ни быстро, ни медленно, смотрю на оливковые деревья. Окна в машине открыты, наслаждаюсь встречным ветром, солнцем и тихой музыкой. «Человек есть то, что он помнит, - сказал он тогда. - Дорога - твоя жизнь. Странно, что видишь её так далеко. Закат в пустыне - её конец. Люди обычно представляют себе отрезок пути. Поля вокруг тоже редко кто видит, а ты - человек мира, не замыкаешься в себе, видишь другую жизнь по краям дороги. Сплошная полоса - делишь мир на чёрное и белое и не нарушаешь, никому не переходишь дорогу, любишь свою вдоль оливковых рощ. Горы - свершения, пальмовые оазисы - награда за них. Но пустыня, пустая трасса - символы одиночества». Иногда кажется, не я выбираю свой путь, а дорога выбирает меня. Удалось предвидеть всё, что встретили тем днём по пути. Кроме одного. Мясной лавки. Не сразу догадалась, почему верблюда держали привязанным к столбу рядом с ней на шоссе. «У них нет холодильников, - пояснил Аморген, - но всегда есть свежее мясо». И я поняла, что люди ничем не лучше верблюдов: тоже живут привязанными к мясной лавке на трассе и не пытаются бежать. Люди - скот, ведомый на бойню. Всё, что у нас есть, - несколько десятков лет осознать это.

- И тогда ты начала нарушать.

- Да. Время не прямая. Любая дорога мира - замкнутый круг, но внутри него можешь менять направление. В доме Аморгена есть часы со стрелками, бегущими в обратную сторону. Наблюдала за ними в надежде понять. Ответ пришёл во сне. Я летела, а над головой плыли звёзды. Лежала на спине, а река времени несла меня из прошлого в будущее. Или не я, а берег двигался мне навстречу, как в старом чёрно-белом кино «Сена встречает Париж»³⁷. В моём сне два варианта финала. В первом река упирается в землю, это, вероятно, её исток, и я выхожу на берег, где мне протягивают полотенце и зеркало. В отражении вижу себя ребёнком. Во втором воды реки времени несут меня в открытый океан. Не знаю пока, какой из них выберу.

- В детстве я тоже верила в реку времени. Часто сидела на мосту, опустив ноги в воду. Казалось, та вода, что коснулась ног, - моё настоящее, убегающее в прошлое. А будущее течёт навстречу, готовое вот-вот свершиться, и изменить его не смогу, как не изменить июльское ясное небо. Ни намёка на дождь. Тоскливо. В то время мне снились странные сны: в деталях видела предстоящий день, кто что

³⁶ - согласно неевклидовой геометрии.

³⁷ «Сена встречает Париж / La Seine a Rencontre Paris». Йорис Ивенс. 1957. Кинопоэзия, где зрителю кажется, что река Сена стоит на месте, а Париж течёт мимо неё.

скажет, сделает, куда пойдёт. Меня это не пугало, но я никому об этом и не рассказывала. А потом всё внезапно прошло. Вернулось этим летом, когда начался жар, и я попала в лабиринт с иероглифами на стенах. Долго изучала карты Таро. Четырнадцатую карту «Время» изображают в виде ангела с двумя чашами в руках: серебряной – прошлое и золотой – будущее. Радужная струя переливается из одной чаши в другую, но направление её – куда движется время – нельзя увидеть: слишком яркий свет, ослепление. А что если льётся она в обе стороны? И не известное нам будущее определяет наше прошлое? Что если нет прямой из прошлого в будущее, а есть «точка сборки»³⁸ мира? «Сейчас», где заканчивается прошлое и начинается будущее, ни того, ни другого не существует, и то, и другое исходит из этой точки. «Сейчас» – как импульс, как сердце, откуда по всему организму течёт кровь. Мы могли бы менять ход событий и в будущем, и в прошлом. Что если необратимость времени – миф?

– Карты Таро! Двадцать первая символизирует Мир, заключённый в кольцо четырёх принципов. Аморген в одной из песен назвал их Принцами. Мир хранит Жрица – вторая карта Таро, Исида или скрытое знание. На поверхности видим воплощённые идеи, познаём иллюзорность мира. Но сдаётся мне, имена Принцев звучат иначе³⁹. Причина, желание, действие и результат. Жрица же – наш внутренний голос. Голос из недр души – истинный и сокровенный. Наша точка сборки. Но как земля заключает в себе огонь, воду и воздух, так результат действий содержит в себе причину. Мир изменится, если исправлять саму ситуацию, а не её последствия. Круг замкнут, потому что на причины повлиять не можем.

– Нужно выйти за его пределы? Поэтому уничтожают взломщиков? Боятся перемен?

– Да, боятся, хоть и знают, что никто ни из простых смертных, ни из посвящённых не способен повлиять на время и путь.

– По-моему, что-то подобное было в «Ветхом завете»: «Когда начало и конец соединятся, вы станете Богом». Очевидно, это и есть «путь земли»⁴⁰. К истоку реки времени. Первопричина в нас, но нам она неподвластна. Неразличима, как будущее.

– А я верю, что если изменить не причины поступков, а хотя бы желание одного человека, то и мир станет другим.

Знаю, что ты чувствуешь. То же, что чувствует Маугли. Когда открыла глаза, тебя рядом не было. Уехал, сбежал, оставил меня одну в замороженном насквозь шале. Камин давно погас. Из рта шёл пар. За окнами хлопьями валил снег, а точнее, висел неподвижно, будто застыл в полёте от холода.

Маугли стояла у окна, спиной ко мне. Ожидание, воплощённое в живом человеке. Смотрела на снег, на ослепительно белый снег. Её волосы на фоне снега выглядели бледно-русыми, и я подумала, что белый цвет родом из царства неживой природы, в человеке его быть не может. Совершенство нам недоступно. Непостижимо нами.

– Свободна, – сказала она, не оборачиваясь, – когда лишена необходимости выбирать. Мы несвободны, потому что обречены на выбор и на муки сомнений в

³⁸ Термин, знакомый последователям К. Кастанеды.

³⁹ Закон четырёх, согласно Таро: я – действие, я – удержание, я – завершение, я – результат.

⁴⁰ «Вот, я ныне отхожу в путь всей земли» (Ветхий Завет. Книга Иисуса Навина. XXIII, 14)

его правильности. Свобода – в незнании последствий выбора, невозможности понять его причину.

По-прежнему не глядя на меня, прошла через комнату в кухню и вернулась с чашкой дымящегося кофе в руках.

– Вот, выпей, согреешься. Камин топить незачем, нам пора ехать.

Кофе обжёг губы и горло, я тоже вернулась. Увидела её не во сне.

– Прометей, – продолжала она, – вместе с огнём разума подарил нам и коршуна – чувство ответственности за свои поступки, сознание через чувство вины. Однажды я была по-настоящему свободной. Жила с Арно несколько месяцев, когда поняла, что растворяюсь в нём без остатка. Осенний дождь продержал нас запертыми в доме несколько вечеров к ряду. Мир исчез, и не было ничего за дверью: ни дома, ни улицы, ни города, ни дождя, ни Земли. Мы совершенно одни летели в ледяной пустоте открытого космоса. Если шагнёшь за дверь без скафандра... Главный выбор в жизни человека – между любовью и одиночеством. Между другим и собой. Как в Храме Маат взвешиваешь на весах истины любимое лицо и свой маленький мир без него. Сердце или меч? Если мир перевешивает – беги, чтобы сберечь себя. Если нет – останься, чтобы потерять себя безвозвратно. Хуже всего, когда весы хранят равновесие. То, что мы жили на втором этаже, а не на двенадцатом, избавило от необходимости выбирать. Он крепко спал. Я не смогла бы вытащить ключи от двери у него из кармана, не разбудив. А когда начинаешь оправдываться, объяснять свои поступки другому, тут же слетаются коршуны сомнений освежевать душу. Открыла окно и прыгнула в стог прелых осенних листьев прямо под ним. Три часа пешком по пустой дороге до железнодорожного вокзала под неуёмным дождём потянуло бы на раскаяние. Рыдать лучше всего под дождём: слёз не видит никто, а ты не знаешь, хлещет ли дождь по лицу или льются слёзы. Арно вернул меня домой, и на следующий день мы очутились внутри радуги. Но мой прыжок из окна предопределил полёт орла в Спираль. Страшно не то, что убьёшь: так до конца и не осознаешь, что сделала. Настоящая боль оглушает и обездвиживает, душа немеет, осыпается осколками льда, звонкая пустота внутри, ничего не чувствуешь, теряешь ориентацию в пространстве. Горе утраты накрывает потом, когда смотришь в глаза его матери. Никакое земное наказание не сравнится с этим. Поняла тогда, из чего состоит время. Из любви и смерти. Процесс умирания необязателен, достаточно навсегда запереть человека в прошлом, а мечты заменить воспоминаниями. Чем дальше мы друг от друга, тем ближе в мыслях. И от этого не избавиться.

Слушала её и понимала охотников на волков. Что стала одним из них. На сердце охотника с рождения тонким сечением наносится волчий взгляд. Его космическое одиночество. Бесконечное ожидание. Пронизывающий холод. Безысходность. Голод в лесу, где люди убили всё живое. Неизбежность городских помоек. Километры и километры по снегу до цепочки следов с почти неуловимым запахом самки. Знаю, что чувствует охотник, направив заряженное ружьё меж этих двух прозрачных и в то же время непроницаемых глаз. Неодолимую жалость сквозь уважение к сильному. Охотник целится точно, но ждёт. Ждёт малейшего движения волка. Если волк на дюйм сдвинется с места, тогда охотник выстрелит. В противном случае волчий взгляд будет преследовать его всю жизнь, наяву и во сне. В дикой природе волки живут стаями, но с течением времени они начинают напоминать стаи бродячих помоечных псов. И сильные волки уходят, предпочитая судьбу одиночки.

Никогда не уходите первыми. Тоска покинутого человека возвращает его ненависть и к вам, и ко всем остальным. Разрушает его, разрушает весь мир. Вас же сожжёт чувство вины. Не можете вернуться и попросить у него прощения и каетесь перед другими – перед теми, кто, возможно, этого и не заслуживает. Ищете искупления. Часто слышите о своей доброте, бескорыстности, милосердии... Боже, да вы почти Мессия! Но в глазах посторонних. А близкого человека вы потеряли. Ваше так называемое доброе сердце – наказание, срок в одиночной камере за убийство любви. Так что на весах истины взвешивать стоит не только сердце и меч, но и вину и обиду. Впрочем, если мы вправе выбирать свою смерть, то сможем выбрать, кем быть: волком, псом или охотником на тех и других.

«*Vlk ve mně našel svobodu*», – писал ты когда-то в дневнике. А её зовут Маугли. Ребёнок, воспитанный стаей волков⁴¹. Или братством Псов? А вдруг наша встреча с ней символична? И между нами тремя существует тайная связь? До сих пор не могу понять, зачем ей понадобилось проникать в наши сны и на чьей она стороне. Но дорога сближает людей. Приоткрывает двери души. Морской ветер по-прежнему сопровождает нас. Атланты носят море с собой повсюду. Свою трагедию. Ей некуда возвращаться.

– Тебе не удалось убить его самой, хочешь сделать это с моей помощью? Лучше держать приманку в руках, не так ли? – решила сразу прыгнуть со скалы. Откровенностью наш разговор чем-то напоминал Кебраду: поймаешь волну – выплывешь, нет – разобьёшься. Она ждала моего вопроса.

– Без тебя Ульвиг не более чем кусок мяса. Псы не того ловят. В тебе тот же огонь, что был у Арно. Ты несёшь свет, ты открыла ему лабиринт снов, научила читать послания на зеркалах миров. Вы взломщики – вместе, слившись в одно целое, порознь у вас бы не получилось.

Трудно сказать, с чего начинается доверие одного человека к другому, но приходит оно извне, словно подключился к седьмому измерению, где все прямые превращаются в точку, и уже знаешь будущее. Человек, которому нечего терять, никому не подвластен. Маугли верна лишь себе, и похоже, нам обоим с ней по пути. Пока по пути.

– Прочти последние новости. Прихватила в горнолыжном посёлке, – вытащила из «бардачка» газету и протянула мне.

«В песках Ливийской пустыни по дороге в Эль-Фаюм найден кельтский меч. Предположительно принадлежал воину-наёмнику и датируется III веком до н.э. находка стала настоящей сенсацией: ценный артефакт всё время лежал у нас под ногами, но никто не заметил! Дорога в оазис Фаюма – популярный туристический маршрут, исхоженный, перерытый и изученный вдоль и поперёк. Как могли пески столь долго замалчивать тайну?» – задавались вопросом в статье учёные-археологи.

– Ульвиг не остановится. Будет искать меч, – пояснила Маугли.

– Мы едем за ним?

– Да. Если не знаешь, что делать дальше, сделай шаг назад. Разберись со своим прошлым, чтобы не тянулось за тобой шлейфом кометы. Я забронировала авиабилеты в Каир. Скорее всего, меч передадут в Египетский музей для

⁴¹ Д. Р.Киплинг «Книга Джунглей».

исследований, а потом будут решать, в каком из музеев мира его выставлять. Найдём меч, вернём тебе волка.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить дорогу в дюнах. Интересно, кто-нибудь пробовал сосчитать количество песчинок в Сахаре? Рискну предположить, не считали и в песочных часах.

– Пустыня похожа на застывший океан, – ответила на мои мысли Маугли, – и то, и другое – образы вечности на земле. В пустыне была трижды, постоянно ощущаю её молчаливый зов. Кажется, что и сердце моё покрыто трещинами, забитыми песком и морской солью. Болит, ноет, чешется, кровоточит. И не заживает. Мечтала когда-то прочитать Книгу Ветра. Самую древнюю книгу на свете, книгу дорог и странствий, книгу без начала и конца. Пишется следами на песке, а следы замечает ветер, всякий раз обновляя страницы. Песок не способен хранить чей-либо след, но если бы мог, ветер бы ему не позволил. Книгу Ветра никто никогда не прочтёт. Бесконечность не линия горизонта, а бесчисленное множество невидимых следов на песке.

Разорвав толщу облаков, самолёт набрал высоту. Закат. Летели прямо на солнце – огромный раскалённый шар, как сквозь врата в ад. На секунду за стеклом иллюминатора возник другой самолёт, а ты смотрела на меня из окна. Самолёты не поезда, в воздухе нельзя встретиться, как на железнодорожных путях, но... Я давно перестал отличать сон от реальности. Настоящий момент – от вращений колеса времени.

Белая пустыня могла быть игрой моего воображения. В Альпах – горячий снег: солнечные лучи отражаются от белой поверхности, слепят глаза, паром трудно дышать, на коже остаются ожоги. *«Белый-белый песок занесёт твою кровь, воин»*. Песок или снег, или пепел? Иллюзии, меняющиеся на экране картинки! Но они нашли меч – слышал по радио в такси, читал статьи в интернет-кафе в аэропорту. Некуда было бежать, купил билет до Каира. Если найду меч и узнаю его, то смогу удержать в руках хотя бы одно доказательство реальности происходящего, того, что я не безумен, а жизнь не игра в покер, где все блефуют. Реальность – вещественна, осязательна, у неё есть вес и форма. Бронзовая рукоять с узором из трёх догоняющих друг друга спиралей. Кельтский трискелис: рождение, смерть и возрождение. Что это: бег времени или погоня за вечностью?

Я шёл по пустыне к оазису, но дюны петляли. Устал и испил свою чашу до дна. Упал без сил на горячий песок и смотрел, как умирает солнце. Золотой огонь, расплавленное золото – в пустоте. Ещё один круг по небу, ещё один день на земле. Мои воины! Потерял всех, кто мне верил. Но не тебя. Тебя потерять невозможно. Кира, ты была со мной в каждом из возвращений! Трагедию не под силу сотворить одному, в ней всегда повинны хотя бы двое. Теперь мы оба на цепи времени. Мы не привязаны к месту рождения, но привязаны к роли. И к человеку – партнёру по фильму.

Ты так любишь кино, но позволь пригласить тебя в цирк, где вульгарные клоуны на сцене объявляют следующий номер. Наш номер. Меч в луче прожектора под куполом цирка, лезвием вниз. По тупой стороне трётся верёвка или цепь – не страшно, не перетрётся. Весы Маат, где мы – чаши. Если дёрнешься

ты, петля затянется на моём горле, если я – на твоём. Нужно застыть в воздухе, как капли смолы. Не двигаться, не дышать, не смотреть друг на друга. И постараться выжить. Хотя бы до конца представления. Кто-то когда-то рассказывал мне о связке душ, если двое погибли вместе. А какова её сила, если...? Возмездие, как паук, многолазно и многоруко, без усталости плетёт неминуемую паутину. Читал о «концепции психофоры», о «душе – последней мысли человека»⁴², переносимой из жизни в жизнь. А я помнил себя, когда родился. Сам выбрал имя. Волк войны. Если человек помнит себя врачом или художником, опыт его бесценен. Но сделает ли тебя счастливой память наёмника и убийцы? Вряд ли захочешь узнать, кем был я во время Второй мировой в еврейском гетто, и что стало с тобой. И не сможешь понять, каково это, когда разрозненные куски жизнью проносятся перед глазами за стеклом иллюминатора самолёта, пикирующего в преисподнюю.

Google в интернет-кафе быстро выдал доказательства моих мрачных чаяний: «В США не столь давно обследовали героев войны. Выяснилось, что в среднем два процента людей обладает нечувствительностью к насилию. Испытуемым показывали на экране картины зверских убийств и радостные мирные сценки из жизни, одновременно измеряя мозговую активность. Мозгу нормального человека свойственна реакция P300 – неприятие насилия, мозг этих двух процентов никак не реагировал. То же самое наблюдалось и у маньяков: не различали добра и зла, отсутствовала элементарная жалость. Человек не может и не хочет убивать себе подобных, косвенно это подтверждает и развитие технологий: дальнобойное оружие позволяет не смотреть в глаза жертве. Учёные сделали вывод, что настоящих героев зачастую формирует не смелость, а врождённая жестокость. Извращённое сознание. Алекситимия».

Я стоял над могилой сестры и не чувствовал ничего. Ничего, понимаешь? Ни жалости, ни раскаяния. Только ветер. Даже запах цветов куда-то пропал, хотя раньше эти цветы ненавидел. Это ты наделила их ароматом силой воображения. Я опасен. Не принадлежу себе. Не знаю, кто я. Меня нет, не существует, как в той песенке «Radiohead», которую часто слушали в Альпах: «*Life is a whim of several billion cells to be you for a while*».⁴³ Ежесекундно в нашем организме отмирает несколько миллионов клеток, материя обновляется. Если верить Нильсу Бору, материя – одна из степеней плотности энергии, её проявление, внешняя форма. Малое уничтожается ради жизни большого – закон её сохранения. А я всего лишь временный носитель тёмной информации вечности. И как любой носитель не могу её прочитать.

Маленький шрам на твоём плече – ничто по сравнению с тем, что могло бы случиться, если бы блондинка не призвала ветер во сне. Я очнулся раньше тебя. Смотрел, как ты спишь, и думал: как же нелепо ты выглядишь! Хрупкое, незащищённое, доверчивое существо. словно с другой планеты. Любой может свернуть тебе шею, а уж я – тем более. Кошка твоя поняла, кто я. Убежала в лес сразу после приезда. Мы так и не нашли её. Кошка почувствовала опасность, а ты, ты – человек, нет!

⁴² Герберт Спенсер. «Система синтетической философии».

«Невидимая и неосознанная сущность, какую люди впоследствии представляют себе дух, есть высокая абстракция». Становление понятия «души» Спенсер эмпирически выводит из опыта сновидения и опыта смерти. Идеи человека о потустороннем мире начинаются с «воспоминаний» этих «контактов».

⁴³ Жизнь – это прихоть нескольких миллионов клеток недолго побыть тобой. (“Creep”. Radiohead)

За окнами падал снег. Взял твою руку. Пульс – слабый, но был. Вызвал себе такси в аэропорт. Никто не знает, насколько глубоко люди могут проникнуть друг в друга, никто не опускался на дно своей души. И потому тот, кто сильнее, должен прекратить эту связь. Финал подлинной страсти – одержимость. Откидываешь голову назад, и шея – почти лебединая! Пересчитать языком узелки жилок, ступеньки позвонков. Разметить все сладкие места на теле, изгибы, впадинки, холмики... и отрезать, откусывать от тебя по кусочку. Присваивать. Ты принадлежишь мне! Слиться в единый поток, почувствовать твою дрожь, будто нырнул в речную зыбь. Но любовь не земное чувство и приходит оно извне. Двое пытаются слиться в одно, но осознав, что во плоти это невозможно, в отчаянии рвут зубами бездушную оболочку, мстят природе и калечат друг друга, и не разберёшь, кто жертва, а кто палач. Любовь – потусторонний свет, у неё чёрное лицо Дьявола. И многие люди умудряются прожить свой век, так и не заглянув ему в глаза. Пусть считают, что повезло.

Если волк попадёт в капкан, перегрызёт себе лапу. Всегда чувствовал, как расставляешь капканы, вешаешь красные флажки по краю леса, заряжаешь двустволку. Затягиваешь меня в лабиринт, откуда давно уже вышла. Кто ты? Высшая справедливость времён? Вторая карта Таро? Жрица. Наш внутренний голос. Сначала он вдохновляет нас на подвиги, потом обманывает и предаёт, и мы его убиваем.

Без тебя мог бы не думать, кто я на самом деле, но с тобой провалился в тёмный колодец. Сажу на каменном полу, дрожу от холода и скоро начну мочиться кровью, но не могу ни уйти, ни пошевелиться. Вжимаюсь в стену от страха. Жду, когда вызовут в горящих факелов круг. На совет всех тех, кем я был когда-то. Если в центре они решат избавиться от меня... Начинаю понимать, почему египтяне назвали Книгу Мёртвых «Словом устремлённого к свету». Свет спустит нас с цепи времени, разомкнёт круг перерождений.

Гераклит ошибался, утверждая, что нельзя войти в одну реку дважды. Да, человек меняется, да, река течёт. Но меняется и стареет наша физическая оболочка, а то невидимое, неосознанное и необъяснимое внутри нас, остаётся неизменным. Что же касается реки времени, существует круговорот воды в природе. Можешь поклясться, что ночные капли дождя на твоём лице не вода из той же реки, где умывалась на рассвете? Не время, а жизнь необратима. Одна человеческая жизнь. Но сколько всего точек на плоскости? Песчинки в песочных часах? Звенья в цепочке? Вряд ли когда-нибудь это узнаем. Всё, что за пределами нашей маленькой жизни, – абстракция. Мы – пленники мгновения. Узники пещеры теней Платона⁴⁴. Сидим в кинозале реальности и смотрим один и тот же фильм жизни. Никто не покинет киносеанс до тех пор, пока не кончится фильм: над креслами горят надписи «Пристегните ремни!», как в самолётах. Вряд ли кому-то придёт в голову вышибить дверь и прыгнуть с борта. За бортом нет воздуха, там пустота. Тени пляшут на экране. Нам бы хватило теней, но и их видим по-своему. Узник со зрением «единица» разглядит чёткий силуэт сложной фигуры, а тот, кто с «минус двойкой» – серое размытое пятно, если тень будет двигаться. После киносеанса их память воскресит разные сцены. Я не смогу вспомнить весь фильм по кадрам, только поворотные пункты в сюжете. Вспомнить быстрее, чем прожить: воспоминания избирательны. И у всякого из

⁴⁴ Для Платона пещера представляет собой чувственный мир, где люди – узники. От истинного мира идей до них доходят только смутные тени. («Государство». Диалог с Сократом).

нас – своя легенда, свой путь. Миллиарды путей, миллиарды отдельных – разных – миров, а реальность складывается из них, как мозаика. Но существует что-то скрытое, тёмное, что-то над всеми нами, что как клей соединяет элементы пазла и не даёт миру разлететься на куски. Что не позволяет реке распасться на капли? Что заставляет нас запоминать одни картинки на экране и забывать другие? Кто крутит колесо времени и переворачивает песочные часы?

Ты не носишь ни часы на руке, ни зеркальце в сумочке. Говоришь, жизнь и так состоит из часов и зеркал. Они повсюду. А ты их боишься. Правильно боишься. Куда ни глянь – везде отражающие поверхности, ловцы мгновений. Зеркала хранят наши копии, все до единой. Отражения и есть тот невидимый клей, что создаёт высшую реальность для всех. Совершенные часы. С каждым шагом рождается новый двойник. Миллиарды живых слоёв один поверх другого. Ничто не исчезает бесследно. Ни один поворот головы или взмах ресниц. Очевидно, где-то существует и библиотека записей, архив или база данных. Мир идей и проекций. Время джет, где гении черпают озарения, подключившись к будущему, завершённом и записанному на стенах лабиринта. За секунды сна я прожил столетия. Не стремился ни в далёкое будущее, ни в прошлое. Искал в лабиринте другое воплощение настоящего, чуть более счастливую альтернативу судьбы. Выигрышную карту в колоде вариантов реальности. Моя жизнь – песчинка, но иногда и песчинке удаётся остановить часовой механизм, застряв между колёсами. Нельзя уничтожить время, поломав часы, но без них оно протекает иначе. Свобода шестого чувства: читать, а не учитывать.

Не помню, где оступился и упал на дно. Кто бы мог подумать, что одна жизнь заставит платить по счетам других! И теперь медленно крадусь, держась за стены. Обхожу лабиринт по периметру в надежде найти выход. Снова и снова. Бесплезно шарить руками по стенам. Холодно, и глухие капли воды в темноте. Все мы рано или поздно окажемся в темноте. Даже те, кто правильно жил.

«Я не вынудил ни одного человека заплакать», – неисполнимая заповедь в мире слёз.

Человек может потерять всё, но не своё прошлое. Может лишиться памяти, но если ты позабыл о прошлом, ещё не значит, что прошлое отпустило тебя. Никто не срывался с цепи времени.

Эпизод 7. Лица

«Пропала собака», – прочёл в объявлении на стене неподалёку от пункта проката автомобилей. Во дворе проката пустовала собачья будка. Можно было бы взять машину в евро-представительстве в аэропорту, но мне нравится «дикий»: никто ни о чём не спросит, если платишь наличными. Вероятно, пёс учуял запах бродячей сучки и сорвался с цепи. Поймал себя на мысли, что завидую: он взял след, а у меня впереди долгий вечер.

Машина – то, что надо: рухлядь, затеряется на дорогах между битыми «пежо», верблюдами и ослами. Неспеша вырулил на автостраду Салах Салем. В Каире моросил дождь, зимой он навевается в гости. Капли на лобовом стекле

почему-то всегда напоминают слёзы. Размытые огни вдоль дороги – маяки дней, обречённых раствориться под колёсами. Мы стираем друг друга в sms-ках, электронных письмах, вырываем страницы из записных книжек, сжигаем распечатки интернет-новостей и газеты. Выдавить память по капле из сердца. Никогда не узнать друг друга в толпе, не сдать ненароком – мы же в бегах от самих себя. Очищаем сны, чтоб увидеть того, кем был когда-то давно. Подтащить двойника к зеркалу. Рассмотреть, изменился ли за эти годы, за эти жизни. Но нет, зеркала не отражают иллюзий. Нас не существует нигде: у нас нет документов, нет дома, нет жизни. Никто не отыщет нас на прямой времени. У нас нет прямой, есть кривые, спирали, круги. Осколки мозаики. Кто сможет её собрать? Братство Псов? Не думаю.

Жизнь похожа на альбом с фотографиями, а несколько жизней – на коллекцию семейных альбомов. Те же свадьбы и похороны, города и лица, любовь и предательства, войны и палисадники. Любая из фотографий – маленькая история, отдельная, ничем не связанная с другими. Хочется смонтировать фильм из этих чёрно-белых и цветных картинок, разных по стилю, форме, размеру, но заполнит пустоты между кадрами не жизнь, а память о ней – отвлечённая и далёкая. Плёнка рвётся от напряжения, и понимаешь или скорее чувствуешь, что полёт в неизведанное прекрасен сам по себе.

Каир за окнами машины тоже стремился к хаосу. Тёмные кварталы захватчиков-нелегалов на пустырях без воды и электричества сменялись стеклянными высотками бизнес-центров с фонтанами у входа. Роскошные разноликие виллы – типовыми многоэтажками, где в лифтовых проёмах жители обустроили загон для скота, а в квартиры взбираются по пожарным лестницам, не страшась высоты. Острые башни минаретов – куполами церквей. Гул базарных площадей – молчанием, затянутым в тугий узел древних извилистых улочек. Стоки канализации под мостами – разливами терпеливого Нила, откуда пить воду по-прежнему безопасно для здоровья. Районы «растущих» домов, где с прибавлением в семье к дому непременно прилаживают ещё один этаж, – застывшими над городом на века пирамидами Гиза. Крики и песни на всех языках мира, блянье, гудки машин.

Каир... Я узнал в нём брата-близнеца, увидел своё отражение. Многоголосье никогда не оставит меня в покое. Слышу голоса снов из каждой комнаты каждого дома в каждом городе, но не могу уловить главной темы. Какофония. Сделка последнего рождения для меня, как Розеттский камень для Шампольона⁴⁵. Фрагмент мудрости, рассказанной сразу на трёх языках, непостижимой, потому что все три надписи сохранили разные строки. Чтобы расшифровать египетские иероглифы, Франсуа пришлось свернуть со знакомого пути: переводить не через греческий язык, а через малоизученный и более древний коптский – четвёртый язык за пределами камня. Интуиция полнолуния Сартра⁴⁶. То, что силишься понять в мире, так или иначе познаётся через то, чего ему не хватает, что в нём не присутствует здесь и сейчас. Человек, смотрящий на месяц в небе, видит растущую луну: всякая незаконченная фигура, будь то линия,

⁴⁵ Жан-Франсуа Шампольон – французский историк и лингвист. Благодаря проведённой им в 1822 году расшифровке текста Розеттского камня (сравнение иероглифов и коптского языка, фонетичность иероглифов, направление надписей) стало возможным чтение иероглифов и дальнейшее развитие египтологии как науки.

⁴⁶ Жан Поль Сартр «Бытие и Ничто».

угол или полукруг, стремится к завершению. Любовь постигается через одиночество или потерю любимого человека, жизнь – через желание иной жизни. Настоящее – через безвозвратно утраченное прошлое или несбыточные мечты о будущем. Суть жизни – вектор твоих устремлений. Следы на песке, заметаемые ветром. Так чего не хватает мне?

Небо зажгло фонарь луны над Каиром, а справа за окном мелькнул купол католической церкви. У меня было много дорог, но мало любви. Жизни напролёт искал доказательства Бога. Не глазами верующего, жадными до чудес и откровений. И не так, как ищут учёные в экспериментах со световыми частицами: фотоны чувствуют друг друга, нет замкнутых систем, всё сущее пронизано живой нитью света, а это и есть проникновение, душа мира, Высшие силы, Бог. Нет, я искал гармонию в себе. Однажды утром проснуться и понять, что никогда не останусь в одиночестве.

В церкви мерцали огоньки свечей и пахло воском. Пожилая женщина в чёрном тихо молилась у алтаря. Сел на скамью позади неё, словно вернулся домой. Ангелы над городом слышат голоса молитв своих подопечных, а Бог слышит нас всех. Молитвы не какофония отражений и снов. Сколько бы ни было молитв, все сливаются в стройную мелодию, где главная тема – любовь. В молитвах просят не за себя, а за тех, кого любят.

– Познаешь любовь, – говорят священники, – найдёшь Бога.

Фрески на потолке изображали ангелов, летящих навстречу друг другу. И не поднимая глаз, смог бы вспомнить...

– ...легенду о проникновении. Две светящиеся тени на миг сливаются и вновь расстаются. Но внутри нас зажигается их огонёк, шепчет тёплым дыханием в сердце, подталкивает навстречу друг другу, меняя наши пути.

– У меня нет ангела, Маугли.

– А вдруг он вернулся?

...на секунду показалось, слышу его плач. Но плакала женщина в чёрном. Почти беззвучно, слёзы текли по лицу безостановочно, как вода по ровной стене, не встречая препятствий. Плач невозможной утраты.

Вгляделся в лица ангелов с фресок – голубоглазые, как блондинки на рекламных плакатах вдоль всех дорог мира. Ненавижу их. Твои глаза меняют цвет, как море. Но выглядишь так же безоблачно. Предпочтёшь разбиться, но не попросишь второго крыла. Ребёнок мёртвого города, ни от кого не ждёшь помощи. А знаешь, в этом мы совпадаем: человек, вступивший в одиночество, никогда его не покинет. Придётся беречь тебя незримо, как ангел, чьё дыхание не чувствуешь за плечом. Но смогу ли помочь? За километры вижу ваши шаги, но предвидение – знание, какие сцены покажут на экране, без надежды изменить сценарий кино. Предвидение – смирение с неизбежным. Я, как первобытные люди, вынужден постоянно поддерживать огонь от молнии, а зажечь его сам не в силах. Не задумывалась, почему выбрала имя Маугли при посвящении? Титан Прометей похитил огонь богов и отдал его людям, а персонаж легенды Киплинга украл «огненный цветок» у людей, чтобы защитить волчью стаю. Всё было предрешено, но мы всегда опаздываем с догадками. Тайна Кроноса: пожирает своих детей раньше, чем мы успеваем разглядеть их улыбку. Бесплодное творчество времени. Ангел тряхнул Древо жизни с фотографиями на ветвях вместо листьев, а я стоял под листопадом и смотрел, как кружатся над головой мгновения, разлетаются в разные стороны, и уже не мог понять, какой лист принадлежал какой ветке, и что было вначале, а что потом. С тех пор собираю их

в альбомы, сортирую, разглаживаю смятые уголки. «Время – дар вечности»⁴⁷, прометеева искра, возможность подписать даты под фотографиями и переворачивать страницы в альбоме. Ангелы видят все мгновения в единственном кадре и пьют из «первоистока, который именуют вечным завтра»⁴⁸. А люди пересекают реку времени, перепрыгивая с камешка на камешек, последовательно и необратимо, запыхавшись на бегу, испытывая жажду. Кроноса не догнать, как не выпрыгнуть из тела. И теперь я вытаскиваю фотографии из памяти, как карты из колоды. Гадание на Таро: значение проявляется в раскладе.

Итак, в сегодняшнем вы потрясённые стоите перед фаюмскими портретами. Искали в Каирском музее меч, а увидели лица. Меч под тонким стеклом витрины – всего через зал, но вы до него не дошли. Выбрали сердце вместо меча. Всматриваетесь в лица, как в воду на дне пустынных колодцев. Миндалевидные чёрные глаза, сияющая, будто покрытая позолотой кожа. За портретами – чужие, непостижимые судьбы. Взгляды из вечности. Искусство огня⁴⁹. Краски, не подвластные времени. Фаюмские портреты заменили погребальные маски египетских мумий. Эллинистический Египет последней династии Птолемеев: цивилизация умирает, но перерождается её культура. Египтяне предчувствовали конец язычества⁵⁰, мы – смерть христианства и новую эру Водолея. Ни одна система не способна хранить равновесие. Гармония не принадлежит времени, как жизни не может принадлежать Бог. Но души их никогда не заблудятся. В фаюмских портретах есть то, что сражает зрителей наповал не хуже меча: кажется, они все ещё живы. Фокусник снял маску и растворился в нас.

– Я не знал людей, которые были бы незначительными.

Это колесо времени. Любовь за пределами личности, переносимая из жизни в жизнь, та, что не «за», а «вопреки». Люди привыкли называть любовью всё, что не получается назвать иначе. Завещание Экзюпери «заботиться о тех, кого приручили»⁵¹, инстинкты продолжения рода и собственнический, восхищение, уважение, ревность, вдохновение... Они постоянно взвешивают и измеряют дары. Высока ли цена? Достаточна ли расплата? Приемлема ли жертва? Точно отправляются в поход за золотым руном. Много золота, одна жизнь, ветхая плоть и ни капли огня.

И только ангелы протягивают радугу между нами как мост через время и расстояния. Свет льётся из окон-глаз и совпадает в спектре цветов. Маяк нашей маленькой вечности на земле. Мало кто может разглядеть его луч в прибрежном тумане, но на земле нам даны тела как спасательный круг из пяти чувств – он не позволит разбиться о скалы и утонуть. Мы вглядываемся друг в друга, вслушиваемся в звучание внутренних мелодий, ищем по запаху, пробуем на вкус, узнаём в соприкосновении ладоней. И рано или поздно испытываем космическую тишину, когда сталкиваемся и сливаемся, когда понимаем, что живём в одной галактике, а не в разных, чуть пересекающихся на краю Млечного пути. Когда видим один и тот же сон.

⁴⁷ Уильям Блейк.

⁴⁸ Мигель де Унамуно. «Описательная рифма».

⁴⁹ Техника энкаустики (от греческого слова *υκαίω* – выжигаю), живопись расплавленным воском.

⁵⁰ В Египте была впервые сформулирована концепция единобожия: фараон Эхнатон предпринял попытку религиозной реформы, объединяющей египетские культы вокруг верховного бога Солнца Атона.

⁵¹ Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький Принц».

Сейчас ты бы крикнула: «Нет, нет и нет! Фаюмские лица красивы своей асимметрией и непохожестью!»

И Коэн по радио в машине вторит твоим противоречиям:
«... *let's do something crazy,
Something absolutely wrong
While we're waiting
For the miracle, for the miracle to come...*»⁵²

Да, давай сбросим карты со стола и сделаем всё неправильно. Возможно, это самообман верить в добро и зло, в свет и тьму, в двуликость символов Таро, в предопределённость времени и пути. В последние дни мне всё чаще снится, что прорехи между кадрами жизни заполняются чудесами – необъяснимыми с точки зрения человеческих чёрно-белых констант. Мы не способны видеть в пустоте и потому перепрыгиваем с картинки на картинку. Наше кино – иллюзия движения.

Вы пересечёте страну и в Порт-Саиде сядете на паром до острова Афродиты, где находится один из самых известных в Европе Институтов сна. Яркое солнце, причудливые изгибы скал, бирюзовое море так и просятся на полотна художников. Но художники на Кипре не задерживаются: слишком красиво, не с чем бороться, нечего преобразовать. Природные цвета затмевают краски. Вдохновение уходит, художники возвращаются на дождливые материки, а на острове любви лечат бессонницу и кошмары. Ждёте, что там вас научат смотреть простые человеческие сны, без сновидений, без путешествий за край и падений на дно колодца. Привыкнете просыпаться обыкновенными – чужими друг другу – людьми. Забвение – лучшее лекарство от прошлого.

Я поеду за вами. В мире действуют два правила: золотое и бумеранга, и зачастую награда даётся за преступление, а подвиг грозит катастрофой, которую можно избежать, равнодушно пройдя мимо тех, кого спас. Это не ирония Демиурга, а высшая справедливость джет, способность судить всю цепочку событий. Многомерный кадр ангела вместо плоских квадратов фотобумаги.

Третьи сутки бодрствования. Сторожите друг друга, дремлете по очереди, боитесь провалиться в пёсью пасть снов. Осталось продержаться всего одну ночь. Будете пить, танцевать, пить шампанское и веселиться: бары, рестораны и казино на пароме – в вашем распоряжении. Думаете, вы победили? У Псов достаточно могущества превратить огромный паром в корабль-призрак. Но Псы не учли, что один из них сорвался с цепи. Захотелось напоследок прогуляться по радуге. И вернуть себе ангела.

– Я не перекрывал воду, позволяя ей течь.

Но и не наблюдаю трусливо за волной с берега, когда можно прыгнуть в стремнину и поплыть по течению.

– Высоко забрались! Последняя палуба, звёзды как на ладони. Шторм и ветер – качели из счастливого детства. А где же шампанское? Вы же празднуете.

⁵² Леонард Коэн. «Waiting for a miracle».

- Да, празднуем. Новую жизнь без сновидений.
- Я опять опоздал, какая жалость!
- Тебя и не ждали. Псы же не устраняют людей физически?
- Нет, только во сне. Так что расслабьтесь, поднимите бокалы, а то лица у вас застыли, как на фаюмских портретах.
- А вы будто сошли с одного из них...
- Прости, Кира, не представила вас друг другу. Аморген – мой бывший наставник и учитель, хранитель Братства Псов.
- Вы похожи на грека. Думала у потомков Гипербореи светлые глаза, кожа и волосы...
- Он – Фазтон. Пришёл сжечь нашу дорогу!
- Ты, как всегда, нетерпелива, Маугли, предвосхищаешь события. Лучше налей мне выпить.
- ...и хорошо говорите по-русски.
- Я говорю свободно на десяти языках, остальные вспоминаю по необходимости. У меня было много времени на учёбу. Хотите, поговорим с вами, Кира, о звёздах?
- Да. Вы не вызываете страха. Псы умеют вселять в людей доверие?
- А как иначе проникнуть в их сны? Я не взломщик. Люди сами отдают мне ключи. А дом может многое рассказать о хозяине в его отсутствие. Нужно присмотреться: тайники всегда на виду.
- Доверие... С первых же дней знакомства задавал мне чересчур личные вопросы. Знала, что должна ответить не потому, что ты – мой наставник, а потому что и так знаешь ответы, спрашиваешь, чтобы проверить, смогу ли рассказать всё откровенно. Между нами была связь, почти телепатия, ты будто чувствовал меня.
- Предвидел. Итак, о звёздах. Многие из них давно превратились в чёрные дыры, а мы наблюдаем свет их прошлого. Вселенная создана взрывом, явлением точки в круге пустоты. В чёрном ящике хранилась плёнка с записью нашего мира, и кто-то там, наверху, нажал кнопку «play», с тех пор Вселенная расширяется, время идёт вперёд, картинки меняются на экране, мы живём и умираем. Когда фильм закончится, нажмут на быструю перемотку, космологи прозвали её Большим сжатием. Фильм начнётся сначала, но ни герои на экране, ни зрители в зале не узнают, сколько всего было кинопоказов и что ждёт в финале. Тем не менее, фильм давно снят и смонтирован. Можем закидать экран поп корном. Режиссёр разведёт руками. Вам не понравилось? Что ж, на то воля Всевышнего. Но вы трое прорвались в монтажную, видели километры вырезанной плёнки: ненужные дубли, черновые и засвеченные кадры. Ещё немного и смогли бы смонтировать свой фильм. Но из отснятых кадров, а не заново переписать сценарий. Ваши звёзды мертвы, их свет – иллюзия. Видишь ли, Кира, в каждом возвращении, когда избегаем смерти, ветка реальности сходится с той веткой других людей, которая иллюстрирует нашу смерть предыдущих воплощений. Лица спящих – как погребальная маска мумий, хочется протянуть руку и сорвать её. Но под маской – бездна, поглотившая все лица на свете. Не понимаешь? А Ульвиг поймёт...
- ... Obětoval svou sestru pro Kira ...
- You – bastard!!!

– Beware! You've lost your sword!⁵³ Всегда знал, что людям нужно сообщать то, что они способны понять.

– Хочешь сказать, не я вызвала ветер, а сестра Ульвига умерла вместо Киры? Необходимая жертва?

– Маугли, в колоде жизни все карты одинаковы, количество игроков за столом не меняется, выбора не существует. Не верил, что предашь Братство ради двух волков-одиночек. Говорят, дети-маугли лишены сочувствия. Не предполагал, что тебя подведёт именно оно.

– Если в человеке со временем не вскрываются изъяны, с ним становится скучно.

– Заскучать не успеем. Шампанское отравлено снотворным. Кира? Ульвиг? Cheerio!

– Предатель!

– Твоё здоровье, Маугли! Я пришёл проводить вас.

*«Воды подземных рек стережёт перевозчик ужасный –
Мрачный и грязный Харон...*

... Мёртвых на утлом челне через тёмный поток перевозит»⁵⁴.

Картина вторая: «ПОКОЙ НАД МОРЕМ»

(пейзаж)

Эпизод 1. Вода

Это был последний из реальных снов. Снилось война. Ты был рядом. Знала, что проснусь в слезах: во сне мы окажемся по разные стороны забора с колючей проволокой. Сидели на крыше дома, на скамейке. Её, наверно, туда поставили до войны – глядеть вдаль, на город. Теперь мы «любовались» его руинами: почерневшие дома с выбитыми стеклами, выжженная трава, вспаханный гусеницами танков асфальт.

Ты сказал:

– Война сюда придёт завтра, а сегодня нужно как следует выспаться. И протянул мне блестящую круглую конфету с надписью «Escape».

– От таких не заснёшь, – попробовала возразить.

– Съешь две или три.

⁵³ – Ты пожертвовал сестрой ради Киры (чешск.) – Осторожно! Ты потерял свой меч (англ.)

⁵⁴ Харон – паромщик в подземном царстве, перевозивший души умерших через реку Стикс. Вергилий. «Энеида» (кн. 6, пер. С. Шервинский).

Лежала у тебя на коленях, во рту было сладко от конфет, ты гладил мои волосы. Мне снился сон. Сон во сне. Ветер, чайки и море. Синее-синее.

- Синее-синее море и у самого берега – остов ржавого корабля. Странное сочетание, – сказал мне ты.

- Где мы? – спросила Маугли.

- Это место, где никто никогда не видел снов, – ответил Аморген.

- Тюрьма для взломщиков?

- Человек мечтает о тюрьме, думая, что мечтает о свободе.

Слышала ваши голоса сквозь сон. Пробуждение было мучительным. Водораздел между миром живых и миром мёртвых. Ощущение ледяной тяжести. Земли, погружающейся под воду. Как в «Бардо Тёдол»⁵⁵, когда душа покидает тело. Медленное расставание с собой, и на глубине – растворение в невесомости. Будто всё, что некогда было мной, смывает слой за слоем вода.

Вода...

Здесь много воды: льётся с неба, накатывает на берег волнами, оседает на лице мокрыми поцелуями северных ветров. И фонтаны, они постоянно их строят. Зачем в закованном в свинцовые тучи городе, где непрерывно идут дожди, нужны фонтаны? Вода посреди воды. И без того холодно и промозгло.

- Это красиво, – безапелляционно утверждают они.

Во всех снах ищу море, яркий солнечный пляж и мост на другой берег. Но когда нахожу туда дорогу, небо темнеет и начинается осень. Почему-то знаю: пока они не хотят, чтобы я вышла к морю, не найду его. Здесь никто не видел моря, как не видел снов. О снах говорят, не смолкая, как и о штормовом предупреждении. По легенде, раз в сто лет город уничтожает волна. Но со временем он возрождается. Отпевают погибших, восстанавливают дома и фонтаны и продолжают жить. Никто не может покинуть город, потому что это место, где не снятся сны.

- Мне снятся! Мост, уходящий под воду. И чей-то голос требует: «Надо идти!»

- Кира, но ты же тонешь! И просыпаешься здесь, в городе. Сон – выход по другую сторону, а ты и дверь-то не приоткрыла.

Сколько камня тратят на закладку очередного фонтана! Давно бы уже построили дамбу, и город остался бы цел. Мост покачивается на волнах, один шаг и... моё солнце тонет в морской воде. И всё-таки верю: мост – наше спасение.

- Вот ты и тони, – отвечают мне, – а мы будем ждать.

Предчувствие шторма неумолимо. В дождливые дни вода поднимается в каналах и заливают окрестные площади и улицы. И все бегут. Прячутся в барах и треугольных домах, стараются держаться вместе. Ждут волну, что заберёт их с собой. Не зажигают свет, будто у воды есть глаза. Будто она живая и может настигнуть при свете. После наводнения окна и фонари города слепнут. Кажется, темнота создана из частиц страха. Чем темнее становится, тем плотнее воздух и труднее дышать. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. Как удары в берег невидимых волн. Считать до утра. Пока низкое солнце не загонит воду обратно в каналы, а штормовое предупреждение не объявят ложным.

Здесь всё вокруг – ложь. Мы живём в Бардо. Никто в точности не знает, что это за место. Каждому видится что-то своё. Мы рядом и одновременно далеко: реальность одна на всех, но галлюцинации у нас разные. Встретившись в

⁵⁵ Тибетская книга мёртвых.

лабиринте улиц, подолгу не можем вспомнить друг друга. Лица растворяются в памяти, словно их размывает водой. А если нет никакого моря поблизости? Чайки же не летают за рыбой. Роют норы под городом, как крысы, и питаются мхом, облепившим ступеньки лестниц и основания мостов. Если здесь – Ад, то без кругов, описанных Данте. Я и раньше думала, что у любого из нас насчитают несколько грехов за душой. Не получится ходить по кругу, так или иначе должна быть спираль. Город состоит из перекрёстков. Зигзаги улиц начинаются и заканчиваются многоугольниками площадей. Посреди площади неизменным изваянием – фонтан со статуей, грозно смотрящей в проёмы между домами. И какая бы из улиц ни привела на площадь, сталкиваешься с ней лицом к лицу. Статуя – многоликий Янус⁵⁶. Но в отличие от Януса, все четыре, пять, шесть... десять лиц одинаковы, как у близнецов. Обогни фонтан и забудешь, откуда пришла, не знаешь, куда идти дальше.

Дома тоже многоугольные, по стене – на улицу-грех. Дома-клетки. Звёзды, кубы и пирамиды. В пирамидах селятся те, кто не успел «наследить» при жизни. Самый светлый квартал, высоко над каналами, где прячутся от наводнений. Улицы там шире, чем в звёздных, а у статуй в фонтанах всего три лица. Не заблудишься. Местные рассказывают, тех, кто сумел очиститься от воспоминаний, отправляют жить на побережье, в плоские дома. Ждать корабли в новую жизнь. А тех, кто не смог и остался в городе, убивает волна. Видимо, те, кто умерли в младенчестве и ничего не помнят, в город не попадают. Их кладут в лодку, как в колыбель, зажигают свечи у изголовья и отталкивают от берега. Лодка плывёт на закат по спокойному морю легко, ни волны, ни всплеска. Солнечная дорога.

Местные думают, Ад – это сказки. Наш город – Чистилище, вневременье, «станция ожидания», как в «Матрице». Не тюрьма, а исправительный лагерь. Обретая другой мир, утрачиваешь себя, старого, прежнего. Принимаешь город, а город – тебя.

- Вы умеете строить фонтаны? – спросили нас сразу после пробуждения.
- Нет, – хором ответили мы.
- Что можете предложить городу?
- Я – поэт, – сказал Аморген.
- Здесь некого воспевать.

С того дня Аморген тенью бродит по мостам над каналами с флейтой в руках. Флейта заполняет паузы между строфами стихотворений, помогает сочинять. К вечеру в его поношенной шляпе не набирается и пары монет. Эфир чёрствого хлеба стоит пять. Наверно, забыл даже запах. Думал, отпустят как проводника. Как же! Остов ржавого корабля – всё, что осталось от паррома, где мы пили шампанское.

- Ульвиг?
- Я – воин.

– Здесь не ведут тех войн, к каким ты привык. Единственный наш враг в городе – мы сами. Но война учит служить чужим интересам. На войне все – наёмники, ведь для себя человек хочет мира. Войны и строительство объединяют людей. Искусство же, напротив, разделяет, множа ненужные смыслы.

⁵⁶ Янус (от лат. *ianua* – «дверь») – в римской мифологии двуликий бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца.

Если бы не ты, я бы растворилась или, как говорят в нормальном мире, умерла от голода. А ты приносишь эфиры хлеба, молока, сыра, а иногда и мяса – утки или жареного барашка. Как и откуда не спрашиваю, боюсь. Моим снам тоже сначала поверили, и мы наслаждались вином и рыбой. Но мост слишком быстро ушёл под воду, чернила рисунка исчезли с листа, а нас переселили в звёздный квартал. Я – снова изгой, как бывало при жизни. Живу благодаря тебе. По утрам уходишь туда, где у статуй в фонтанах больше всего лиц, а когда возвращаешься под вечер, с трудом узнаю твоё. Но никогда не смиришься. Ночами стоишь у окна, скребёшь подоконник ногтями, и в напряжённых зрачках плещется лунное золото. Отворачиваюсь, закрываю глаза. Волк накануне охоты.

– А я – никто, – сказала им Маугли, – дорога моя сожжена. Могу всему научиться и стать кем угодно. Хочу работу скульптора. Скучный у вас город, одинаковые фонтаны, улицы, площади. Я бы его приукрасила для разнообразия.

Разнообразие в лабиринте недопустимо, но скульптора у них раньше не было. Многоликие янусы-близнецы – её творения. Живёт в четырёхугольном доме через площадь от пирамид. За талант прощается многое. Волосы стали белее, черты лица жёстче, улыбка надменной. Носит меха и драгоценности, вдыхает неразбавленный джин. Ездит в собственной лодке на открытие фонтанов, как в карете. Она не помнит о нас.

– Маугли – в тюрьме. Тюрьма внутри тюрьмы – почти смерть. Эфира не будет. Сможет выйти оттуда не иначе, как сквозь стены.

Кто-то у стойки бара разбил склянку с эфиром. Жаркое. Аморген замолчал на полуслове, глубоко вдохнул и замер, как статуя. Тяжёлые веки прикрыты, тёмно-каштановые волосы откинута со лба. Понятно, как он выживает. В человеческом мире это называется фриганизм⁵⁷ или проще – «подбирать объедки». Эфир не хлеб, но суть хлеба. Без эфира мы растворяемся, превращаемся в духов, в тени теней. Густая дымка над каналами, из-за которой чайки боятся летать, и есть духи. Вечные узники города, их не освободит волна.

– Вы должны помочь мне вытащить её. Маугли здесь из-за вас!

Ты удивлённо молчишь. Не веришь Аморгену. Думаешь, очередной трюк, как снотворное в шампанском, ловля на живца, попытка скинуть нас на дно колодца. Думаешь, если бы не он, мы бы лишились своих снов по-другому. В Институте на Кипре. В миру. Но прошлое никого не отпустит, как и стая разъярённых Псов. Говорят, их видели в городе. Они – единственные, у кого в карманах билеты в оба конца с открытыми датами.

– Если бы не она, вы бы не встретились, – продолжает Аморген.

Я вспоминаю уличных бродяг, ты – заснеженное утро в Альпах. А может, мы и живы сейчас, благодаря Маугли? Или эта мысль – тоже киношный трюк?

– Маугли была в городе на хорошем счету. За что же её посадили?

⁵⁷ Фриганизм (freeganism от free – «свободный, бесплатный» и vegan – веганизм, вегетарианство) – стиль жизни, отрицающий принципы общества потребления, нежелание быть частью экономической системы кушли-продажи. В качестве источника продуктов питания и других материальных благ фриганы используют свалки, мусорные контейнеры и т. п.

- За счёт статуй. Догадываетесь о принципе лабиринта? Иллюзии бесконечности? Все улицы похожи, не помнишь, проходил по ним или нет, в итоге бродишь кругами и нужную линию – к выходу – всегда пропускаешь. Пока статуи рождались близнецами, их нельзя было сосчитать, они не служили ориентирами в лабиринте. Ничто не нарушало покоя над морем. Никто не попадал в гавань раньше установленного срока, до полного очищения не садился на корабли, что везут в новую жизнь.

В тот вечер на площади я узнал одно из лиц януса. Фаюмский портрет из Каирского музея. Луна позолотила бронзу, отразила во взгляде характер. Судьбу. Я вспомнил свою: чаша и меч. И свернул в переулок, куда смотрела статуя. Вскоре услышал шум моря. Туман скрывал узкую песчаную косу, уходившую далеко в воду, как волнорез. Песок мягко проседал под ногами. Я подумал о тебе. Каждое утро, закрыв за мной дверь, ты начинала рисовать мост через море – уцелевший сон. Снова и снова. До усталости, до мозолей на пальцах, до слёз, до исступления. Но чернила испарялись с листа задолго до завершения рисунка. Здесь невозможно сбросить свои сны.

Коса почудилась мостом с перилами из песчаных скульптур. Мифические существа – наполовину люди, наполовину звери: человеческая голова заканчивалась хвостом животного, а животное держало в зубах человеческую голову. Символ бесконечности, похожий на змея, глотающего хвост. Маугли лепила его чешую, легко надавливая на послушный сырой песок тонкими пальцами. По-прежнему ярко светила луна.

- Всё-таки здесь невыносимо долгие ночи! – бросил я вместо приветствия.

Она с минуту смотрела на меня, вспоминая, потом кивнула.

- Да, бессонница. Неужели никто не понимает, что если лишить человека сна, он начнёт грезить наяву. Мы всё забываем: себя, друг друга, то, что должны делать в городе. Мы же бесполезны для них!

- По-моему, именно этого они и добиваются. Всякий в городе должен утратить себя. Их боги тоже утратили...

(о богах вспомнил внезапно, глядя на хвост змея, будто ударило молнией)

... Трезубец Посейдона, раздвоенные копыта Сета, крылья и заострённые уши Аполлона, рога Одина... растворились в христианском Дьяволе. Дьявол – абстракция зла, безликий Янус. Теперь любые – и тёмные, и светлые – намерения можно трактовать как дьявольские. Страшный Суд без сравнений, оценок и меры грехов, без доказательств вины. Одно лицо, одна кара для всех.

- Наши лица стирает город. Как и память. Я пыталась делать статуи похожими на жителей города, но у них у всех одинаковые лица. Говорят одни и те же слова на одном языке, шаги по мостам над каналами соразмерны, мысли сонастроены. Надеялась, что, глядя на статуи, они задумаются над собственной убогостью, над угасанием внутри всего человеческого. Но нет, здесь не понимают простых символов. Ангел, отрезающий крылья, карты Таро. История повторяется. Люди отказываются видеть то, что не вписывается в систему их ценностей. Для них мои статуи не более чем украшение фонтанов. Моё искусство не искусство, потому что никому не нужно, никого не способно спасти. И я перестала резать мрамор, выбрав песок. Об этом месте никто не знает, случайно его нашла. Никто не увидит мои скульптуры из песка, не посмеётся над ними. Здесь их смогут

разрушить только ветер и время. Самая сладкая свобода – творить для себя, ради процесса. Песок же недолговечен. Но в песчинке я увидела мир!⁵⁸

Всматривался в лица на песке, они были знакомы. Те, кого пропускал в жизни, проходил мимо: нищие на Карловом мосту, игроки в казино, парень, выдавший нам ключ от шале в Альпах. Никогда не замечал случайных встречных, не помнил их красоту.

- На недавнем открытии фонтана, – рассказывает дальше Аморген, – с блеском, под аплодисменты и бравурную музыку срывали покрывало со статуи, все четыре лица януса были разными. Юг – юн и наивен, Север – суров, Запад – отважен и смел, Восток – задумчив и грустен. Указатель. Все на корабли! Но заметили его не сразу. Маугли забрали вечером. А утром светило солнце, и она улыбалась толпе...

И это был не первый такой указатель, не первая разноликая статуя. Иначе не смог бы найти.

- Знаешь, что я открыла? – спросила она тогда на песчаной косе.

- Что?

- Творчество делает меня живой. Помогает сохранить себя, свою суть. Когда леплю, память возвращается, как и во сне. Творчество заменило всё, что у меня отняли. Сны – бессмертие, вечное возвращение, поэтому здесь мы их и не видим. Нас очищают, растворяют друг в друге. Но стать другим – значит умереть. Люди создают что-либо, чтобы быть собой. Мои статуи – слепок жизни, кем была и кем хочу оставаться несмотря ни на что. Не буду творить по чужой указке, только то, что хотела бы видеть сама.

Слушал её и чувствовал освобождение от звука отбойного молотка. Улицы, площади и кварталы в городе росли как грибы. С утра до ночи долбил брусчатку площадей, готовил место под новый фонтан. Жуткий оглушающий грохот жил у меня в голове, дробил мозг на осколки стекла и камня. Прислушался ещё раз: ничего, тихий плеск волн.

- Ты видела корабли? Они забирают в новую жизнь?

- Да. Проплывают мимо, довольно близко.

- Их много?

- Иногда да, иногда нет. Сегодня на земле родится много младенцев, перед твоим приходом был лайнер, а позавчера за всю ночь приплыла одна яхта.

- Странно. В двадцать первом веке людей на планете было больше, чем всех, кто жили до них в прежние столетия, вместе взятых. И каждую ночь появляются на свет тысячи.

- Лабиринт – огромен. Думаю, наш город с его гаванью здесь не единственный.

- Сколько же нам здесь гнить?

- Ты так ничего и не понял, – вздохнула Маугли, – корабли перевозят трупы. В гавань пускают потерявших себя. Если душа не помнит, кем была в

⁵⁸ To see a World in a grain of sand
And a Heaven in a wild flower,
Hold Infinity in the palm of your hand
And Eternity in an hour...
(William Blake "Auguries of Innocence")

прошлой жизни, выходит, и не жила. Ты родишься заново. Другим. Тебе повезёт, если сны вернуться, но если нет... Зачем? Плавучая опера Джона Барта⁵⁹. Наблюдаешь с берега за актёрами на сцене баржи, пытаешься угадать сюжет, потом плюёшь на это бессмысленное занятие и начинаешь читать программку. Никто не позволит досмотреть представление до конца, не покажет сначала. Можно ждать возвращения корабля: сцены будут повторяться. Те, что хочешь забыть, а не вспомнить.

- А если не из гавани, а отсюда? Доплыть, догнать, спрятаться в трюме?
- Попробуй, – усмехнулась она. – Ты вовремя. Скоро придёт лайнер.
- Откуда ты знаешь?
- Прдвижу.

В ту ночь я тоже предал тебя. Бросил. И не потому, что так было бы лучше тебе, как в Альпах, а потому что спасался сам.

Громадный лайнер-призрак шёл в гавань, к берегу плоских домов. Пустой, на палубах никого, яркие огни, быстрый ход. Я прыгнул в воду и поплыл. Но догонять лайнер было всё равно, что плыть за горизонт: чем ближе подплываешь, тем дальше отодвигается. Вода проникала в уши, рот, нос, сквозь поры кожи и оседала внутри, как ртуть. Тело тяжелело, движения давались с трудом, сил оставалось всё меньше. Замер на секунду – и потянуло ко дну. Темнота сомкнулась над головой. Всё, финиш. Конец фильма. Включите свет, отстегните ремни безопасности.

Подобрал меня городской патрульный, выловил из канала. Спросил, почему упал в воду. Был пьян, не помню, ответил я. Ненавистное место, где не снятся сны, где стираются лица, мысли и чувства. Безысходный город. Духи выли и носились над водой. Чайки молчали. Патрульный повёз меня на лодке в наш звёздный квартал, в наш новый дом посреди воды – высоко над морем. Почувствуй покой. Познай ожидание. Вдохни неразбавленного джина для храбрости. Повтори свой заплыв. Очнись в канале, выползи на мостовую, обсохни и шагай строить фонтаны. День Сурка⁶⁰ не кончается.

В баре играют блюз. Нестройно. Аморген морщится и прижимает пальцы к ушам. Звуки его флейты совершенны, как мелодия ветра. Духи поют, когда играет на мостах.

- Тибетские монахи и египетские жрецы умели хранить память всех рождений, переносить из жизни в жизнь, – рассказывает нам. – Их знаниями обладают Сыны Змея и Братство Псов. Наследники древних учений Востока и Запада. Жизнь – средство достижения высшей точки полёта души – смерти. Бессмертие и есть память, сумма всех точек на плоскости мира, возможность ощутить себя в любой из них. А простым смертным, кто неспособен ходить по воде, предоставят общественный транспорт в гаванях и портах.

- Ходить по воде?

- Да, Кира. Вода в твоём уцелевшем сне о мосте через море – символ времени. Найдите мост, и город отпустит вас живыми – теми, чью память восстановят земные сны. Всех троих.

- А ты?

⁵⁹ Роман Джона Барта «Плавучая опера».

⁶⁰ «День Сурка» – американская фантастическая комедия Гарольда Рэмиса, ставшая метафорой повторяемости, петли времени.

– Мне не вернуться ни с вами, ни на корабле. Я был последним рождённым. Наши души стареют, изнашиваются и умирают, как и тела. Наступает время вернуть позаимствованную энергию источнику.

– Зачем же пошёл за нами?

– Никогда не сопровождал Маугли в лабиринтах сна. Наблюдал со стороны, как трусливая психофора. И она как-то в шутку сказала, что верит лишь мифу об Орфее и Эвридике. Псы бы вас не отпустили, не оставили на земле. Я пошёл за вами. Но ни о чём не жалею, никто не слушал мои песни так, как их слушают духи. Здешние духи любят во мне поэта.

Аморген потёр флейту в руках и положил на стол. Музыканты на сцене почтительно замолчали. Но он не стал играть.

– Так вы поможете мне вытащить Маугли или нет? – спросил нас снова.

Эпизод 2. Башня

Небо струится молочной белизной сквозь маленькое оконце под потолком. Солнца не видела много дней. Или лет? Темнота сменяется тусклым светом. Тишина остаётся неизменной. Запахов тоже нет. Трудно определить время без мерного хода стрелок. Не выцарапывать же полоски на стене башни. То, что я – в башне, поняла сразу. По ночам она качается из стороны в сторону от ветра, как корабль или дерево. Стены дрожат под рукой, как взмыленные кони. И не долетают городские звуки. Ощущение высоты на верхушке тонкого шпиля. Не помню точно, когда меня сюда привели. Помню, как солнце било в глаза на площади, а потом – тёмные коридоры, винтовые лестницы, и чьи-то сильные руки тащили вперёд и вверх. Хочется услышать тиканье часов: тик-так, тик-так, тик-так. Быстрее, быстрее, быстрее. Но минуты здесь растягиваются на месяцы, а пространство искривляется. Не земля, где стареют раньше на последних этажах. И всё-таки чувствую, где север. Могу с закрытыми глазами указать на Полярную звезду, потому что родилась на севере. Важно знать, где дом, даже если его нет на картах, а меня давно нет на земле.

В тюрьме человек должен бы вспоминать свои дни и жизни, победы и поражения, любовь, ошибки, обиды, грехи. Каяться и прощать. Раскладывать своё время по полочкам: достиг, обрёл, познал, не успел, потерял. Или хотя бы жалеть себя и мечтать о ком-то далёком. А я хочу кофе. Тот, что продавали на станциях поездов в пластиковых стаканчиках. Усталость измученной кофе-машины, бодрящий пар нетерпения, билет в новую жизнь, азарт, страх и радость, печаль расставания – море эмоций внутри маленькой согревающей руки ёмкости. Обжечь губы и горло первым жадным глотком, добавить немного сливок и подождать, пока чуть остынет, чтобы пить медленно, длить горько-сладкое и густое его послевкусие. Наваждение какое-то! Однажды выпила аж пять чашек кофе на платформе Сен-Дени, когда села не в тот поезд и ждала обратный⁶¹. У вокзального кофе вместо вкуса предвкушение. Дома пьёшь кофе, мысленно

⁶¹ В Париже линии пригородных поездов соединены с линиями метро, и от одной платформы отходят поезда разных направлений.

планируя предстоящий день. Жизнь похожа на поезд – предрешённый маршрут из точки А в точку Б. Отстал от него – и не знаешь, что будет дальше. Цель видна в пути. Остановка же – раздвоение личности во времени и пространстве, как на вокзале: ты ещё не там, но уже не здесь. Сидишь на перронной скамейке, и само ожидание отрицает бег времени. От мысли «Что если станция – проходная, и поезда жду напрасно?» холодеет позвоночник. Может, настоящая жизнь и есть приключение, дорога без карты? Выпадение из реальности? А жить – значит просто быть где-то, когда-то, не задумываясь о том, как живёшь? Когда всё, что окружает снаружи, важнее того, что сберегла внутри? Когда отстаёшь от жизни, но обретаешь себя?

Я побывала во многих городах, заглядывала в другие времена и эпохи, смотрела чужие сны. В моей голове хранятся сюжеты судеб, по которым впору снимать кино. Но сейчас болтаюсь на вершине пустоты и отчаяния, а воспоминания – мелкие, как глотки кофе. Не вспоминаю ни Арно, ни Киру и Ульвига, ни мои статуи на песке – наверняка их разрушит ветер. Кажется, не было ничего, никого, никогда. Судорожные глотки из пластикового стаканчика.

В конце апреля – начале мая, зимы на Белом море по-разному суровы, трещал и вставал на дыбы лёд. Держалась у кромки из последних сил, сгибаясь от пронзительного ветра, ждала, пока вода не вырвется сквозь трещины тёмными языками, не сбросит старую кожу. Чувствовала в такт, словно ещё немного и сердце лопнет от напряжения, и сама растекусь волнами. А в середине лета днями бродила по улицам, где каждый год умирали дома, и время цепенело в солнечных полосках меж ними. Люди побежали из города задолго до того, как его стёрли с карт. В одном заброшенном подъезде во всю стену кто-то нарисовал стаю фламинго у озера. Помню их горбатые клювы и ярко-розовые перья, но не глаза ангела с картины. Меня преследуют запахи: кавказских яблонь в цвету от побережья и до подножий гор – сотни километров белого приторного благоухания, талого снега в горах, влажной пыли пражской брусчатки перед грозой. И первого полёта на самолёте! Острая, специфическая смесь герметика, авиарезины, пластиковых покрытий и керосина. «Чем тут пахнет?» – спросил мальчишка отца. «Опасностью», – ответил тот. У меня появилась привычка не переодеваться после приземления до утра: старый мохнатый свитер впитывал небо, и я могла дышать им, носить с собой. Дожди обновляли его аромат. Шерсть намокала и снова пахла самолётом. Ночью заходила погреться в кафе с высокими окнами, где подавали малиновый ром. Пила, а потом доставала ягоды со дна бокала коктейльной трубочкой и ела. Свежую садовую малину с вязким привкусом рома. Как-то раз в кафе залетел светлячок и долго мигал в полумраке под потолком. Почему вспоминаются такие мгновения? Красивые, но незначительные. Вспыхивающие светлячками в темноте, звёздами на дне колодца. Башня – колодец наоборот. Хочется выйти на свежий воздух! Услышать чей-нибудь голос! Кричать во всё горло:

– По-ка-жи-те мне не-бо!!!! Настоящее!!! Синего цвета!! Без границы окна! Бесплезно. Здесь и эха нет. Вакуум. Стены поглощают звуки.

– Кто-нибудь!

Тишина режет слух.

– Как насчёт прогулки для заключённых?

Дверь приоткрылась. Неужели услышали?

– К вам посетитель.

- Аморген!
Прыгнуть на шею, обнять! Живое тепло! Но не могу пошевелиться, протянуть руки.
- Как ты попал сюда?
- Твои друзья скинулись на визит.
- Садись на диван, поближе. Звуков нет, придётся читать по губам.
- Хорошо устроилась! Диван, ковёр на полу. Пятизвёздочный отель! Телевизора не хватает.
- Телевизор у меня в голове. Мысли, мысли, мысли... сводят с ума. А в остальном – да, неплохо. Не хуже, чем в городе. Есть хочешь? Можно подёргать дверную ручку, охранник заметит движение и принесёт эфир.
- Эфир?! Тебе дают эфир?
- Да. Рыба, мясо, овощи, алкоголь. Всё, что хочешь. Диван поставили, валяюсь на нём целыми днями и смотрю в окно под потолком. А по ночам приносят свечи.
- Невероятно!
- Дорого. Заложил им лодку, лисью шубу, пару коле. Почти всё, что заработала на статуях для фонтанов. Хватит продержаться до тех пор, пока... Вы же поможете мне? Вытащите меня отсюда! Я укажу вам путь в гавань.
- Постараемся. А ты всегда умела торговаться.
- Я всегда умела выживать. Раньше думала, деньги – земной бог, но теперь вижу, они повсюду, где есть люди или их подобия. Камни, слитки, монеты, бумага, эфир... Человек молится «золотому тельцу» и в раю, и в тюрьме, и в аду.
- Я не молюсь.
- И голодаешь. Скоро растворись и завоешь, как дух.
- Не самая злая судьба. Ладно, не будем спорить. Ты сказала, мысли. Вспомнилось что-нибудь?
- Светлячки.
- Что?
- Ерунда всякая.
- Плохо. Город – место, где замыкается круг. Здесь кто-то теряет себя, а кто-то находит. Можно забыть, а можно вспомнить все свои жизни. Путь атланта.
- Путь атланта! Из предыдущих жизней вспоминается не больше, чем из только что пройденной. Вокзальный кофе. Малиновый ром. Ты был прав, у нас одно предназначение, одна роль на всех. Ощутить вкус жизни, понять, как прекрасна Земля. И всё. Что бы ни делал, вся жизнь уместится в паре жалких кадров.
- Невозможность вспомнить, куда шла, не доказывает, что дорога никуда не ведёт.
- Чёрт с ней, с памятью! Соглашусь всё забыть, чтобы начать сначала и сбежать отсюда на землю. Жить и правда красиво! Единственное, чего мне по настоящему жаль, – статуи на песке. Хотя кому нужен песок?
- Песчаную косу срыли. Лучше пожалей разрушенные лица фонтанов. Настоящее искусство стремится переделать мир.
- Может быть, отразить?
- Нет, переделать. Но перед тем как размахивать флагом на баррикадах, нужно перестать его потреблять. Бунтарь должен быть голым, голодным, безработным, бездомным и одиноким. Независимым. Тогда он не врёт. А если

нравится то, что делаешь, и мир тебе воздаёт, если любишь в нём и любима, то не пробуй его переделывать. Ты – в башне не за революцию, а за подлог. Продолжить? Всё это значит не быть.

– Ну нет! Не желаю превратиться в духа. Тоже мне перспектива – вечно пугать чаек над каналами. Тоскливая, как любовь.

– При чём здесь любовь?

– Любовь похожа на духов. Тот же туман. Осень, растворённая в весне. Предчувствие трагедии на пике счастья. Двухликая радуга. Мало кто её видел, никто не знает, существует ли на самом деле. А те, кому выпала, не могут достойно её прожить – трудно удержаться на радуге. Если внутренний свет совпадает в спектре цветов, то может статься, что на миллиардной Земле таких родилось всего двое. Адам и Ева в каждом поколении. Они никогда не отыщут друг друга в потоке лиц. Цветов и оттенков – миллиарды, и человеческий глаз урезает палитру круга. А ещё есть мелодии и ароматы душ. Вероятность встречи близка к нулю. Люди обречены принимать за любовь иные чувства, искать и не находить и где-то глубоко внутри знать об этом. Если же Бог разлит в нас поровну, то в любом он белого цвета. Мы все – одинаковы душами, на цвета преломляемся случаем, как стеклом. И одни люди любят нас синими, а другие жёлтыми или зелёными. Поэтому и кончается всё так быстро: стекло случая бьётся легко. Грустно думать об этом! Безысходность какая-то.

– Понимаю. Абстракция – безысходна, как её ни крути. В тюрьме лучше думать о чём-то конкретном, а то недолго сойти с ума.

– О чём, например?

– О прошлом. Или попробуй вспомнить будущее. Вдруг получится.

– Я продала всё, но не ангела. Будущее мне недоступно.

– Будущее складывается в настоящем, как и прошлое. Понял, когда разглядывал твоих янусов на площади. Уродливых, если смотреть против солнца, и прекрасных, если оно за спиной. Всё зависит от точки обзора. От перекрёстка, где готовы свернуть. Ангелы видят все возможные дороги, но не знают, какую из них выберем мы. Будущее – многоликая мозаика, множество картин в одной, где цветные кубики стёкол – наши шаги. Как переливающиеся календарики из твоего детства: картинка зависит от наклона. Будущее – отражение прошлого.

Прошлое? Слова застревают в гортани, не знаю, как сказать, как спросить. Его губы всё ближе. Размахнуться бы и ударить изо всех сил! Разбить в кровь.

– Ты знал, что оно у нас было общим?

– Да.

– И хватило наглости промолчать?!

– Хватило такта не вмешиваться в твою жизнь.

– Ты никогда и ничего не договаривал до конца. Ждал. Чего ты ждал? Необратимости? Пока нас не выкинет за край, где земная жизнь невозможна?

– Зачем рассказывать человеку то, что он вспомнит сам, но иначе?

– Я и вспомнила. Париж. 1910-й...

– 1915-й.

– Хорошо, 1915-й. Мы жили на Rue La Fayette – район перекрёстков и треугольных домов. Мы жили втроём. Ты был женщиной, высокой и пышной. Я была мальчиком балетного телосложения, с таких древние греки ваяли свои статуи. Альберт был бисексуалом, богатым и умным...

- Альбертом звали моего брата в другой жизни в Лондоне. Он тоже знал и хранил своё имя от рождения к рождению, как и Ульвиг.

- Да?

- Предпочла бы не знать об этом?

- Хватит прятать от меня моё время! Я имею право знать!

- Тогда вспоминай. Но помедленней, трудно читать по губам. Нервничаешь – дрожат.

- Мы любили его. Он любил красивые вещи. Я был скульптором, лепил странные фигуры из треугольников, стремящихся к равновесию квадрата или прямой. Альберт один понимал, мог видеть их суть, готовил мне выставку. Мы с тобой ненавидели друг друга: самые страшные войны ведут за любовь. Ты забеременела. Он не хотел ребенка, но вы решили пожениться. Выбор между статуями и детьми делают в пользу детей. Я шагнул из окна. А что мне осталось? Сволочь ты! Я так и не закончил лучшую статую – Януса. Возненавидел всех женщин. Там, в зелёной комнате, где раздают ответы, ползал по полу, рыдал, размазывал по лицу слёзы и сопли, просил вернуть его. Но мне сказали, что он не вернётся на землю. Тебя не было за зелёными шторами, тебе, вероятно, снился зал ожидания в аэропорту или на железнодорожном вокзале. Тебя мне вернули. Мужчиной. Тебя лишили женского дара, меня сделали красивой, лелеющей женскую суть. Нас выбрали друг для друга, чтобы прекратить вражду.

- Нет причин для вражды. Альберт никогда тебя не любил, не имел гомосексуальных склонностей. Но видел в тебе своё отражение. В твоих треугольниках, стремящихся к равновесию квадрата, вспоминал «восьмёрки» своего предыдущего рождения – знаки бесконечности. Мы с ним не были счастливы. После твоего падения он пробовал рисовать сам, а потом ударился в поиски картины с ангелом и бросил нас. Ребёнок вскоре умер от пневмонии. Я осталась одна. И тогда появились Псы – преградить Альберту путь к тайне под слоями краски. Мы оба увидели яркий свет. Он ушёл навсегда, а я вернулся на землю, в современный Лондон. Мать отказалась от меня в роддоме. Псы нашли и вырастили меня, а когда достиг совершеннолетия, выбрали тринадцатым. Хранителем библиотеки Храма Сириуса. В одной из книг наткнулся на описание обряда проникновения, сделки с ангелом. Никто из братства не пытался ни отговорить меня, ни помешать. Им было известно о последнем рождении. Так я утратил надежду. Вспомнил прошлые жизни и будущее, но не то, что ждёт за границей света.

- У меня тоже многое отняли! Всегда тянуло прикоснуться к вещам, закрывала глаза и улавливала их контуры, чувствовала фактуру и цвет, как будто пальцы постигли тайну, поймали искорку волшебства. Мечтала создавать фигуры, но как резать мрамор вспомнила здесь, после жизни! А зачем? Оживлять камни мёртвого города?

- Если они не заметят, не разрушат хотя бы одну разноликую статую, путь в гавань будет доступен не только избранным. И те, кто любил, страдал, совершал открытия, сохраняют память об этом. Иные воспоминания стоят вечного возвращения.

- И куда ты хочешь вернуться?

- В Афины. В ночь, когда опоздали на самолёт.

Улыбка тёплая, как объятие. Положить бы голову на плечо, заснуть рядом. И пусть сон не кончается! Но сны сюда не заглядывают, здесь они не сбываются.

Свет в окне – чёрное серебро. Вечереет. Охранник осторожно поставил свечи у изголовья и поспешил уйти. Наши тени на стене – отражения в каменном зеркале.

– Бродили по Акрополю в окружении богов, титанов и торговцев. Сколько разноцветных браслетов ты тогда накупила! И надев их все, походила на жрицу. Красный закат и самая долгая ночь. Сидели в саду на крыше⁶² и пили вино.

– Да, было жарко. Надеюсь, ночь остудит город, но асфальт до утра плавился под ногами.

– Помнишь, как купались в фонтанах?

– А почему мы не сняли номер? Аншлаг в гостиницах или не хватило денег?

– Ни то, ни другое. В ту ночь мне хотелось побыть тобой.

– Бездомным?

– Да. Лишившись завтра, понял время: непреходящеесть преходящего. Никогда не чувствовал себя поэтом так остро. Слово ни до, ни после поэзии вообще не было.

– И сейчас тоже? Духи любят твои песни. И я. Жаль, не сыграть здесь на флейте!

– А ты читай по губам.

Поцелуй горько-сладкий на вкус, как остывший кофе со сливками.

– Чувствую, твой ангел жив. И он ищет тебя, – сказала Маугли на прощание.

Ангел сидел на перилах моста, покачивая ногами, и смотрел в воду. Грязные крылья, стелившиеся по камням, высветлила луна. Он явно кого-то ждал. Кого? В этом жалком районе даже статуи в фонтанах снесли не все, бросили за ненадобностью: сюда на аркане никого не затащишь. Район узких улиц, стен, дышащих плесенью, и мостов, лежащих на воде. Логово духов и тех, кто, как я, ни на что не годен. Иногда мне везёт, играю на флейте возле ресторана, и посетители просят открыть окна – послушать. Тогда хозяин в конце дня оставляет мне склянки с эфирами хлеба, сыра и красного вина под дверью. Я как раз шёл ужинать в дом внутри моста. В городе не спят и не знают усталости, здесь многое ощущается иначе, чем на земле. Но надо же где-то жить! Сохранившаяся человеческая привычка, глупая привязанность к месту, куда возвращаешься каждый вечер. До меня внутри моста, вероятно, жил смотритель каналов: они предупреждают о начале наводнения. Мосты для смотрителей строят больше и крепче других, но полыми. Забираться неудобно: по скользким ступенькам, почти из воды. Выпрямиться в полный рост не получится, но сидеть уютно. Можно укрыться от дождя, а в ясную ночь сквозь круглое отверстие в стене разглядывать картины лунных бликов на глади канала. Луна – хороший художник, никогда не повторяется, никому не подражает. Когда обнаружил мост, дом над водой был давно заброшен: дверь прогнила, на полу – песок и жухлые листья. Где сейчас его хозяин? Вернулся на землю или превратился в духа?

⁶² В Афинах некоторые сады и места отдыха (кафе, рестораны) расположены на крышах высотных домов.

Ангел уже спустился с моста и топтался на ступеньках. Ошибся дверью? Подойдя вплотную, понял, что ошибся сам. Крылья, взъерошенные ветром, вблизи обернулись полами старого плаща. Альберт! Я и забыл, как мы похожи! Брат, моя точная копия, а вернее, я – его: он же старше. В детстве нас сравнивали, как снимок с негативом: его русые волосы с моими тёмно-каштановыми, его серые, бесцветные глаза с моими чёрными, без радужки. Черты лица и стать – как у близнецов, но разная масть.

Молчание затянулось. Альберт заговорил первым:

– Я не виню тебя ни в чём, Аморген. Тайну времени необходимо беречь от смертных. Ты – хранитель и не мог нарушить закон.

Пригласил зайти. Сели на полу по обе стороны от круга окна, поровну разделили эфир.

– Почему ты здесь? – спросил его.

– Лабиринт города и есть Спираль, куда уходят человеческие чувства, мысли и облик, а время и пространство сжимаются в точку. Место, где не снятся сны, – пустота. И вы наполняете её грёзами наяву. Создаёте дни и ночи, времена года, луну, солнце, ветер, деревья, город, друг друга... – всё, без чего не можете представить жизнь. Иного образа, чем воспоминание о ней, у вас нет. Но воспоминания истощаются. И вы наполняете их фантазией: питаетесь эфиром, нагромождаёте углы в домах, строите фонтаны под дождём. Ваши ночи то пролетают за мгновение, то тянутся месяцами. С последней фантазией исчезаете и вы. Кто-то поднимается на борт кораблей, а кого-то волна поднимает к свету.

– После пробуждения надеялся, что город – тюрьма для взломщиков и есть выход. Освоившись в лабиринте, что конечную удастся превратить в станцию ожидания, в железнодорожный тупик. Мечтал остаться здесь навсегда. Но теперь вижу перед собой смерть.

– А Псы когда-то поступали иначе со взломщиками? Желали исследовать лабиринт? Вас заперли в нём. Путь туда и обратно открыт для избранных. Ты должен был знать, за кем идёшь.

– У меня не было выбора. Не мог отпустить Маугли с ними одну.

– Выбор всегда есть. И на конечной станции у последнего рождённого тоже.

– Какой? Нельзя отвернуться от света.

– Однажды, ещё при жизни, я ощутил его притяжение. Проснулся утром, распахнул шторы и... яркий белый свет хлынул в комнату. На секунду ослеп. Когда зрение вернулось, мир вокруг сиял разноцветными осколками радуги. Словно был создан из тонких слоёв прозрачного стекла или слюды, преломляющих и отражающих свет. Я перестал быть собой: тело пронзали миллионы осколков, чувствовал окружающую реальность в себе так глубоко, что не мог ни думать, ни двигаться. Всякое живое существо на земле отделено от мира плотной оболочкой, мою же оболочку проткнули такое количество раз, что плоть исчезла, и мир лился внутрь, а я растворялся в нём. Мельчайшие грани света уничтожили, стёрли мои границы. Наслаждение с привкусом боли. Слияние с вечностью. Говорят, кто испытал подобное, обречён до конца своих дней искать путь к свету. Бабочки летят на свет и сгорают.

– Светлячки мигают в темноте, как маяки.

– Но не видят собственный свет. Вопрос в том, чем жертвуешь ты.

Захотелось вдохнуть вина, но склянка с эфиром опустела. Альберт вложил свою мне в руку.

- Мне не нужно, - сказал он.

Взглянул в лицо брата: на нём проступил странный рисунок - стены за спиной. Стена просвечивала сквозь лицо и тело! Альберт сам был прозрачным, как стекло.

- Да, - подтвердил он, - я - один из твоих благодарных слушателей у мостов.

- Ты выбрал участь духа!

- Я выбрал свой вариант вечности. Попав в лабиринт, тоже искал выход. Сыны Змея приютили меня. Они же открыли мне суть картины. Ангел, отрезающий крылья, - символ жертвы. Помнишь, в детстве нам подарили часы со стрелками, бегущими назад? Это не шутка о вечной молодости, а змей, глотающий хвост, - символ, встречающийся в древних книгах. Смерть вращает колесо жизни. Сыны Змея знают его тайну: как повернуть вспять реку времени. Можешь плыть против течения, но всегда вниз. Ангел теряет бессмертную суть, чтобы стать человеком - на ступеньку ниже. Используй своё право выбрать иную форму бытия и освободишься.

- Тогда вернусь на землю птицей.

- Совой! - расхохотался Альберт. - А люди сделают из тебя чучело. Не всё так просто. На моей картине изображена восьмёрка, а не круг. Проникновение миров энергии и материи. Переверни карту. Падение в материю ангела отражается в зеркале вечности как потеря человеком своей «внутренней империи»⁶³. Твоя сделка - сделка ангела. Он, твоя высшая суть, видел дорогу и её конец и решил пожить напоследок. В тебе. Отделиться от мира твоей плотью, ощутить и понять его не как психофора, а как участник событий. А что получил ты? Откровение. Тяжкий груз прошлого. Неужели думал, что, шагнув за край, обретёшь веру?

- Вера - лекарство от одиночества. Я искал кого-то очень близкого рядом. Бога. Думал, знание заменит мне веру.

- И познал неотвратимость смерти. Мой бедный брат! Но не торопись уходить в свет. Если твоё высшее «я» покинуло его ради земли, то и тебе не стоит туда стремиться.

- А что ждёт меня, если пойду за тобой?

- Жизнь. Но чужая. Духи сняты живым. Пока хранится моя картина, могу возвращаться на землю во снах тех, кто помнит обо мне. В них теплее, чем здесь, поверь.

- Ты - великий художник. Но кто помнит меня?

- Сделка последнего рождения открыла все твои жизни - из века в век. Их сотни. На шумной вечеринке невозможно остаться никем не замеченным. Всегда найдётся тот, кто запомнил, как смущённо улыбался парень за угловым столиком, что бормотал в ответ на вопрос «Как дела?». И в подробностях вспомнит, как у тебя обстояли дела. На земле немало людей, кто думает о тебе. А пока живые видят сны, духи - бессмертны.

- После всего, что ты рассказал, сомневаюсь, была ли сделка. А вдруг эти жизни мне снились? Ты был мне и братом, и любовником, и врагом. На земле мы часто встречались, но здесь ты мне брат. Почему?

- Духи вынуждены менять облик во снах живых, но в пути меж ними вольны его выбирать. Ты хотел видеть брата.

⁶³ Здесь и далее упоминается мистический кинофильм Дэвида Линча «Внутренняя империя».

– Я должен помнить все жизни, но не помню первую, в Гиперборее.
– Гиперборея – миф. Виной всему северный ветер, – нахмурился Альберт и попросил: – Сыграй мне на флейте.

Не знаю, кто посылает мне ноты музыки и слова песен. Но флейта моя печальна. Не поёт, а плачет. Точно оплакивает то, что могло бы, но не сбылось. Флейта – древнейший музыкальный инструмент на земле, первой из них более сорока тысяч лет. Первобытные люди вокруг костра слушали мелодию ветра. Флейта – голос седого времени.

Брат заговорил нараспев, как читают саги:

– В Лондоне далёкого 1783-го злой Борей срывал черепичные крыши, швырял в окна капли дождя, сеял болезни. Я читал тебе, пятилетнему, древние мифы. Тебя лихорадило, а в постели могли удержать только книги: они – лучшие путешествия. Ты повторял за мной:

*«Я – ветер на море,
Я – волна в океане,
Я – искусство мастера,
Я – слово знания,
Я – копьё, что начинает битву,
Я – тот, кто возжигает в человеке пламя мысли...»⁶⁴*

Ты уже ребёнком верил в слова, а не в то, что они называли, скрывая суть. Повзрослев, стал сочинять. При посвящении выбрал имя поэта – поэзия вела тебя из жизни в жизнь. Вручил судьбу легендам. Нёс людям огонь, как Прометей, гнал по небу колесницу Гелиоса. Перед глазами всё плыло и горело, мысли и образы сплетались в причудливые фигуры калейдоскопа снов. Лабиринта без входа и выхода, где непонятно, кто ты и откуда. Твои жизни были стихами, мёртвыми символами снов и картин. Частью мифов.

*– «Странник, конечно, бывают и тёмные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш...
...Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен»⁶⁵,* – вспомнились

строчки тех дней.

– Да. Ты – в башне, как и Маугли. В башне из слоновой кости⁶⁶. Сомневаешься в своей памяти, потому что не прожил ни одной жизни до капли. Пропускал мимо любовь, счастье, азарт, никогда не ставил на карту всё, что имел. Чувства запирали в строки. Брезгливо отворачивался от мира, как от моря распада. Вдохновение черпал в одиночестве. Смотреть на облака и картины тебе было приятнее, чем на лица людей. Твоя поэзия была настолько оторвана от реальности, что превратилась в «игру в бисер»⁶⁷. Идеальные слова, чистые ноты. Звенящие, как хрустальные шары. Но искусственные и холодные. Всё живое гниёт и разлагается, но греет. В этом смысл. Нельзя при жизни уйти в свои сны,

⁶⁴ Стихи, которые произнёс Аморген, впервые ступив на землю Ирландии. Считается, что Аморген – имя первого поэта народов моря («...на северном побережье Галлии обитают моряки, основное занятие которых – перевозить мертвецов с континента к последнему пристанищу на острове Британия» – Плутарх, 120 г. н. э., Прокопий, VI в. н. э.). Де Жюбенвилль. «Ирландские мифы».

⁶⁵ Гомер. «Одиссея», XIX, 559-567.

⁶⁶ Символ ухода в мир творчества от проблем современности, духовных исканий, «оторванных» от «прозы жизни», появился в эпоху романтизма, благодаря поэту Шарль Огюстен Сент-Бёву, а также переписке Гюстава Флобера.

⁶⁷ Роман Г. Гёссе «Игра в бисер»: создание идеального искусства – ради искусства.

невозможно создавать поэзию ради гармонии слов. Не получится переделать мир, нужно его принимать. Целиком и таким, как есть. Объяснять придётся языком символов, иначе не поверишь.

И Альберт извлёк из рукава плаща поочерёдно седьмую и шестнадцатую карты Таро. Колесница и падающая Башня. Неразлучная пара, двуликие символы.

– Фаэтон нёс огонь замёрзшим звёздам Борея, возомнив себя равным отцу, но не смог справиться с его солнечной колесницей. Иллюзии – причина падения Башни. Постарайся отделить свои жизни от мифов и найдёшь путь в лабиринте, а возможно, и выход. Мифы – кривое зеркало мира. Создают смыслы и разрушают. Но суть, сокрытая под слоями масла или внутри строк, от этого не меняется. Избавься от метафор. Порой жизнь без них кажется лицом прокажённого без маски. Но всё-таки лучше знать, чем догадываться, кого держишь за руку. И держать, а не воображать, что держишь. Чувствовать тепло, а не разлагать свет в спектре цветов. Ты так долго искал свой тринадцатый знак зодиака...

Вспомнились руки Маугли: как носили браслеты, как переворачивали всё вверх дном в моём доме на Мальте. Стыдно! Надо было дать ей погладить сову. Вряд ли случилось бы что-то непоправимое, коснись её пальцы чучела птицы, но одной ссорой в памяти было бы меньше. С Альбертом не поспоришь: совершенство неодушевлённых предметов мне всегда было дороже живого тепла. За пределами сна не замечал ничего, кроме смерти. И догнал её здесь, в лабиринте.

– Ты молчишь. Не слушаешь меня? – отдёргнул меня.

– Мне нужна твоя помощь.

– Знаю, поэтому и пришёл. И благодарен Маугли за возвращение картины в музей, но вызволять её из башни придётся тебе самому.

– Как?

– Словом. Но и в мёртвом городе слова должны быть живыми. Ты – поэт. Не слово ведёт мастера, а мастер выводит слово. Поэт, как скульптор, оживляющий глину, песок и камни, не может ненавидеть материал. Жизнь вокруг, земля под ногами, трепет и угасание превращают буквы в слова – в смысл. В непрерывный поток, трискелис. В конце концов, кто выбирал Суд в качестве перехода в мир иной? Теперь у тебя есть такая возможность: пересмотреть свои жизни и высечь искру огня. Пламенной речи поверят. В Суде две верховные палаты избранных: Братство Псов и Сыны Змея, и две нижние – из горожан. Ты должен зажечь их всех, произнести слова, которые ждут. Если получится, Маугли выпустят из башни, а ты обретёшь нормальный дом взамен конуры под мостом. Тебе нечего терять, рискни хотя бы сейчас.

Луна прибывала. Я искал живые слова в переулках, на площадях, над каналами. Слушал чаек – они молчали. Отдирали мох от стен и ранили руки о шершавый камень в надежде рассадить их в кровь. Кожа отливала бронзой: ни царапины. Смотрел на солнце до ослепления, но и в темноте не видел снов. Вспоминал ржавое остриё земных обид, задыхался от предчувствия минувшего счастья. Пил воду из фонтанов, но она проходила сквозь меня, как сквозь воздух. Внутри и вокруг зияла пустота – оплетала щупальцами, как осьминог, и глотала. Ветер крутил сухие листья под ногами и сбрасывал в каналы. Листья плыли куда-то, сталкивались в воде и цеплялись друг за друга, но всегда расставались,

продолжая свой путь в одиночестве. Нашёл фонтан с лицами с фаюмских портретов, а потом и своё лицо, повторённое янусами. Отражения. Сколько мастерства, чтобы запечатлеть в камне нас всех, сохранить время! И оно не должно быть разрушено.

Когда взошла девятая луна, полная, замкнутым кругом, принёс Альберту речь. Встретились на площади у фонтана с моими – ещё целыми – лицами.

– Читай, – сказал он.

Развернул исписанный с двух сторон лист бумаги и вдруг ощутил глухие удары внутри грудной клетки. Нет, не сердце, я – в пустоте. И всё же... волнение было земным, настоящим. И я поверил ему.

– Мы все в городе за пределами времени и пространства, – начал читать, – но мы остаёмся людьми. Помним землю и воссоздаём жизнь здесь. Кто из вас видел на земле два одинаковых цветка, птицы или лица? Мы все – уникальны. Жизнь учила нас бить непохожих и несогласных. Тех, кто не поддаётся ей и пытается переделать. Хранить порядок вещей, избегать незнакомцев, не стараясь понять. Но у каждого из нас – своё время, и все мы вправе хранить его таким, каким помним. Тогда ответьте, почему фонтаны нельзя украшать статуями с неповторимыми лицами, как было там, на земле? Кто сказал, что путь в гавань открыт избранным, а не тем, кому есть что взять с собой на борт кораблей? На месте города вы могли бы создать Эдем, но вашей фантазии хватило лишь на лабиринт одинаковых улиц. У города нет даже имени. Это пустое безликое место создали вы. И ждёте то кораблей, то волны, то ответа с небес, но никогда не делаете ничего сами, чтобы познать окружающий мир и освободиться от страха перед ним. Мир меняется, он – мимолётен. Вы же его заморозили, превратили в лабиринт и ходите по кругу. Тяга к постоянству – лень души. Лень порождает скуку – вашу унылую тюрьму, главного демона человечества. Откройте глаза и воздайте по справедливости тому, кто...

– Стоп-стоп-стоп! Это никуда не годится! – замахал руками Альберт.

И рукава плаща вновь промелькнули крыльями ангела.

– После таких слов на земле обычно начинаются войны и революции. Бессмысленная резня. Людям не нужна справедливость, они ждут правды. Расскажи им вашу историю: как оба очутились в лабиринте преждевременно и не по своей вине. Скажи, что любишь Маугли. Те, кто сберёт земные воспоминания, способен сочувствовать. Остальные – не в счёт, они не создают город. И ты прав, им скучно. Плевать им на Суд, они хотят шоу. Взамен хлеба здесь эфир, но взамен зрелищ – пустота. Собери музыкантов, и пусть начнётся великий Карнавал. Праздник Диониса, отменяющий все законы. Праздник – отдых для всех, и для блюстителей порядка в том числе. Твоей узнице позволят вернуться в город. Подари людям мечту, и они пойдут за тобой. Пусть почувствуют себя теми, кем хотели, но не смогли стать при жизни.

Эпизод 3. Луна

– Бесполезно! Ничего не получится.

Разрывала очередной лист бумаги, и целая стопка чистых возникала на столе – из ниоткуда. Выливалась чернила, но поутру чернильница вновь была

полна до краёв. Всё, что множится без усилий, как отражения в зеркалах, вызывает отвращение. Предчувствие подделки.

- Попробуй ещё раз, - говорили они.

Аморген с братом навещали меня по очереди. Ждали проявления моста. Зачем он им? Ни того, ни другого город не отпустит.

- Судьба благоволит к недостойным, - утверждал Аморген. - Самое страшное, что может с тобой случиться, - исполнение мечты, её утрата, конец. А тех, кого выбирает, любит безжалостно. Годами на коленях моешь песок в надежде найти золото, но находят его другие. Как червь прогрызаешь в окаменевшей глине тоннель наверх, к солнцу, но увидят его твои последователи. Ибо те, кому не воздали по заслугам, вправе вернуться.

- Я очень устала. Днями сижу на полу, привалившись к стене, а силы теряю, будто тону. Память уходит под воду, как мост, чернила исчезают с листа.

- Потому что рисуешь мост, а нужно берег, к которому он тянется, - Альберт проникал в мою комнату через окно вместе с тусклым светом луны.

- Я не вижу берега. Мост ложится на воду и тонет. Дальше - туман, белое пространство пустой страницы. Может, мой мост - трап к кораблю, где мы все стали другими, миновали предел невозвратности?

- Продолжай рисовать. Хоть узоры перил или доски под ногами. В любой детали могут быть спрятаны ключи от времени. Или указатель, где находится мост. По ту сторону искусства всегда что-то есть. Творчество - путь, паломничество, где Бог - сам художник. Он ищет свой путь, а находит дорогу для всех. Если мысленно повесишь рядом на стену «Натюрморт с капустой и деревянными башмаками» Ван Гога и его же картины «Ночная терраса кафе» или «Звёздная ночь», поймёшь, что пришлось преодолеть художнику на пути к свету. Он начинал как проповедник, а умер художником. И вряд ли согласился бы выставлять в музеях свои первые работы.

- Избранные могли предвидеть судьбу.

- Нет, но они старались сберечь своё время. Знаешь, что роднит все фильмы об Апокалипсисе? Последние выжившие на уцелевшей стене находят картину или фреску с пейзажем цветущей земли. Никто не помнит, какая из войн привела землю к краху, имена победителей канули в Лету, как и имена побеждённых. А пейзаж остался немым свидетелем жизни. И символом веры.

Аморген любил пересказывать историю церкви Святой Та' Пину на Мальте⁶⁸. Чудо безверного двадцатого века, происходившее у всех на глазах. Деньги на строительство церкви пожертвовала слепая женщина. Когда зажгли первые свечи, она прозрела. С тех пор из разных - далёких и близких - стран люди приезжали туда молиться о выздоровлении безнадежно больных. На стенах церкви висели не иконы, а рамки с благодарственными записками и портретами исцелённых. Их тысячи. Святой Та' Пину кланялись папы и короли. Её осыпали цветами. По утрам в церкви распускались свежие бутоны, и ветер разносил их благоухание за многие мили от Арба. Цветы - символ возрождения, недаром же во всех религиях образ мира так или иначе сводится к цветущему лотосу.

- Какие у тебя любимые цветы?

Вспомнились картины Джованни Беллини «Ангел» и «Девственница» - сдвоенная репродукция была заставкой на «рабочем столе» моего компьютера. На

⁶⁸ В местечке Арб, на острове Гозо. В 2010 году Храм удостоен «Золотой розы» - папского благословения.

Западе, в христианстве, лотос заменили лилии⁶⁹. Ангел держит ветку белых лилий в руке. Семь бутонов: три закрытых, четыре распустившихся. Ты вложил эту ветку во сне мне в руку, а живые цветы прислал с курьером. Ничего сложного: выбираешь цветы по фотографиям на сайте доставки, оплачиваешь web-money. Расстояния современным людям не помеха. Но для меня это было чудом. Лилии в вазе на столе посреди моей пустой кухни, белые-белые, как альпийский снег. Любовалась на них целыми днями, пока не решили встретиться наяву. В каком-то смысле мы и были героями картины: ты – ангелом, а я – девственницей. Ты нёс в руках наше время – будущее из прошлого, а я до тебя никого не любила.

– Чтобы научиться рисовать, нужно впитать в себя красоту и рисовать не то, что видишь, а то, что чувствуешь, – объяснял Альберт, завязывая мне глаза.

Лилии Моне разбрызгивались по полотнам Джексона Поллока⁷⁰. В каждом родившемся на земле цветке закипал эликсир бессмертия. Лунное золото плескалось в твоих глазах. Золотая дорожка проливалась за горизонт, изгибаясь на гребне морской волны.

– Что ты чувствуешь?

– Мой мост похож на луну в небе: один посреди воды.

– Бабочка созревает в одиночестве кокона. Когда раскрывается бутон, цветок тут же вянет. Люди замкнуты и разделены неслучайно. Они – как бокалы, их мысли и чувства – вино. Человеку, не способному заполнить пустоту внутри себя, нечего дать другому.

На земле была «человеком дождя»⁷¹, а мои вино и дождь никого не интересовали. Мир не желал меня принимать, я не навязывалась. Всё началось со сломанного плеера, а потом сломалось что-то внутри. Шла по улице и старалась не слушать, что люди говорят друг о друге, а наглые – в лицо. Гадости, безнаказанно. Смех в «курилках» зазвучал, как пулемётная очередь: люди всегда смеются над чужими ошибками и бедами. Случайное прикосновение в метро оборачивалось трагедией. Метро – бездонная нора, а мы все в нём – крысиный король: наши раны срослись, общая боль, общее к ней равнодушие. Одиночество тюрьмы и вагона поезда: вынужденное присутствие рядом с теми, от кого всеми силами хочешь отгородиться. Тошнило от звуков и слов, и я представляла шум моря. Проигрывала блюзовые мелодии, сонаты, отрывки симфоний в голове, а новый плеер так и не купила. Включала и выключала город, пока не омертвел, и людей вокруг, пока не превратились в призраков.

В двадцать первом веке все острова обитаемы, Америки открыты, а земля чья-то собственность: некуда бежать, негде выращивать капусту⁷². Никто не позволит построить дом, придётся платить за землю, зарабатывать, играть по правилам и унижаться. Можно ограбить униженных, но это не обо мне. Я упорно искала своё место в тени. Меня замечали и вышвыривали за дверь.

– Ну что, рабы, погребли на совещание?

– Кира, почему тебя не было? Сообщение касалось всех сотрудников.

⁶⁹ Лилии в руке Архангела Гавриила изображены на иконах и картинах.

⁷⁰ Картины Джексона Поллока критики сравнивают с картинами Клода Моне.

⁷¹ «Rain Man» – оscarоносный фильм Барри Левинсона, история страдающего аутизмом Рэймонда и его циничного брата Чарльза Бэббита.

⁷² Легенда о римском императоре Диоклетиане, который отказался от престола ради выращивания капусты.

– Я не раб и не на галере.

Уволили. Служи хозяину самозабвенно.

– Мы разместили две ваших статьи из пяти, с остальными опоздали, получите треть оговоренной суммы.

– Я – ремесленник, моё дело писать статьи, а не отвечать за их размещение в журналах. Вы платите мне за тексты.

– Нет, за выгоду от них.

Экономила на обедах. Хозяин всегда прав.

– Как вам наши новые плакаты с девушками?

– В очерках о компании я создала вам серьёзную репутацию. Плакаты свели её на «нет». Никто не свяжет в уме обнажённых девушек с высокими технологиями.

– Зато на них будут смотреть.

Испытывай щенячий восторг ко всему, что хозяину нравится.

– У нас командный тренинг – верёвочный курс. Все прыгают как один. Вам прививают верность интересам компании.

– Да? То есть компания была заинтересована в переломе ноги одного из сотрудников?

Будь готова умереть или хотя бы искалечить себя ради хозяина. Не была, ушла к другому.

Чувствовала себя волчонком из рассказа Джека Лондона. Меня приручали, дрессировали. «Жить по команде!». Ставили перед носом миску с едой, а когда наклонялась поесть, били по голове. Зубы клацали о железный край, кровь запекалась на губах. Ненадолго волчонок отказывался от еды, но вскоре опять подходил к миске. Можно выключить ваш тошнотворный смех в голове, но не голод в желудке. Помню, в детском саду сидела на холодном полу, строила дома из кубиков – тихонько, в углу, внутренне сжавшись в ожидании крика за спиной. Воспитательница всегда на меня орала, как бы хорошо себя ни вела. Бесполезно для них стараться, всё, что они могли сказать: «Ты не справляешься со своими обязанностями». Будь ты трижды хорошим ремесленником, любящим своё дело, но если не жаждешь богатства, власти, славы, признания, взлёта по карьерной лестнице и прочих псевдо-статусов общества потребления, ты незамотивирован, а следовательно, неуправляем, и «нам такие, как ты, тут не нужны». Мечтала построить свой мир. Уйти, раствориться.

Неподалёку от «центра дрессировки» нашла ночной клуб. После заката он превращался в «логово порока», днём – в закусную. В полутьме подавали отвратительную пережаренную картошку и выдохшееся пиво. Но за месяц обедов в логове, не встретила там никого живого, кроме сонного бармена-официанта и теней-охранников. К тому же там легче всего было позаимствовать Wi-Fi – поплавать в Средиземном море в сети.

Столкнулась с ней на пороге клуба: на вид лет шестнадцать, полупрозрачная кожа с синими венками, серые невинные глаза и огромный живот – месяц седьмой не меньше.

– Пожалуйста, мне очень нужны деньги! – прошептала она.

Парень бросил, родители отказались, на работу беременную никто не возьмёт, никто не поможет. Мне тоже никто ни в чём не помог. Ни разу. Только били, а если любили, то издали, не пытаясь понять. Как могла, скрывала свои «неудачи» от родителей и зарабатывала на крышу над головой: невыносимо жить

бок о бок с людьми, которые всё отдадут ради твоего счастья. А ты не знаешь, где его искать, и гримируешь отчаяние вымученной улыбкой. Нужен свой угол: выпустить меланхолию наружу, снять маску. И сидеть часами с сигаретой, тоскливо уставившись в стену, не прячась и никого не расстраивая. Тяжелее всего в жизни быть собой, никому не подражая и не угождая.

- Вот, возьмите всё, что есть в кошельке.

- Все-все деньги? А вы? - бледные пальчики воровато нырнули в кошелёк, жаль, не успела протянуть ей сама - невежливо.

- Расплачусь за обед карточкой.

Минут через сорок на улице у входной двери клуба - плотное кольцо людей. На краю тротуара мигала машина «Скорой помощи». Суетились врачи. «Передозировка», - повторяли в толпе. В проёме меж плеч впередистоящих увидела маленькие ножки в сандалиях, бурые пятна крови на асфальте. Или - господи, пожалуйста! - машинного масла? Подошла ближе: белая футболка натянута на животе, вот-вот лопнет, как воздушный шар. «Удастся спасти ребёнка?» - спрашивали люди. «А толку? Прирождённый наркоман», - отвечали другие. Наркотики продаёт охрана клуба. Слишком большая доза. На мои деньги. Я виновата. Не надо было... Но кто мог знать? Мысли веером в голове. Сложить бы его, убрать подальше. Никогда не умела анализировать ситуацию, никому не смогла помочь. Но хотела! Правда хотела.

- А вам что надо? Прекратите, наконец, паяться!

Это случилось у меня во дворе. Пожилая женщина катила инвалидную коляску через дорогу от детской площадки к дому. Позади пристроился чёрный джип и нетерпеливо сигналил. Женщина, не оглядываясь, поспешила убраться с дороги, но в коляске - взрослый мужчина, тяжёлый. Таких сыновей возят на себе всю жизнь. Джип чуть дёрнулся вперёд, и скорченное тело неуклюже вывалилось из коляски на асфальт. Крик, плач, истерика. Водитель нервно хлопнул дверью машины, помог поднять инвалида, усадить обратно в коляску. Женщина не переставала причитать.

- Мадам, ну что вы? Он не ушибся, не разбился. Я сигналил. Вы не оборачивались и шли очень медленно, а мне некогда ждать, опаздываю на встречу, срезал по дворам... Подтолкнул вас чуть-чуть и всё. У меня дорогая машина, короткий тормозной путь, АБС, безопаснее не бывает.

Джип уехал. Женщина ошупывала, нет, не сына - коляску, и плакала.

- Спица погнута, рычаг сломался. Где чинить? На какие деньги? За какие грехи мне это?

Отец «неудавшегося» ребёнка тоже, наверно, не понял за какие грехи и бросил их. Сына нельзя надолго оставлять одного в доме, живут вдвоём на его пенсию по инвалидности. Нищета, стыд, унижение, щёлочь вины. А ещё эти взгляды - мельком на улицах. Люди жалеют свысока.

- Хватит на нас смотреть! Уходите! - закричала на меня.

Я испугалась и ушла. Никогда не знала, что нужно делать. Спасалась бегством. Поскорее запереть дверь квартиры и не видеть, не слышать, не думать, не страдать. Воображала, что кухню свою ношу с собой. Как стеклянный куб, защитную оболочку. Иногда получалось всех изолировать. Иногда стены рушились.

- Вас не учили вежливости? Отвечать, когда к вам обращаются?

- Я не в суде.

В полупустом кафе на занятый мной столик непременно посягала улыбка Чеширского кота. Обтекала селёдочным жиром, хотелось вскочить и бежать домой – отмыться. Дустовым мылом. Сдирать слой за слоем склизкую кожу «ёршиком» вместо мочалки, глядя, как вода под ногами в душе окрашивается алым. Есть такие люди на свете: состоят из одной части тела. Мой одноклассник как-то решил «освободиться» от остальных по принципу бесполезности. «Зачем мне ноги? В школу ходить? – спрашивал он. – А руки? Писать сочинения?». Рот и желудок были сразу исключены: зачем трудиться на унитаз? В итоге, вспомнив о смысле бытия, «сохранил» себе лишь член. А улыбка хуже члена, обладатели уверены: за неё платят и отдаются, не нужно ни любить, ни работать.

– Неужели нам не о чем поговорить друг с другом?

– Если не возражаете, я побуду одна.

– Возражаю. Никто не должен быть один. Как вас зовут? Чем вы занимаетесь?

– Пишу статьи о кино. И сейчас мне необходимо сосредоточиться.

– А я – актёр.

Кино распахнуло передо мной «дверь в лето», избавило от офисной тюрьмы, но не от людей вокруг. Мечтала о плаще-невидимке, а жила по ту сторону экранов кинозала и Internet Explorer.

– Большинство актёров – лицемерные сволочи.

Конечно, я солгала. Актёры трагедий заканчивали дни в психиатрических клиниках или выбирали смерть своего героя. Прочла много биографий. Но в тот раз передо мной сидел не актёр, а лицемерная сволочь из учеников «Курсов сценического мастерства для жизни». Узнала соседа снизу, его кобель изуродовал мне ладонь. Столкнувшись с ним в подъезде, из-за страха и боли запомнила пасть собаки и свой произвольный, беспомощный жест защиты.

– Вы не любите людей!

– И собак тоже.

Была бы нормальной, один звонок и пса усыпили бы. Но странная вера в то, что всегда и во всём виноваты люди, помешала набрать заветный номер.

– Теперь узнаю вас. Кошатница!

Разглядел повязку и царапины Луны на сгибе локтя.

– Гм... А кошка ваша – жалкое существо. Как и вы сами. Типичная жертва.

Есть такие люди на свете: каждый норовит ударить их побольнее.

«В этом сне Ульвиг убил бы тебя, если бы я не вызвала ветер», – сказала Маугли в то неприкаянное утро в Альпах. Неправда! Ты появился, когда мой мир уже был разрушен, а я проваливалась в небытие. И сейчас помню: жить больно. Ты же метнул мне меч и рассёк им мой хаос, моё безмолвие. Заслонил, заполнил, заменил собой целый мир. И обращался со мной так же жестоко. Ты был воином и палачом. Наказанием за то, что предала жизнь, уйдя в свои сны. Я и не ждала от тебя иного.

«Все мы жертвы или палачи и выбираем эти роли по собственному желанию. Только маркиз де Сад и Достоевский хорошо это поняли», – сказала в интервью Лиана Кавани, режиссёр фильма «Ночной портье»⁷³. Честный фильм, один из лучших о войне. Я смотрела много кинолент о войне. Война обнажает людей, спускает с цепи спящего внутри зверя. «Поколение второй мировой» народилось после амнистии в Аду. А как иначе объяснить

⁷³ Кинолента о любви между бывшим нацистом и бывшей заключённой концлагеря.

захлестнувшие мир безумие и жестокость, эпидемию чёрной магии и дьявольских культов?» – распространённый мистический взгляд на историю. Чувшь! Все войны одинаково уродливы и беспощадны, они проявляют негативы: в мирное время человек не знает, на что способен. Потребительский мир – завуалированный концлагерь, призрак войны, пожирающий не тела, но души. Время рабства и слепого цинизма. Пресыщение ведёт к безумию и к новой войне. Круг замкнут.

А любовь соткана из той же материи, что и война. Первобытные инстинкты. Прыжок в неизвестность. Очищающие языки пламени: войди в огонь, как в реку, и не вернёшься, не увидишь берега. Кто сказал, что любовь – забота и нежность? Всё, что не ранит, – ненастоящее. Звала её и боялась. Думала, она – бескрайнее море, никогда не кончится. Нюхала горький ветер битвы, предвкушая освобождение и полёт, один вдох на двоих, один выдох. Но она вышла из твоих волос, как Афродита из пены, когда гладила тебя по голове под звуки систра. Маленькая хрупкая девочка. Золотой песок сыпался, солнечный тростник шелестел на ветру. Смотрела на нас и ждала, когда накормим собой. Мы не замечали её, были заняты: вели войны, спасали свои миры. А она стояла на платформе поезда и ждала, голодала и плакала. Когда поднесла тебе чашу с вином, эта девочка оседлала тень волка, уехала верхом на твоей лесной душе, забрала с собой твою силу и мою радость. И теперь наши поезда из жизни в жизнь мчатся в одну сторону – к той платформе, где убили её. Всякий раз будем возвращаться, чтобы стать врагами и вновь потерять друг друга. И никто этого не изменит, если не сможем отыскать мост, пока не погаснет северный ветер.

– В первом рождении я была благородной жрицей. Но пожертвовала любимым ради власти над фараоном, ради роскоши египетских дворцов и храмов. С тех пор из жизни в жизнь падала всё ниже и ниже. Плохо помню другие, но последняя была жалкой, не жизнью – подобием. Вряд ли мои сны, моя память чего-то стоят.

– Любовь стоит царства. Какая бы ни была. Веронезе писал белотелых женщин краской цвета уличной грязи⁷⁴. Твоему мосту необязательно быть чисто выметенным и без пробоин.

– Веронезе был мастером.

– Он был сыном божьим. Да, у Бога много сынов и дочерей. Не всем предназначено умереть на Голгофе. Герой – всегда один. Но все они несли крест и были воскрешены в своих творениях. Цивилизация нуждалась в наставниках и пророках. Почему тайна опережающего время гения Леонардо никем не разгадана? А Микеланджело? Смог бы простой смертный расписать Сикстинскую капеллу? Данте, Блейк, Бах, Бетховен... Бог стар, у него много детей. Иисус был любимым, но не первым, призванным объединить разрозненные мифы в религию, многоликий пантеон богов отразить в одном зеркале. До него приходили и другие посланники. Пракситель, Лисипп, Павсаний, Апеллес⁷⁵... Проповедуют не только Словом. Живопись обрела имя в Египте, где была известна за шесть тысяч лет до культуры эллинов, рисовал Гермес Трисмегист, обучившийся у потомков Ноя. Они играют главные роли, но киноэпопее не обойтись без персонажей второго, третьего... немого плана. Миссии вершат

⁷⁴ Винсент Ван Гог. «Письма к брату Тео».

⁷⁵ Скульпторы и художники древней Греции. Павсаний изобрёл технику энкаустики (фаюмский портрет).

Мессии. Но и у всякого из нас – своя роль. Мы – дети детей. Всё, что нам нужно, – унаследовать их бесстрашие. Мы не рождены и не станем пророками, но хотя бы спасём себя и тех, кто рядом.

В подтверждение его слов над городом грянули первые залпы салюта. Сквозь тёмную повязку разглядела разноцветное зарево.

– Видишь! – возликовал Альберт, – у братишки всё получилось.

Full house⁷⁶ без одного: две дамы, два короля и пиковый туз. Меч не бывает лишним, он стоит всех. Придёт каре из тузов, отхвачу нам лодку. Нам? На секунду померещилось, сбросил с борта всех четверых. Но покер – игра беспощадных жертв. Как и война. Древние символы Таро нанесли на карты, игра превратилась в войну против судьбы. Из жизни в жизнь жертвовал то людьми, то нарисованными на картах портретами ради наживы. Душами – своей и чужими – ради новой земли. Быть воином и игроком в сущности одно и то же. Победитель не может покинуть поле боя, он – пленник игры. Вынужден увеличивать ставки, пока не захватит все земли: хозяин всегда один. Противник не спит, выжидает момент: споткнёшься, устанешь – отправит на удобрение. Шаг вперёд – чья-то кровь. Путь язычника, каменные ступени – жертвенные алтари. Проиграв, обретаешь свободу: мёртвый волен уйти.

Карнавал преследует город несколько дней. Канонада салютов не смолкает ни днём, ни ночью. Фонтаны источают эфир, медовый и пьяный, с привкусом дыма. Тени в масках пляшут на площадях. В кабаках у мостов в звёздных кварталах не протолкнуться, в домах из морёного дуба ставят на кон последние сбережения. Вакханалии вечно не длятся, наслаждения хочется всем.

– Не уходи! – попросила Кира.

Губы к виску в тишине между залпами.

– Не смогу без тебя. Если уйдёшь, я исчезну.

Выпрямился и разомкнул объятия. Любовь – тоже война. За территорию в сердце. До тех пор, пока любящий не наполнится тобой до краёв.

– Запри за мной дверь. Не открывай незнакомцам. В городе все обезумели.

Опустила голову, отстранилась.

– Скоро вернусь.

– Да.

Поникшие ресницы – острые лепестки чёрных ночных цветов, молчаливые стрелы. Нет ничего хуже покорной женщины: завладев сердцем, теряешь человека. Рядом с тобой призрак, повторяющий каждое движение, чувство, мысль, как отражение в чистом и ровном зеркале.

– Я бы остался с тобой сейчас, если бы знал, что нет выхода. Но верю, он есть.

В шаге от смерти люди отдают друг другу всё, что могут. Говорят, войны ведут к падению нравов: пожить напоследок. Нет, напротив, люди не телами меняются – душами, излить, расплескать себя до глотка, до капли. Возвышение над плотью: когда понял, что завтра не будет, и принял это без страха. Если бы

⁷⁶ Фигура в покере, дословно «полный дом», три карты одного достоинства и пара; младше каре.

знал, что не выберемся, подарил бы себя. Но чую, спасение близко. Человек продолжает рваться на волю и верить и когда меркнет в глазах.

Красная масть обжигает пальцы, прикуп лёгок в руке. Тузы ощущались бы полновеснее, жёстче. Я потерял деньги, эфир, всё, что было в запасе.

– Мы играем краплёной колодой?

Хозяин лодки цедит мой эфир. Кривая змея сигаретного дыма в лицо вместо ухмылки. Выкладывает на стол мою победную комбинацию: три туза и джокер. Пиковый меч в руке тяжелеет, тянет к земле.

– Ты сам кропишь свои карты, Ульвиг. Когда ставишь на карту всё, непременно проиграешь.

В Праге видел сны, здесь же они не снятся. Жаль, что я так одинок! Кира мне не помощница, но не могу её винить. Свыше двух тысяч лет женщину держали за ребро Адама – безвольное существо, само о себе не способное позаботиться. Тайная вечеря, двенадцать апостолов, все мужчины. Тринадцатая подала на стол и ушла, безответственно скрылась за кадром. Служанка, рабыня. Мечтала остаться, но её не позвали. Мария Магдалина, тринадцатая и единственная была свидетелем воскресения Христа. Когда Иуда предал, Пётр отрёкся, а Фома не поверил. Но все позабыли об этом. А она мстит: лишившись голоса, утратила чувство вины за происходящее, переложила все грехи мира на наши плечи. Её дары нам – вынужденные, лукавые жертвы. Вот почему так хочется её ударить, из недоверия: рабыня не выбирает хозяина, привыкла подчиняться любому. Рабыня не вдохновляет на подвиги, но притворяется, что простила измену и трусость. Она разучилась любить, потому что любовь – удел свободных людей и сознательное самопожертвование. И никакие феминистки этого не изменят: недостаточно социального равенства, рабство не в голове, а в сердце, ослепшем без мистерий.

У кочевников было иначе. В поисках кельтских дольменов в окрестностях Праги наткнулся на древнее захоронение Дольни Вестонице. «Красная троица»: женщина и двое мужчин, посыпанных красной охрой. Первый шаг к моногамии: их убили за нарушение племенного уклада, за свободу воли. Верность и преданность – разные вещи. Амазонки кочевников шли за своими мужчинами на охоту и на войну. И умирали рядом. Собственность на женщину появилась вместе с собственностью на землю: нужно рожать работников в поля. Землю вскрыли плугом и заставили плодоносить, изнасиловали и женщину. От неё не ждали даров, не поклонялись ей – брали силой, как берут в руки бездушную вещь. И теперь она продаётся и предаёт. Отвернулась от нас, как отворачивается судьба. «Я – всё, что было, что есть и что будет...»⁷⁷ – с тех пор, как Богиню Земли отправили в изгнание на далёкую звезду Сириус, элевсинские мистерии сменила Пасха, а живородящее женское начало – воинствующий, властный и ревнивый тиран, не щадивший никого, даже сына, судьба не хранит нас, не носит под сердцем.

Там, в Египте, фараон был верховным жрецом, а жрицы – его наложницами. Кира украла моё имя, мою жизнь и отдала ему⁷⁸. Маугли вернула мне меч и смерть воина. Не знаю, скакала ли она на коне амазонкой кочевников, но кровь атланта, держащего небо, пусть и на хрупких плечах, течёт по её венам. Они с Аморгеном вырвутся из города, потому что вдвоём. А всё, что есть у меня, –

⁷⁷ Надпись на постаменте статуи Исиды в городе Саис.

⁷⁸ По легенде, Исиды убедила Ра открыть ей своё истинное имя – ключ к высшей магии.

битая карта: туз мечей, рука, занесённая над лабиринтом. Пересадить бы смелое сердце Маугли Кире! Я пленён её плотью, её красотой. Красота Маугли банальна, как закаты над морем. Красота Киры непостижима, как звуки систра. Лунное золото в глазах, песок на ладонях, почва для моих корней. Маугли вылепила нас троих и тысячу раз повторила в разноликих статуях, но не лицо Киры. Её портрет не смог бы нарисовать ни один художник, но любой человек узнал бы в ней всех, кто был некогда близок, а сейчас далеко: маму, сестру, первую любовь. Кира – фазы Луны. Волоокая и неверная. Кошка, позволяющая гладить себя лишь тому, кто кормит. Испытующе смотрит на меня и ждёт, когда налью ей на блюдечко наше время. Думает, я ей должен. Аморген тоже выжидал непонятно чего, пока Маугли не заточили в башню. Мы четверо и правда похожи на карты. Они – светлая пара, мы – тёмная. Один в паре действует, а другой наблюдает, не пытаюсь помочь. С той разницей, что луч света всё же един, а тени падают на противоположные стены.

– Удалось достать лодку?

Вздрогнул от неожиданности. Мой противник давно ушёл, а за столом из морёного дуба рядом со мной сидела Маугли.

– Не удивляйся. Ты сам меня сюда вызвал. Ты же знаком с Альбертом, братом Аморгена?

– Дух? Видел его пару раз у нас дома. Учит Киру рисовать.

– Да, дух, и очень мудрый дух. Если научит, найдём мост. Он утверждает, что мы сами создаём жизнь в городе своими мыслями, чувствами.

Извлекла из кармана песочные часы. Неловко улыбнувшись, прижала к груди. Песок побежал из верхнего прозрачного конуса в нижний, будто сквозь пальцы.

– *«Hold Infinity in the palm of your hand and Eternity in an hour...»*. Купила в лавке в квартале пирамид. Песок меня успокаивает. Кажется, держу в руках своё время. Кажется, так оно принадлежит мне. И скупаю по статуям. Аморген сказал, что песчаную косу срыли, но ты же знаешь, вера умирает после человека. Хочется к ним прикоснуться. Песчаные статуи – смелые наброски моего прошлого, эскизы мечты, немногие из них успела воплотить в камне. Но скульптурам не нужен зритель, как и молитвам слушатель. Они живут сами по себе. Когда Аморген обучал меня, частенько читал «Диалоги» Платона об идеальном устройстве общества, где всякий – философ, музыкант, поэт. Бродили по Афинам, и я представляла себе этих мечтателей в сандалиях, как под средиземноморским солнцем сочиняют стихи, музицируют, философствуют. Открывают таланты и создают нечто прекрасное, сами себе и режиссёры, и актёры, и зрители. Творчество для них – путь самопознания и саморазвития. Искусство – мистерия для одного. Пустой театр, кино без плёнки – здесь и сейчас, на самом деле только это и важно: мгновения, когда пальцы перебирают песчинки. Все заняты собой, а те, кто требует зрелищ, – в прошлом. Ни под чьи вкусы не надо подстраиваться, никому не приходится угождать. Нет ни соревнований, ни славы, ни лицемерия. Никого не запрут в стенах башни без солнечного света за неудобные городу разноликие статуи.

– Мне жаль, Маугли, что так вышло. Но лучше забыть о песке, если хотим выбраться отсюда. И поторопиться, пока все пьяны и танцуют в масках. Уйдём незамеченными, в Карнавал никто не кинется за нами в погоню.

- Они сточили все лица у статуй в городских фонтанах и новые сделать не позволят. Я так и не нашла дорогу в гавань, теряюсь без ориентиров в пространстве улиц, блуждаю по лабиринту. Выхода нет.

- Выход - там же, где вход. Ты сказала: лабиринт огромен. Если сны - репетиция смерти, то здесь есть как тёмные, так и светлые места. Вдруг мы все ещё живы и можем проснуться? Улицы никуда не выведут, запутают, но вода не стоит на месте, течёт. Если поплывём по каналам, рано или поздно сумеем покинуть город.

- Мало покинуть город, нужно найти место, где снятся сны. Кире должен присниться мост через время.

- Ей снилось море. Но море нас отвергает: ныряя в волну, неизменно выныривал здесь, в городском канале. Придётся подчиниться воле воды. Нужна лодка. Но я проиграл её.

- Неужели играть в карты - единственный способ?

- Для меня - да. Больше ничего не умею. А заработанных монет и эфира не хватало.

- Не можешь победить честно, победи вопреки всему. Мою лодку забрали, а новую мы тоже не покупали. Помнишь круг пяти чувств? Волк видит носом. Ты почувешь лодку, беспечный хозяин бросил её под мостом. Опьянённый эфиром танцует на площади и скоро забудет своё имя не то, что лодку. Не смог выиграть - укради.

- Сдаётся мне, не всё так просто. Наверняка существует «высшая справедливость», иначе я бы выплыл и взобрался на борт корабля, а ты не очутилась бы в башне.

- Нет никакой высшей справедливости, а городом правит случай. Наши невольные мысли и чувства. В башне я многое поняла. Вспомнила историю Кодекса Гигас. Согласно легенде, монах-отшельник написал шестисотстраничный манускрипт за одну ночь не без помощи Дьявола, отметившего тенью свою страницу. Книгу называли «Библией Дьявола». Оправдали монаха современные учёные: провели углеродный анализ кожи страниц и выяснили, что он потратил на написание книги более тридцати лет. Тридцать лет затворничества и упорного труда! А что взамен? Есть люди - изгои, вынужденные заискивающе смотреть в лица других, унижаться и молить о возвращении в стаю. А есть отшельники, добровольно посвятившие жизнь уединению, чтобы создать нечто великое, что возвысит и их самих, и тех, кто нечаянно прикоснётся к творению. Монах нарисовал и Ад, и Рай, писал о выборе судьбы человеком. Люди и выбрали: страницу с изображением Дьявола открывали чаще других, поэтому она потемнела. Никто не оценил его труд, напротив, обвинили в своих же грехах. Так и мы, сами создаём город, как некогда создавали прошлое, переписывая его в голове, как роман, до бесконечности. Одни события со временем видим иначе, а другие скрываем и приукрашиваем даже наедине с собой.

- Тогда город должен был нас отпустить.

Маугли отвернулась к окну. Небо почти сравнялось цветом с тёмным убранством игорных столов. Луна медленно скользила вниз по рифлёной крыше.

- Не всякая мысль сбывается, в пространстве вариантов побеждает самый приземлённый, - ответила она.

- Мы же все хотели уйти!

- Но так и не нашли дверь. В лабиринте мы все - Тесеи. Я пыталась преобразовать город, ты догнать корабли. Оба чуть не погибли, я - в башне, ты - в море. Нам нужна золотая нить Ариадны. Ты несправедлив к Кире. Возможно, её мост через время призрачен, как лунная дорожка на воде, но Луна повелевает морскими приливами и отливами на Земле. Первый лабиринт был построен в Египте, там приносили быка в жертву Осирису, играли мистерию его смерти и воскресения. Миф о Тесее - её пересказ, победа над Минотавром и выход из лабиринта символизируют перерождение. Посвящёнными в таинство мистерий были жрецы. Кира пришла на землю жрицей и знает о лабиринте больше, чем мы. Обладает магией сна. Держит в руке нить наших судеб, плетёт её, словно Мойра. Я вмешалась в ваши сны в надежде освободить от прошлого, соединить вас, разорвать круг мести. Не смогла спокойно стоять и смотреть, как убьёшь её снова, вызвала ветер.

- Я не убил бы её, я любил...

- О! Поверь, мне довелось произносить эти слова! Вы оба были во власти прошлого и вряд ли сумели бы его изменить. Время себя охраняет, стирая нам память.

- Но я не хочу себя потерять.

- Никто не хочет. Ищи лодку, и можем двигаться в путь. Мы подождём вас. Аморген ещё не простился с братом.

Поднимаясь из-за стола, Маугли снова взглянула в окно.

- Ты не заметил, что луна уже много ночей подряд не убывает?

Промолчал в ответ.

- Береги Киру, - сказала она напоследок.

И мы зашагали каждый в свою сторону. Маугли - к площади, откуда доносилась громкая музыка. Будет искать Аморгена по звуку флейты. А я - добывать лодку в тихие переулки, подальше от нашего дома. В городе легко вернуться домой, найти кафе у фонтана, где назначена встреча, но никогда выход или окраину.

Остановившись на мосту, заглянул в воду. В лунном свете в канале - чёткое его отражение. Два полукруга: мост и его подводный двойник. Полный, замкнутый круг с тёмной точкой посередине. Древний символ рождения мира. А если и тебе снятся символы, обобщения, лично к нам не имеющие отношения? Перегнулся через перила, вытянулся что есть силы. Угловатая тень покачивалась на воде. Метнулся к перилам напротив. Тёмная точка оказалась лодкой. Кто-то спрятал её под мостом. Течение отнесло лодку на длину привязи, и корма высунулась из норки.

Эпизод 4. Время

Живой мечтала вырвать языки-стрелки у всех часов, чтоб онемело время. Чувствовала себя Матой Хари, пославшей воздушный поцелуй стрелкам перед смертью. Размышляла о том, что долголетия можно достичь, раздвигая рамки не жизни или физического существования, а субъективного восприятия времени. Дни с тобой на Мальте проживались как годы. А здесь моё время исчезло. Словно

не лодка плывёт по течению, а город движется нам навстречу. Словно вышла на сцену и забыла роль, а вокруг мелькает и вертится карусель кошмарного сна. Клоуны в уродливых масках жонглируют факелами на площади. Горящие точки, линии, круги поочерёдно сливаются в фигуры жезла, чаши, ромба, меча.

– Не смотрите на них, заметят, – обернулся из другой лодки Ульвиг.

– Вряд ли. Они видят перед собой только факелы.

Ты знаешь, что огонь ослепляет. Через мгновение густой туман скроет площадь, как занавес, а время её сохранит память – хитрый иллюзионист: как кроликов из цилиндра извлекает на свет одни события, прячет другие. Двойственность символов Таро. Как бы ни старалась ехать помедленнее, вдоволь налюбоваться оливковыми рощами по краям дороги, всё равно жила взахлёб, боясь не понять, не успеть, не попробовать... будто смертник. И ничего не успела. Держу в руках песочные часы: песчинки мерцают, как задыхающиеся светлячки в банке. Моя память – могила светлячков, ничто не уцелело, нечего взять на борт. Мудрость черпается в умении ждать, длить своё время. Но мы не были мудры, наш ковш вечно оставался пустым. Мы не видели жизни. Ежесекундно поднимали на плечи каменные глыбы прошлого и будущего, не в силах оторвать глаз от узкой горной тропы. Тащили на себе жизнь и пропускали биение мира вокруг. У нас не было времени – по краям дороги, смотрели на факелы: не дай бог уронить их, случится пожар. Рождались обречёнными умирать, влюблялись с равнодушным предчувствием угасания, тратили и в итоге утрачивали себя из страха упустить время. Что дороже: неповторимое, ускользящее, как песок сквозь пальцы, мгновение или точка внутри прямой, причастность, вся жизнь в одной секунде? Пятое измерение и «вечное сейчас» или шестое с его бурлящими потоками водопада воспоминаний? Принадлежит ли время человеку, как мысли и чувства, или, напротив, его создаёт? Появляемся на свет, благодаря встрече двоих – мгновению в прошлом, но единственное место, где хранится вся наша жизнь – память. Собери десять свидетелей события – услышишь десять версий произошедшего. Время накапливается или течёт, море или река? Изменчиво или предопределено?

Ясно одно: «чудо памяти» не дано нам. Либо самоотречение и полнота момента, либо наша внутренняя империя, отменяющая настоящее. Восток говорит: «Весь мир – иллюзия. Свобода – в безмыслии. Ты – раб своих мыслей». «Думай, чтобы не стать рабом чужих, – утверждает Запад, – мысли правят миром». Струя времени: «Я не перекрывал воду, позволяя ей течь». Похоже, мы выбрали не ту чашу. Но «если бы вчера было завтра», сошли бы с ума. Не поймать, не одолеть змея, глотающего хвост. Его утешение нам – река, цепочка, последовательность событий. Короткая и конечная. Бессмертие – Сизифов труд. С годами подниматься в гору всё тяжелее. Понимаю, насколько ты устал нести на плечах не одну, а все жизни. Груда камней разом – на спину, на плечи! Чувствуешь, как трещат суставы и крошатся позвонки? В молодости человек жаждет всего и всё может, на излёте лет еле ползёт: пресыщение, скука и неудачи сгибают, старые раны саднят. Опыт тяжёл. Знаешь всё наперёд: что было, что есть и что будет. Всё перепробовал, ничего не желаешь. Хочешь начать сначала или, наоборот, иначе, но не найдётся книги, которой бы не читал. Память всех жизней – утопия, вечная старость. Твоё обещание жонглёрам на площади «стать теми, кем хотели, но не смогли стать при жизни» невыполнимо. Из жизни в жизнь они не покидали площади-сцены, выбрали её и сейчас, но с восторгом

первооткрывателей: не помнят, кем были когда-то. Искорки пламени Прометея. Озарения. Творчество – фигуры ли на песке или огненные из факелов – лекарство от пустоты, защита от бессмысленности и никчёмности. Но скульптуры будут повторять друг друга: сперва неуловимые детали, потом копировать образы целиком, пока не превратятся в безликих янусов-близнецов. Жизнь коротка и конечна, потому что истощимы идеи, мысли, чувства. Никто не способен выдержать осознания тщеты собственных усилий. В городе освободились от разлагающейся плоти, но и здесь перетекаем друг в друга, стираемся, исчезаем. Погребальная маска мумий, бездна, поглотившая все лица на свете.

Перед тем, как нашла песчаную косу, бродила по лабиринту, и память, словно во сне, струилась отголосками прошлого. Ночь, дождь, незнакомый город, враждебные улицы, угрюмые редкие взгляды из-под линиях зонтов. Тесное кафе, где дождём заперты двое. Искали друг друга много дней и жизней подряд, не один раз умерли и воскресли прежде, чем встретиться снова. Слишком долго искали. И теперь сидят рядом за столиком, низко опустив головы, отводят глаза. Их порывистые движения ломаются на полпути друг к другу. Понимают, что никогда не проснутся вместе. Отлюбили своё. Расплескали себя по дороге. Точно последний ушедший, тот, кого, как им казалось, любили, унёс с собой весь свет. И друг на друга не хватит сил, когда они так нужны. Мёртвый город, сломанные куклы, нескончаемый дождь. Так и не смогла вырезать их в камне: лица размывались дождём. Не образ, а его неясное ощущение – безысходности. То же чувствовала и в детстве, когда смотрела на сообщающиеся сосуды: сколько ни раскачивай их, ни доливай воды, её уровень будет одинаков в обоих. Стоячая вода, ни волны, ни всплеска. Давление гасит все импульсы. Безжалостное нерушимое равновесие. А песок подобен воде: можно придать ему какую угодно форму, но земное притяжение и ветер вновь расправят его, как полотно. Гладкое лицо пустоты, без единой морщинки. Лицо вечности. Мы и были теми людьми в кафе, героями мифов, истёртыми копиями, бесчисленными повторениями одного и того же.

– По-прежнему хочешь вернуться на землю?

Лодка свернула в тёмный проулок, от воды в канале запахло гнилью. Крыши домов вот-вот сомкнутся над головой. Липким воздухом трудно дышать.

– Мне страшно остаться. Ждать, мучительно гадая: корабль или волна света? Существовать, чередуя ужас с надеждой.

– Альберт говорит, смерть – выход, избавление. Иная форма бытия.

– Я не верю ему. Дух не знает, что есть смерть, и не помнит жизни. Завис на границе света и тени.

– Мы тоже могли бы кружить над городом, летать над каналами и мостами, встречаться в чужих снах. Всегда быть рядом.

– Быть рядом, но не принадлежать друг другу. И не жить.

– В жизнь вернёшься одна. Я провожу тебя, но на земле мне нет места. Мы не встретимся более. Наше будущее здесь, в городе. Здесь мы по-настоящему свободны. Как духи.

– Они-то свободны?! Вечные узники города!

– Духи не чувствуют давления времени. Легки, как ветер. Не знают ни боли, ни страха, ни усталости. Всё, что не имеет формы, обладает силой воды, её переменчивым постоянством.

– А если и духов рано или поздно забирает волна?

- Когда утратил форму, безразлично и состояние. Пар, свет, не всё ли равно? Если это и есть состояние вечного возвращения.

- Но мне важна форма! Я хочу лепить, вырезать, создавать статуи. Они – единственное, что могла бы взять на борт корабля в новую жизнь, но боюсь, никто не позволит. Вот и бежим из города в карнавальную ночь, как воры.

- Да, вам троим есть, что хранить и ради чего бороться. Но вы не знаете, куда вы бежите.

- Так расскажи нам! Хватит играть немого свидетеля.

- Что ж... Ты, видимо, веришь в воскрешение Богини Земли, когда женщине позволят «стать поэтом и отрыть то, что мужчине неведомо»⁷⁹. Не ждите Великую Богиню, она не вернётся, сердце её отравлено. Сириус – звезда-гермафродит: красная – женское начало и синяя – мужское. И то, и другое на земле уже побывало. Язычники чтит своих матерей, жили сердцем и в гармонии с природой. В эру Рыб разум подчинил себе чувства. И мы выплакали глаза, истекли кровью. Войны, золото, крестовые походы, истерзанная земля, утраченная гармония. Рыба же гниёт с головы, грядёт новый виток спирали – эра Ветра, воплощение самых безумных и причудливых фантазий, искусственно созданная реальность взамен осквернённого естества. Эра Водолея – эра людей без расы и национальности, без пола и возраста, без пристрастий и убеждений. Мигранты и глобалисты, трансвеститы и однополые браки, клонирование и препараты, продлевающие жизнь, терпимость и вседозволенность. Виртуальные биороботы, полулюди-полуживотные, выращенные в плену голубых экранов. Им не за что будет бороться и нечего преобразовать, они ни во что не верят. Мужчина и женщина не узнают друг друга в толпе; старик не уступит место ребёнку; Галатея, ставшая франкенштейновым монстром, задушит Пигмалиона. Они не способны ни любить, ни ненавидеть. Из страха новой бойни им ампутировали свободу ума и воли, научили приспособляться к любым условиям, терпеть всех людей, а не заслуживающим жить изуверам придумывать оправдания и снимать о них кино. Тень и свет, добро и зло – всё едино, если лишён необходимости выбирать и бороться за свой выбор. Сквозь мутное окно солнечный день кажется пасмурным. Брат предчувствовал пустоту абстракции за несколько поколений до чёрного квадрата и разбрызганной по холсту краски. Писал свои «восьмёрки», знаки бесконечности, как одержимый. Ему и тогда было тошно смотреть на лица людей. Знал, что породят войны: бесплодие. Он и те, кто дышал ему в затылок, осознали трагедию лишнего человека, им хватило смелости выставлять пустые холсты. Но на смену пришли худшие существа: без тоски по утраченной гармонии, без поисков смысла жизни, без попыток оправдать собственную никчёмность. Поп-арт. Продают с аукционов трупы акул и розовые унитазы. Пустота должна была заполниться. И заполнилась – развлечениями. Они научились не думать, не сожалеть ни о чём. Не живут и не стремятся вырваться за рамки существования, терпят жизнь, убивают время. Если долго смеяться, даже над ерундой, возникает ощущение ... нет, не счастья, подделки. Яркого до рези в глазах кислотно-розового призрака радости. Хочешь жить среди них? Какие там могут быть статуи? Всадник без головы? Улыбка Чеширского кота?

- Памятник расслабленным бёдрам. В городке у Белого моря, где в последний раз родилась, у меня была подруга. Постоянно просила посмотреть на неё сзади, расслаблены ли бёдра, когда идёт по улице. Говорила, это важный

⁷⁹ Артур Рембо из письма к Полю Демени «О ясновидении».

признак счастья в личной жизни. Её любимая книга начиналась словами: «Мне восемнадцать, а я до сих пор не ела омаров». Сосед тоже сетовал, что не ел. Сожалели бы лучше об Эвересте или Водопаде Ангелов. Что жизни не хватит объездить Землю, а она так прекрасна! В детстве вместе смотрели «Курьера»⁸⁰ по чёрно-белому телевизору, а годы спустя так и хотелось повторить им всем: «Вот тебе пальто, друг, носи и мечтай о чём-нибудь великом». Списывала всё на убогость замкнутого мирка, но и в мегаполисах люди мечтали о пальто и омарах и расслабленно улыбались. Какая гадкая мелочность! Это же не голод и жажда, не мечта обездоленного о хлебе и воде. Да позвони в любой ресторан, тебе этих омаров на дом привезут. Всего-навсего крупные раки. Лучшая киносцена, какую когда-либо видела: Гроза, темнота, ветер, домик в глуши, жёлуди с грохотом падают на крышу. Она: «Знаешь, сколько таких желудей должно упасть и погибнуть, чтобы хоть один достиг земли и пророс?». Он поднимает глаза к потолку и молчит в ответ.⁸¹ Падение всегда болезненно. Боли не чувствуешь, если расслабиться. Все расслабились и падают, падают, падают. В повседневность жалкого человечка, тем не менее, дрожащего над своей жизнью, над её суетой и комфортом. Жизнь – песок. Спас меня кот Шопенгауэра⁸². Поняла, что человека определяют мысли, чувства, мечты. Личность я или клетка биомассы, планктон? Приматы мы или нечто большее? У животных тоже, знаешь ли, искусство, такие дворцы из песка и камня возводят и картины рисуют, людям и не снилось. А ради чего? Самку привлечь? Продлить свой род и сдохнуть? Нет, у людей иная судьба. Верила, что найду свою. Когда Псы выбрали меня тринадцатым, решила, что сны и есть моё настоящее. Дорога. Кира и Ульвиг привели меня в город, где вспомнила и открыла себя. Ты сам говорил когда-то о роли, о предназначении, разве нет?

– Я ошибался. Предназначения были у ангелов. Но ангелы не спешили размножаться, плодить смыслы бытия, наслаждались своей исключительностью, не желали делить власть. И тогда Бог создал людей – маленький зверинец по своему образу и подобию. И если бы Прометей не сжалился над нами, не принёс искру разума и воли, не увидели бы и божий лик в зеркале. Греческие боги покорили мир раз и навсегда, Прометей перевоплотился в христианского змея, подарившего людям время, сделав их смертными. «Но действие иное произвёл обманчивый плод. Он плотские разжёт желанья»⁸³. Платоническая любовь – канал в вечность. Эрос – корень несвободы, союзник Танатоса. Мы – изгнанники из Рая. Нам нужна была плоть – стиснуть друг друга в объятиях, но вместе с любовью получили голод, жажду, неутолимые и неисполнимые желания. Мы – рабы своей же телесной оболочки. Вынуждены кормить её, поить, холить, одевать, работать, иначе встанут все поезда и рухнет цивилизация форм. Человек объявил себя властелином Земли и с тех пор ищет доказательства, что он не животное. Предназначение иными словами. Но созерцание великой картины поднимает его на вершину экстаза так же, как и соитие.

⁸⁰ Кинофильм Карена Шахназарова, 1986 г.

⁸¹ «Антихрист». Ларс Фон Триер.

⁸² «Животные знают одно плотское бытие, не ведая смерти и памяти... Стоит мне сказать, будто играющий во дворе серый кот – тот же, который играл и резвился здесь пятьсот лет тому назад, обо мне подумают бог весть что, однако было бы совершенным безумием утверждать, что это – другой кот». («Мир как воля и представление»).

⁸³ «Потерянный рай». Джон Мильтон

- Да, но картина – тоже форма. И твоя музыка живёт в нотах мелодии, а поэзия – в рифме стиха. Как бы там ни было, я должна вернуться. Мне нельзя превращаться в духа. Разница между мной и твоим братом в том, что он закончил картину с ангелом и свободен, а я так и не вспомнила путь атланта. Вернусь. Буду смотреть по сторонам, много думать и мало делать, чтобы статуи не повторяли друг друга, как мои здешние янусы. Время помогает познать себя, и по дороге не расплещу ни капли. Быть может, создам всего одну статую, но она отразит истинный лик атлантов. Тех, кто затерян в веках, тех, кого, как пустой сосуд, всякий безумец наполняет своим смыслом. И только я смогу вспомнить.

- Я боюсь за тебя. Ты жила по книгам и снам, а жизни не видела.

- Как и ты, хранитель.

- Да. Мы – герои мифов, чужие сны в саду расходящихся тропок.

Что-то до боли родное – орлиное – проявилось в тебе. «Мы – неприкаянные с тобой. Ты. Я. Мы оба».

В тот злосчастный альпийский вечер не дочитала записку в шале на зеркале: холодно, стекло не запотевало от дыхания. «S» постскриптума застыла меж ними перевёрнутым знаком вопроса. Заварила чаю с мятой, легла смотреть телевизор – он всегда меня усыпляет. Показывали документальный фильм о двух гигантских галапагосских черепахах. Они были единственными представителями вымирающего вида, последними рождёнными, но, к разочарованию герпетологов, не спешили любить друг друга. Как и мы, подумалось мне.

- Понимание, привязанность, любовь... глубокие чувства возникают между людьми, схожими своим одиночеством.

Плывём куда-то в утлой лодочке по лабиринту каналов. К морю ли? Есть ли мост через время? Главное – не отнимай руки. Кирин мост невидим, потому что она не помнит его. Мост может быть чем угодно: дверью, волной, лунной дорожкой, натянутым над водой канатом... Никто не знает наверняка, даже стражники по краям: они тоже слепы. Пропустят нас как одно целое, если будешь держать меня за руку.

- Пойдём со мной? Не оглядывайся, и Орфей вернётся вместе с Эвридикой.

- Если мечом жертвуют ради чаши, то и жезл опустится перед пентаклем⁸⁴, – заключил Ульвиг, – ты выбрал Маугли, а не Альберта, значит, землю и возвращение.

Лодки несло течением всё быстрее, туман сгущался, закапал солёный дождь, что предвещало близкий выход из лабиринта. Мы поменялись местами. Маугли пересела в лодку к Кире: та заснула, и Маугли вызвалась сторожить чудеса. Мы с Ульвигом двинулись вперёд, разведывая дорогу, чтобы в случае чего остановиться, так безопаснее. Друид и воин. Раньше и не задумывался о том, что мы оба принадлежали к разным веткам одного древнего племени – кельтов. Но я вырос в Лондоне, пропитанном солярными мифами древних греков, а он докопался до чешских дольменов своего прошлого. Мой корабль плыл по вершинам вечнозелёных – несуществующих – деревьев, а его пересекал кровавые

⁸⁴ Масти Таро: мечи (война), чаши (любовь), жезлы (искусство, магия), пентакли (земля, земное).

реки и чужие моря. Братья, чьи ветки-пути разошлись. Сейчас это уже часть далёкой истории, никто никогда не прочтёт её, не услышит. Следы на песке, заметаемые ветром.

Во время Карнавала в городе наблюдал за людьми, примеряющими маски. Редко кто искал свою точную копию, чаще – противоположность. Уставшие строгие мужья надевали маски шутов, их круглолицые жёны – маски с точёным профилем надменных графинь. Альберт был прав: они мечтали родиться не собой, а кем-то другим. Люди всегда хотят невозможного. И кто-то посвягает на чужую территорию, а кто-то уходит в свои грёзы и сны. Всякий считает себя единственным и неповторимым, героем мифа с судьбой и дорогой, и не замечает, что давно пополнил ряды безликих янусов-близнецов. Мы все – звёздная пыль. Солнце не мать нам, мачеха. Жизнь рождена взрывом Сверхновой. А в ядре у звезды – водород. Всё живое вышло из воды и туда же вернётся. Море у нас в крови, оно и есть наша суть, сердцевина лотоса. Никого не оставило равнодушным. Море – утешение и надежда: знаем, где-то там, за чертой, есть другой берег, где вода кончается, упираясь в сушу, но смотрим за горизонт и не видим его. Дамоклов меч времени во власти апорий Зенона⁸⁵. Живём в застывших моментах, в картинках бытия, создающих видимость движения. И в зависимости от того, что для нас сейчас важно, связываем их в звенья цепи, в причины-следствия, сохраняя в памяти повороты сюжета. Но «летающая стрела неподвижна», а земля раскалывается у нас под ногами. Новый шаг – выбор пути, трещина в сердце: добро-зло, тень-свет, смысл-тщета, мир-война, любовь-одиночество, дом-дорога, музыка-тишина... Вечный двигатель жизни. Идём вперёд и вперёд, расцепляясь на поворотах, теряя себя за слоем слой, меняемся и забываем одни моменты, вспоминая другие. Наша жизнь – цейтраферная съёмка⁸⁶: кинофильму отчаянно не хватает кадров. Мгновений, когда мир льётся внутрь, а мы растворяемся в нём, когда тишина звучит музыкой сфер и затягиваются раны. Солнечные блики в листве, капли дождя на коже, случайное соприкосновение рук – остановки на краю пропасти, вырезанные кадры гармонии, равновесия чаш. Светлячки Маугли. Не они ли мерцают в глазах атлантов? Беспощадный режиссёр – наша память – уничтожил моменты как помехи истории, но они оживают во снах, вспыхивают озарениями на стыке кадров в темноте кинозала. Так рождается искусство – пророческие сны наяву, мифы, мистерии для зрителей. Человек отличается от прочих живых существ чувством времени, стремлением его сохранить, передать другим, поделиться. Искусство – битва за бессмертие. Вечное возвращение.

«Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени... Вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране»⁸⁷. Чудовищ-динозавров спалили извергающиеся вулканы и падающие метеориты, язычники поклонялись огню; языческие цивилизации неоднократно страдали от потоков, христиане освятили воду, а смерть примут от отравленного воздуха, или их сметёт ураган. Люди Ветра, очевидно, будут молиться в кислородных барах и

⁸⁵ Здесь и далее – апории Зенона о движении: движение – видимость, а не сущее.

⁸⁶ Цейтраферная съёмка (от немецких Zeit – время и raffen – собирать) специальный вид кино- и фотосъёмки, при которой осуществляется фотографирование серии кадров одного и того же объекта с одной и той же точки через равные промежутки времени. Предназначается для фотографирования медленно протекающих процессов.

⁸⁷ Платон. «Тимей» (рассказ, услышанный Солоном от египетского жреца об Атлантиде)

возведут стены до неба. Обожествлённые земные стихии. Библейская история о Ноевом ковчеге, греческий миф о Девкалионе, египетское предание об Атлантиде. Воспоминания земли...

– Маугли, я должен сказать тебе ...

Перебралась на нос лодки, поближе ко мне. Настороженный взгляд из-под капюшона плаща. Глаза – неестественно прозрачные, светлые, почти белые. Понял, каким впереди нас ждёт море: чистым, как неисписанный лист бумаги.

– ... часть наших воспоминаний – иллюзии. Когда память не в силах восстановить утраченные кадры, на помощь приходит фантазия. Все дороги мира похожи друг на друга, а фантазия не имеет границ. Но она не принадлежит нам. Человек творит образы из того, что видел когда-то наяву или во сне. Бесплезно искать колыбель человечества – исчезнувшие цивилизации, такие, как Атлантида, Гиперборея, Шамбала, Лемурия... в прошлом, а тем более за пределами Земли. Это некий «золотой век» человечества, первая матрёшка времени, сон внутри сна. Эйдос. Прообраз. Идея. Никто и никогда не попадёт в сердцевину лотоса, иначе сама фигура будет разрушена. Последует рождение новой – другой – Вселенной. Атлантида – предсказания джет. В её истории переплетены судьбы не одной, а многих цивилизаций. Необратимость свойственна жизни человека и общества, время же циклично, как витки спирали. Солнечный крест и колесо. Белый путь гармонии с миром и чёрный – полёт Икара, превосходство и падение. Теория Дарвина работает между актами творения – катастрофами. Бог создаёт свой зверинец, твари размножаются, приспособляются, видоизменяются. Когда система достигает равновесия, и загнивает непроточная вода, твари-переростки, израсходовав все дары и запасы, начинают раскачивать лодку-ковчег, чтобы вырваться за пределы тесной клетки, пока не перевернётся. И наступает момент для нового акта творения и новой эры. Мифы, искусство всех народов мира повторяют одну и ту же историю – Атлантиды, поэтому ни археологи, ни историки, ни мистики не знают, где её искать. А если предположить, что после потопа атланты расселились по всей Земле и передали свои знания, то... представь себе количество выживших! Предания же гласят об обратном: спасутся двое влюблённых. Атлантам приписывают энергетическую связь с высшими силами, с Богом, с источником бытия, телепатию и способность видеть сквозь время и через расстояния. Утверждают, они обладали и пользовались некими каналами в вечность. Магия, искусство и сны. Сон – канал в вечность, как и любовь. Во сне душа отправляется в межзвёздный полёт, в Спираль, за пределы времени и пространства, бродит по лабиринтам джет, разгадывает древние символы на стенах и колоннах. Озарения – воспоминания души о полёте. Их не так уж и много, банальных истин, разнятся лишь формой высказывания – тем, за что ты так борешься. Фантазия искажает идею, приукрашивает или не может досказать всё, не помнит. Кресты отличаются формой, но во всех верованиях символизируют союз неба и земли. В каждом обществе – свои мифы и герои, но пути-сюжеты совпадают. В глобальном смысле вся культура человечества – пересказ языческих мифов, а новые храмы стоят на пепелище старых. Все знания черпаются из единого источника мудрости. Но идеи интерпретируются по-разному – ветви религий и философии, мифы, культы, суеверия, и люди поклоняются не идеям в чистом виде, а формам их воплощения. Наставниками древних жрецов и шаманов были «пришельцы из-за моря-океана», а буквально с другого берега времени. И передавали мудрость во снах или трансовых

состояниях. Ба – душа египтян – летала во сне в Храм Маат, а затем описания её путешествий слагались в «Книгу устремлённого к свету». У кельтских друидов был культ вина, галлюциногенов и изменённого состояния сознания. Дельфийская пифия вдыхала ядовитые пары омфала и пророчествовала в священном экстазе. Многие религиозные обряды основаны на ритмичных песнопениях, танцах или чтении мантр – люди молятся на границе между явью и сном. Сократ слышал Голос. Кейси восстанавливал Хроники Акаши об Атлантиде при помощи регресса. Медиумы, экстрасенсы и предсказатели подключаются «к космосу», к высшим сферам. Есть и научные открытия, сделанные во сне: недостающие элементы периодической системы Менделеева, формула кольца бензола Кекуле ... не вспомню сейчас, какие ещё. Кольриджа и Данте во сне посещала Муза. Случалось, что одна и та же идея приходила сразу в несколько голов: Попов, Маркони и Тесла изобрели радио почти одновременно. У Дарвина был конкурент: Альфред Уоллес прислал ему рукопись о происхождении видов путём естественного отбора, и Дарвин был готов отказаться от публикации своего труда. Но о плагиате в подобных случаях не могло быть и речи. Атланты – послания вечности, и получали их многие люди на разных концах Земли. Атлантида как цивилизация никогда не существовала, и вместе с тем она была, есть и будет всегда. Атлантида – это мы сами в лучшие наши моменты. В моменты прозрения.

Слова уносили меня всё дальше, как лодку течение. Маугли слушала молча, не поднимая глаз. Темнело. Туман окрасился в фиолетово-серый цвет. Она смотрела на всполохи факелов в воде меж кормой и носом наших лодок, шедших след в след.

– Я и правда homeless, – задумчиво произнесла она. – Не существует порога, откуда началось моё путешествие. Как будто была всегда, но нигде.

– Не ты одна. Мы все – скитальцы. Никто не знает, где начинается и где заканчивается ветер. То же и с реками: впадают в море, покидают его другими реками, но и собой. Переменчивое постоянство воды. Наша кровь подчиняется её закону.

– Закону лабиринта. Могла бы догадаться о нём в Карфагене или в городе. Каналы, акведуки, заимствованные финикийцами у атлантов, напоминают символы лабиринта, спирали, цветка лотоса. Древняя фигура, форма галактик. Человеческая жизнь – лабиринт со смертью в центре, после смерти человек блуждает по лабиринту, и прежде чем окончательно перестать существовать, должен найти выход. Покинуть лабиринт кем-то другим. Ветвятся дорожки, но по кругу, по кругу, по кругу. А мы продолжаем верить в прямые и точки отсчёта. Недалеко же люди ушли от животных: они не чувствуют времени, мы не видим вечности.

Как будто и сами перестали существовать, не ощущали присутствия друг друга. Говорили с отражениями в воде. Пляшущие отсветы факелов чертили над головами причудливые нимбы. Ещё не ангелы, уже не люди. А между тем русло канала расширялось, отодвигая от нас стены домов, пока темнота не окружила лодки со всех сторон.

– Великий Леонардо считал зеркало своим учителем. Вот кто жизнь провёл в плену озарений! – подумал вслух.

– Самое большое из них вода, – отозвалась Маугли и добавила: – И разбить его невозможно.

Смотрели в глаза своим отражениям из тумана, из темноты.

– Кажется, они реальнее нас, – сказала она.

– Почему нет? Вода хранит информацию.

Темнота превратилась в море без берегов, без горизонта, без неба. Море простиралось повсюду: сверху и снизу, обнимало за плечи, ударялось в бока лодки, шептало на глубине, звало за собою в даль.

– Начинаю понимать смысл времени: оно, как пространство воды, везде и вокруг нас. Единый живой организм. А мы сочинили себе координаты долготы и широты и упорно придерживаемся их, чтобы не сбиться с пути. Но никто и так не заблудится. Все точки принадлежат плоскости круга, волны глотают отражения и передают друг другу, смывают с нас маски неверного выбора за слоем слой и прячут в копилку воды. И может, когда-нибудь кто-нибудь разглядит там своё настоящее лицо. Увидит себя тем, кем хотел стать, но не смог. Свой идеал и мечту.

– Смотрите! – закричал с носа лодки Ульвиг.

Пламя факела осветило столб, торчащий прямо из воды. Дорожный знак: нарисованная краской звезда в центре круга.

– Египетский символ Дуата! Мы покинули город или жизнь?

Символ мира теней, напоминающий колесо.

«И всё, что мы видим, является смертью, и снами, когда мы спим»⁸⁸.

Картина третья: «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

(абстракция)

Эпизод 1. Мост

Волны качали лодку, как колыбель. Чудилось, теку и меняюсь, становлюсь водой – огромным зеркалом, вобравшим в себя сюрреализм чужих откровений: людей на мостах, изящное кружево дворцовых арок, сердцами распахнутые ставни домов, мозаику ракушек на стенах, покосившиеся дома из морёного дуба, солнечные площади и замшелые переулки. Отражения влекли за собой на дно, свет фонарей играл на глади каналов длинными, изогнутыми жёлтыми линиями. Театр теней, но наоборот. Фигуры танцевали, ловили друг друга за руки, сливались и раскалывались надвое. Хрупкие, невесомые переплетения. Кинь

⁸⁸ Гераклит называет рождение смертью: «Всё, что мы, бодрствуя, видим, есть смерть, а всё, что мы видим, когда спим, есть сон».

камень, и всё сломается, исчезнет. Силилась понять что-то сложное и простое, как закат, когда день встречается с ночью, как исполнившаяся мечта, что горчит тоской по пройденному пути. Гёте сравнивал венецианские гондолы с «*плавно качающейся колыбелью*» и с «*похоронными носилками*» в одной фразе⁸⁹. Круг, символ жизни, где детство и старость схожи своей беспомощной бессознательностью и умиротворением. Надо бы писать последнее слово через «е», как «смерть». Рождение и смерть, чрево и гроб, путь земли. Лодки-маятники на солнечной дороге из лунного света. Путь к морю.

Мы долго плыли сквозь туман, рассекая пространство чистого листа. Ни ветерка, ни волны, ни черты горизонта. Море молчало. Надеюсь, в пустоте почувствую лёгкость. Но пустота тяжела, у неё был вес, будто тонны свинца давили на плечи, сжимали тело плотным кольцом. Наконец из ключев тумана вынырнул деревянный мост. Ухватились, залезли. Мост перекинут между двумя островами или мысами материков. Могли пойти либо вправо, либо влево и достичь земли. Но едва шагнули, как мост начал подниматься, удлиняться и раздвигаться в стороны, как всегда бывает во сне: что-то привычное увеличивается на глазах до немыслимых размеров. Сели, чтоб удержаться. Замерли, свесив ноги, на хлипкой перекладине над пропастью. А под ногами крутилась Земля – маленькая и далёкая, скрывающаяся за облаками. Самолёты летели под облаками по неизменным маршрутам и расписанию. Куда-то мчались, спешили и опаздывали поезда. Смотрели на них сверху с безнадежной отрешённостью, словно поняли и согласились с тем, что мост – последняя высота и обратной дороги не будет. Отчаяние финала.

Воздух холодный и влажный, у меня зуб на зуб не попадал, когда внизу различила фигурки людей. Они росли, как мост, вытягивались вверх на тонких ногах. Гибкие и прекрасные, как персонажи Джакометти. Изящные руки тёплыми волнами касались ступней, гладили лодыжки. Странное ощущение неги, хочется длить его, длить, длить... не просыпаясь. Тени обволакивали, проникали внутрь.

– Психифоры!

– Они – это мы?

– А мы – это они. Все, в конечном счёте, сторонние наблюдатели, носители чужих душ.

– Всегда были с вами: вокруг, рядом, внутри.

Не нужно ничего произносить вслух, тысячи голосов в голове отвечают на вопросы.

– На чём держится мост, если Земля вертится под ногами?

– На копии. Золотая нить судьбы протянута над лабиринтом, ею прошиты слои реальности. Параллельные миры сосуществуют. Последите за мыслями: как часто создаёте альтернативу событиям, живёте в воспоминаниях или мечтах? Каждый встречный уносит с собой ещё одну вашу версию. Незначительный выбор заставляет сворачивать на перекрёстке дорог. Миры сталкиваются, ветвятся, перетекают друг в друга, а вы продолжаете искать фантастические дверь, щель, прореху... не замечая, что сами давно принадлежите иной системе координат. Миры – бесчисленные повторения, чуть искажённые отражения в зеркалах. Искажения настолько малы, что невидимы. Подумаешь, стёрты целые страны с географических карт, переименованы реки и города, звёзды изменили цвет, а собственное имя кажется чужим: история переписывается ежедневно, если

⁸⁹ «Венецианские эпиграммы».

не ежечасно, не поминутно, и нормально не помнить всё, не поспевать за новостями, не узнавать приятелей детства и юности, не принимать себя.

Ульвига встретила за год до проникновения. Сидели плечом к плечу на ступеньках лестницы в проходе меж рядами кресел на джазовом концерте, куда оба опоздали и в темноте не смогли отыскать свои места. Невероятное ощущение близости, словно знали друг друга всю жизнь! Но он не мог быть в тот день в Москве и ... мог одновременно: музыканты не включают Прагу в мировые турне, почему бы не приехать на концерт в Москву?

- Такое часто случается, и в попытке объяснить совпадения люди убеждают себя, что у всех есть близнец, двойник, что человечество породили двое - Адам и Ева, похожих много - общие гены. Но свет из глаз не подделать. Миры снова и снова сводят вас вместе, обрекая на тоску по утраченному счастью, на предчувствие чуда.

Чудо сотворили музыкальные вариации. Звуки парили под потолком. Хотелось верить в феномен акустики концертного зала, но волшебной была сама мелодия - сложная, слоёная, как пирог, закрученная в спираль, сон внутри сна, сон наяву. Будто душу вынули, выполоскали, отбелили в небе и вернули поющей, другой, чистой рубашкой на немывтое тело. Выразить не хватает слов.

- В мире материи не придумано слов для души. Попробуй рассказать о физической боли, уйму слов подберёшь, а для света всего одно - перерождение. Сыны Змея тоже молчат о просветлении. Для великого всегда недостаточно слов. Жизнь - башня, колодец, пещера, крепость... с непробиваемыми стенами: строите то, чего нет, отгораживаетесь от чего невозможно отгородиться.

Помню солнечный день и пикник у озера. Тридцать первое августа, мне семь лет. Яркие блики света на глади воды, в листве, в траве. Мир сияет. Произношу вслух: «Зло!». Мама с папой опешили, не зная, что ответить. Они видели вокруг цветущую природу, а я думала, что в этот самый момент, когда смотрю на блики, он проходит, приближая завтрашний день и школу. Мою очередную тюрьму. Детский сад - школа - университет - работа. Везде свои законы и правила, либо подчиняешься, либо жестоко наказывают и изгоняют. В жизни непременно наступает момент, когда осознаёшь, что родители не боги и не смогут уберечь от посторонних, будто выходишь под купол неба абсолютно беззащитной, а в небе нет никого - провидение ещё заслужить нужно. Маршировать в строю так и не научилась. Октябрьским утром по дороге на работу увидела детей, играющих во дворе. Карусель крутилась, дети хватались за поручни, боясь вылететь за край. Карусель - наша цивилизованная жизнь, избежать круга может или очень сильный, способный выжить в дикой природе, или святой. Дети не выдерживали и разжимали руки, падали, и кто-то плакал, а кто-то терпеливо ждал, когда ход замедлится, чтобы снова вскочить в круговерть. Один мальчик отошёл от карусели и сел на скамейку. Смотрел, как низкое осеннее солнце обводит тенями «глазки» сучков - солнечные точки в конце письма лета. Мальчик улыбнулся в ответ, и я решила, что отныне буду поступать так же: карусель никуда не денется, а вот тёплые деньки обернутся зимней стужей, глазом не успеешь моргнуть, не заметишь. Научилась жить ожиданием солнца, лета, свободы. Ожидание похоже на ветер: никто в точности не знает, где начинается и где заканчивается, как меняет направление. Мечта лучше реальности: никому не подвластна, не запереть в клетке, летит, куда хочет. Летом ждала следующего лета, потому что настоящее отцветало на глазах, разлагалось

под ядовитой патиной тлена. Будто всю жизнь просидела на мосту над рекой времени, а безжалостная вода омывала босые ноги, растворяя кожу и кости едкой щёлочью нового дня. Большинство людей радуются цветению жизни, единицы из них знают правду: чем пышнее бутон, тем скорее завянет цветок, спелый плод загнивает и падает в землю, редкие бабочки не однодневки. Все, кого я люблю и кто любит меня, когда-нибудь оставят меня одну посреди бушующей зелени лета, и я не в силах этому помешать. Что может быть более жестоким? Постулаты «живи здесь и сейчас» и «красота в мимолётности» – обман. Нет никакого «здесь и сейчас»: миг короче вдоха и взгляда. А человек жив ожиданием, и если вокруг всё превращается в прах, то ожиданием чего – смерти? Вода будущего не знает пощады, и мы ищем спасения в прошлом, как повзрослевшие дети утешения в родительском доме. Людям не нужна правда, им нужна красота. Живут, считая себя бессмертными или богами. Распоряжаются моей судьбой, словно уполномочены кем-то сверху. Повзрослев, полюбила Ван Гога за картину «Прогулка заключённых». Что бы ни говорили критики и биографы о копии с гравюры Доре⁹⁰, полотно – аллегория судьбы, где центральный персонаж – сам художник: куда бы ни шёл – шагаешь по кругу, что бы ни делал – раб, побег – утопия, не убежать от себя, не выпрыгнуть из тесной, раздираемой голодом и болезнями клетки плоти. Страх смерти, тюрьмы и одиночества – един и не отступит, пока чувствую себя живой.

– Кира-Кира, умеешь нарисовать безысходность! Оглянись, вокруг вас не город, а море. Успокойся и слушай его молчаливый зов. Волны сталкиваются и сливаются в бесконечный поток. Переплетаются тени, ветвятся миры, проникают друг в друга странички истории. Стань всеми – обретёшь себя. Мелодию в какофонии звуков может уловить обладатель идеального музыкального слуха, воспитанного в тишине, в погружённости на дно души. Но как раз к себе вы и не прислушиваетесь. Страх заставляет избегать себя, оглушает и ослепляет.

– А если встретиться с собой? С копией?

– Не успеете рта раскрыть, как тот, кто слабее, уйдёт. Несчастный случай, нелепая смерть. Бывает, но тропинки лабиринта редко повторяются и накладываются, как правило, никто не находит себя, но встречает тех, кому должен или кого ждал и любил.

Я забыла о встрече, а музыка продолжала звучать в сломанном плеере. Город, жизнь – всё вокруг рушилось, а над руинами плыли золотые завитки звуков, обрамляли крыши и облака. Тянулась за ними, пока не закрыла глаза и сама не стала невесомой как тень.

– Сон – нить Ариадны. Стены ломают, а тени и солнечные блики ложатся на землю за ними. Незыблемы и неизбежны. Психифоры, даймоны, ангелы-хранители, интуиция, внутренний голос. Какие бы имена ни давали нам, мы верны и никого не обманываем. Сделав шаг, раскалываетесь надвое, мы дробимся вместе с вами, помним все перерождения, рассказываем, сопровождаем – никто из вас не покинут. Иногда кричим, что есть силы, но вы как на войне контужены взрывами. Тащим за руку – упираетесь и сворачиваете не туда. Строим мосты – сжигаете. Отвергаете нас и теряете себя в лабиринте судеб.

Ангелы отрезают крылья и падают на землю, а люди смотрят фильмы об ангелах. «Faraway, so close»⁹¹! Если б призналась кому-нибудь, сколько вечеров

⁹⁰ «Острог». Гюстав Доре.

⁹¹ «Так далеко, так близко» – вторая часть кинофильма «Небо над Берлином» Вима Вендерса.

прожила внутри фильма, отправили бы в сумасшедший дом. Ангелы вели дневники, мечтали понять, что есть время. Оно стучало, как влюблённое сердце, и проходило, как боль, писало картины подобно художнику, снимало кино. Времени не хватало, потому что часы тикали внутри меня. Ангелы не чувствовали времени, отстранённо наблюдая за его течением. Но знали любовь, были её посланниками. Как и люди искусства. Те, кто пишет картины и снимает фильмы об ангелах. *«В нас самих нет смысла, приходим в этот мир, чтобы быть обрётёнными кем-то».*

– Мы и есть мост. Без нас вы – одиноки, отрезаны от мира и друг от друга. Разум, наука, технический прогресс погубят вас, как доспехи тевтонских рыцарей⁹². Кочевники ориентировались по далёким звёздам, учёные не способны разглядеть их без телескопов. Крестьяне без часов и календарей засеивали землю. В старых романах предчувствовали и отводили беду от возлюбленных. Вы же похоронили в себе таланты, поручив технике всё решать за вас. Масс медиа вместо дара предвидения, сеть и мобильная связь вместо телепатии. Голубые экраны – современное божество, плодящее противоречивые мифы: засыпаете героями одного, а просыпаетесь злодеями следующего, и до бесконечности множатся образы, становясь частью абсурда. Трудно найти себя в хаосе, постичь, понять, идентифицировать, и вы себе не доверяете, канал, принимающий наши послания, замураван. Мы по разные стороны стекла: беззвучен стук, безмолвен разговор.

Ночь напролёт птица билась в окно, упорно, отчаянно. В грозу окна в доме были закрыты, люди спали. Утром распахнули окно и увидели пух и капельки крови на карнизе. Птицу не ждали, не встретили и не впустили внутрь, больше она не возвращалась, а может быть, умерла. В морозный полдень проветривали дом, и зеркало, не выдержав разницы температур, треснуло. Собирали с пола осколки, изранили руки. Мельчайший осколок проник по кровеносным сосудам в сердце и саднит, не давая покоя ни днём, ни ночью. Юная Эвридика сняла белые туфельки, вазу с красными цветами с подоконника и прыгнула вниз с двенадцатого этажа. Она сама была злом, дочерью Персефоны, принадлежала тьме. Наступила на искушение⁹³, и мост провалился.

Кошмары накатывают волна за волной, лежу на дне и смотрю на танцующие по поверхности воды солнечные фигурки. Я – за кулисами театра теней, по другую сторону зеркала. Наверху Ульвиг и Маугли тоже молчат о чём-то сами с собой. Аморген нем: психофора во плоти лишена дара речи. Теперь мы трое – хранители истины, а он – ребёнок, надеющийся на изрезанную, засвеченную киноплёнку памяти.

Сходимся и расходимся в танце, меняемся местами, сливаемся в потоке воды.

⁹² Ледовое побоище на Чудском озере, 5 апреля, 1242 г.

⁹³ Согласно мифу, Эвридика умерла от укуса ядовитой змеи.

Я был танцующим человеком. Шутком, опрокинутой картой Таро. Жрецы разводили костёр в пещере, заваривали корень ибоги⁹⁴, острым камнем надрезали запястье, смешивая мою кровь и зелье. Когда пламя достигало сводов, мне протягивали дымящуюся чашу. Наступало время танца вокруг костра. Я был кем-то вроде шамана, через меня жрецы говорили с духами. Танец изображал их голоса: требовательные, наставнические, пророческие. Жрецы обводили мою тень, отбрасываемую пламенем на стены. Рисунки⁹⁵ предсказывали срок сбора урожая, предостерегали от опасности на охоте, выбирали жертву, обличали виновного. Тайные символы хранили внутри пещеры, а те, что предназначались всем, переносили на стены скал на всеобщее обозрение и в назидание. Я же просыпался под утро и не помнил ничего. Тусклый свет маячил издали, смутная грань между днём и ночью, между жизнью – ощущением собственного отяжелевшего тела – и полётом забвения. В пещеру меня привели ребёнком, никогда не покидал её, не видел солнца, не знал, что творится снаружи. У меня была мягкая постель из пальмовых листьев и сытная еда, все мои просьбы считались священными и выполнялись незамедлительно. Все, кроме одной: уйти. Избранный не имеет права отречься.

Часы оседали на холодных камнях пещеры. В предрассветных снах убежал от песочного двойника. В мифах и легендах песочный человек кидает горсть песка в глаза, и люди засыпают. Моя первая жизнь была сном. Всякий раз он настигал меня, и я сам становился песком, чувствовал, как затвердевает кровь, как набухают и трескаются вены. А потом приснилась мечта в облике женщины, стоящей у выхода из пещеры. Звала за собой раствориться в солнечном свете. И снова бежал, но на этот раз песочный двойник споткнулся о камень и рассыпался. Я перешагнул через рыжеватую горку и ослеп от полуденного солнца. Мир плыл перед глазами, как облака по небу. Посмотрел на оранжевое облачко, догнавшее другие у горизонта, и понял: абсолютная свобода не здесь. Жизнь – борьба, сопротивление смерти, в ней не может быть гармонии, равновесия, лёгкости. Человек от рождения – пленник.

И я вернулся в пещеру. Предал мечту. Видели когда-нибудь человека, добровольно отказавшегося от мечты? Живой мертвец: ничто не держит на плаву, ничто не радует. Самое страшное несчастье – не верить в себя, не верить голосу. Голос пел о деревьях, озёрах, пасущихся стадах, а я видел перед собой пустыню. Дюны Сахары тянулись далеко за горизонт, уходили в бесконечность, давили на плечи. Ощутил себя маленьким, ничтожным ростком, клонившимся к земле от ветра. Без сил привалился спиной к скале, обмяк и сполз вниз. Сидел на корточках, обхватив руками колени, и плакал. Постель из пальмовых листьев казалась единственным пригодным для жизни оазисом. Струсил, не рискнул разыграть последнюю карту, не решился шагнуть в пустоту. Слеплённый

⁹⁴ Tabernanthe iboga – галлюциноген, вечнозелёный кустарник, произрастающий в тропических лесах Африки, предположительно был распространён на территории нынешней Сахары в период неолита, когда пустыня была саванной.

⁹⁵ Тадарт-Акаус – горный массив в пустыне Сахара на территории Ливии, известен наскальными изображениями, датирующимися 12000 г. до н. э. – 100 г. н. э. На изображениях представлены люди, а также жирафы, слоны, страусы, верблюды и лошади, что говорит в пользу того, что Сахара была саванной. Люди изображены танцующими.

солнцем увидел Сахару будущего: такой, какой станет много веков спустя. Видел безжизненные пески, когда вокруг зеленела и цвела саванна. Мираж, вывернутый наизнанку. Смог бы выжить, если бы поверил голосу. Если бы завязал глаза и слушал ветер. Если бы спросил себя: где в пустыне срывают свежие листья? Крупная дичь – антилопы, жирафы, слоны... – одиночке не по силам, ловил бы птиц и жарил на костре, собирал бы плоды и ягоды. Но я повёл себя, как животное, выращенное в неволе: потоптался снаружи у открытой двери клетки, огляделся по сторонам и снова улёгся в углу на подстилке из пальмовых листьев в ожидании еды и питья. Воля – для тех, кто привык обходиться сам по себе, раб же погибнет без хозяина: хозяин – его завтрашний день. А у свободы нет будущего, только сейчас. Свобода никого не ждёт, и не становление она, а состояние. Текущий момент. Морские волны, следы на песке. Говорят, когда-то Сахара была морем, а теперь песок по километру в год продвигается на юг, заматывая на своём пути города и цивилизации. Враждебные вздымающиеся дюны напоминают бесконечный шторм. Хаос. Застывшую маску опасности. Маска не настоящее лицо, но сорвать её суждено не всем.

Я принял маску, смирился с темнотой пещеры, и голос онемел. Когда во время очередного ритуала жрецы поднесли мне чашу, она треснула, напиток пролился, угли зашипели, вытолкнув из костра облачко пара. Знак того, что мои танцы-видения прекратились, а душа раскололась надвое: непокорная часть догнала оранжевые облака у горизонта, а другая уснула во мне навсегда. Днём жрецы привели нового танцора-предсказателя: смуглого гибкого мальчика, такого же, каким и я начинал танцевать когда-то. Я же стал для них бесполезен, кормили в дань прошлому. Жил в пещере, иногда выходил посмотреть на деревню из тростниковых лачуг, лепившихся к скалам, на охотников, несущих окровавленные туши быков, на женщин, колдующих вокруг котлов, на свадьбы, пиры и похороны. Жил долго, мне некуда было спешить и не от кого убежать. Предрасветные сны о песочном человеке и мечте не вернулись. Наверно, и такое прозябание можно считать счастливым: спящая душа не испытывает нужды, разбудить её способна лишь смерть.

Но разлад с собой не исцелить временем. Рассечённая душа, миф о двух половинках, стремящихся соединиться. С Кирой у нас одна на двоих душа: оранжевое облачко столетия спустя родилось жрицей, повелевающей грозами, в древнем Египте, а моя половинка продолжила кровоточить, выбрав удел воина – с мечом в руках снова и снова шагать в пустоту в поисках новой земли, свободы и смерти. Танцующий человек отказался от мечты, и в следующей жизни его предала возлюбленная. Жрица рассказала вождю кельтских наёмников о фаюмском оазисе – «море» в Ливийской пустыне, а потом о планах воинов – фараону, и вождь убил её. Цепь перерождений, замкнутый круг. То, что сплотила любовь, меч вновь разрубил пополам.

Мы – две стороны Луны, волны прилива и отлива. Когда готовы простить, рассказываем свои истории друг другу, сплетаясь в одно целое. Переходим на «я и ты». Когда прошлые обиды отдаляют, говорим в одиночестве, о любимом как о постороннем, в третьем лице.

– Кира, ты слышишь меня? Откликнись! Поговори со мной!

Тишина. Песок извивается над вершинами дюн змеиными языками.

«Ты пожертвовал сестрой ради Киры», – сказал на пароме Аморген. Знал, что жрица украдала мой сон вместе с семенем. Ребёнок мог бы стать мостом меж нашими берегами, встречей половинок души. Но, как некогда яркое солнце, война ослепила нас: жрица сожгла корабли, я выбрал меч. В тот век никто из нас не почувствовал новой жизни.

«Видишь ли, Кира, в каждом возвращении, когда избегаем смерти, ветка реальности сходится с той веткой других людей, которая иллюстрирует нашу смерть предыдущих воплощений», – и в последний раз протянул цветы, столь любимые сестрой, тебе случайно, не задумываясь, что сделал, не ощутив их всепроникающего запаха. Лилии, цветы забвения.

– Я помогу тебе вспомнить, – сказала на мосту над Прагой.
И облака поплыли по небу от тебя ко мне.

Облака Ульвига принимают в пути странные формы. Одно из них было похоже на птицу, взлетело над нами и расплескалось дождём. Я вымокла насквозь, а Кира с Ульвигом увидели радугу. Кельты верят, что радуга – мост между Асгардом и миром людей, а я считала её аллегорией любви.

«... не выбирать дом, а согласиться на первый попавшийся, где предложат согреться», – вспомнила, выжимая свитер. Плащ мешал карабкаться на мост, опрометчиво скинула его в море.

Глаза ангела на картине – глаза Арно. Не уберегла, потому что смотреть в них нестерпимо больно. И горячо. Плавишься заживо, хочется отвернуться.

– Ангелами становятся отчаянные души, чтобы взять в руки нож и отрезать себе крылья.

– Да уж, тебе страх был неведом.

«Ген искателя приключений, – рассказывали с экрана, – гонит их вперёд, в неизвестность, такие люди вращают Землю и способствуют развитию цивилизации. Разожгли огонь и начали добывать железо, открыли новые континенты и повели за собой на войну. Им свойственна отличная от нашей реакция на опасность: то, что нас пугает и отталкивает, их непреодолимо влечёт, как горный пик альпиниста. Если бы мы все были такими, то человечество давно бы вымерло, но к счастью, большинство из нас предпочитает сидеть дома и воспитывать детей». Ульвиг тоже говорил об этом. Ген риска! Насмотрелись научного бреда, пытаюсь заснуть в душных номерах отелей в чужих городах. Надо же на что-то переключать канал «Euronews» с его бесконечными дефолтами, кризисами, безработицей, революциями, природными катаклизмами и точками невозврата. Неприкаянность, когда маешься, убивая время, потому что не можешь потратить его на нечто лучшее, чем ожидание. Но того, кто нужен, никогда не бывает рядом.

– Хочешь, пойду с тобой на землю?

– Убери нож. Жертвы принимают от тех, кого выбрали.

Загадала дом и мужчину. Обрела дорогу и ангелов-хранителей – пару, за оба плеча. Не дотянуться, не дотронуться. Высекаю статуи: холодны, но лица их помню на ощупь. Они – близко, а вы – далеко, они – мои, а вы принадлежите всем семи ветрам сразу.

– Тот, кого покидаешь вопреки своей воле, навсегда остаётся с тобой.

– В словосочетании «неосознанный выбор» ключевое слово всё же «выбор».

И выбирает человек однажды – когда позволено выбирать, а дальше всё повторяется из жизни в жизнь по не зависящим от него обстоятельствам. Я отказалась от чаши, а ради жезла или меча не так уж и важно. Если выбрал себя, а не другого человека, то вряд ли когда-либо полюбишь по-настоящему, чтобы пить и пьянеть.

– Чашу должны протянуть любимые руки.

Озеро Ошо⁹⁶ – идеальная любовь и вся моя жизнь. Двое влюблённых живут на разных берегах, а встречаются на острове посреди воды, не докучая друг другу совместным бытом и излишними прикосновениями. С Арно озеро уместилось в однокомнатной квартире в Сочи, а с тобой растеклось по всей планете. Тебе требовались километры личного пространства – города и страны! «Я люблю незнакомцев, – говорил ты, – наблюдать за ними со стороны. Люди издали выглядят, как деревья в старом парке, будто держат на плечах небо, а вблизи мельчают и съеживаются, как дешёвые джемпера после стирки». Возненавидела слово «незнакомец», как живого человека, врага. Заразилась твоей привычкой поэта перекачивать слова на языке, не замечая отсутствия их произносящего. И сохранила письмо – единственное не на стекле, а по электронной почте. Там, где ночевала, не было столь вместительных зеркал. *«Когда переполняет страх, убежище ищешь в словах, – писал ты. – Но все слова – чужие, восковой плёнкой склеивают губы, будто целовал оплавленную свечу. Как выразить то, что скрывается за стеной из слов, за частоколом букв? Было бы славно сочинить свой словарь и писать тебе на «новоязе»! Не перебирать лоскуты истлевших строк, а светить внутренним оком, но это кто-то до меня придумал. Верить и быть живым⁹⁷ звучит одинаково, но когда пишешь, мешает немая упрямая буква».*

Никогда не стыдилась ошибок в словах и не выбрала чашу без дна. Вы оба искали смысл за пределами пентакля, а у ребёнка мёртвого города и так с завидной регулярностью выбивали почву из-под ног, нужно было за что-то держаться. Мне не по силам лепить из дождя: вода испаряется. У неё всего три формы: облака, лёд и та, что в сосуде. И не формы вовсе, а процессы. *We live leaving*, перетекая за край. Хотя «жить» и «уходить»⁹⁸ тоже не одно и то же слово. Культ вина и падение в сон – участь ловца. Гулкие шаги по камням лабиринта, мерный стук капель о дно, вязкие стены. Зябко. Сухой лёд внутри, кажется, сейчас ударит кто-нибудь сильнее, и сама осыплюсь мёрзлой крошкой в ботинки. Сконцентрировать волю, крепко взяться за ручку двери – с другой стороны её тянет на себя очередная жертва. Яркий свет в проёме двери – точка невозврата. Так Янус и заполучал себе свежие лица. Просыпалась с похмелья, ощущая себя Прометеем: мою печень ночь напролёт клевали орлы, но в отличие от прометеевой, поутру она не отрастала. Боль и холод в крови. Античные медики не зря считали печень, а не сердце, творцом жидкости жизни⁹⁹. Такие ночи убивали во мне все чувства, и проходило много-много бесцветных дней в пути, прежде чем любовь возродилась из пепла подобно фениксу. Бедный Прометей!

⁹⁶ Ошо. «Любовь. Свобода. Одиночество»

⁹⁷ To believe (верить), to be live (быть живым) – англ.

⁹⁸ To live (жить), to leave (покидать, уходить) – англ.

⁹⁹ Гален (античный медик, философ, годы жизни 130-200 до н.э.) и его последователи считали, что печень ответственна за кровообращение человека.

Молчащие скалы не смогут ответить, почему из его оков влюблённые сделали себе обручальные кольца. Перед провалом в сон мы танцевали на границе тени и света. Хриплый голос саксофона в опустевшем кафе – блюз, синяя музыка грусти. Медленно кружились, путая следы на полу, смешивая акварельные краски в сообщающихся сосудах. Новый оттенок, неизвестный художникам, несуществующий в природе. Поднимала голову – понять, кто ты, но ты исчезал, оставляя меня одну в лабиринте. Мечтала заглянуть тебе в глаза, и чтобы хоть раз проводил до двери меня за руку!

– Маугли, прав тот, кто счастлив. А у нас была радуга!

– Поздно, Арно. Я открыла свою точку невозврата. Наша суть эта точка. Аморген был поэтом, превращал мифы в судьбу, а я читала и слушала её пальцами. Радуга не нужна, когда знаешь, что люди любят друг в друге сердцевину восьмёрки – то, чего недостаёт им самим, сливаясь в знак бесконечности. В мире нас всего трое: разрушитель, создатель и искатель. Первые ведут войну, как Зевс с Прометеем, а третий рыщет у скал, чем поживиться. Он не помнит, кто он, и потому всегда как бы отсутствует. Будь облаком, невесомым ангелом. Так легче. Счастье – состояние, а становление – боль. Ты выбрал полёт, я принимала форму сосудов, пока не научилась лепить, Аморген строит замки и города из ледяных кубиков слов. Мы и есть время. Глупо бороться с собой. Невозможно вернуться в прошлое: то, что вчера принимали за награду, сегодня видится наказанием. Мне нужен свой дом, даже если дорога туда под проливным дождём и затянется не на одну жизнь.

В моём сне о реке, ребёнке и зеркале два варианта финала. Берег и океан. Можем пополнить запасы водорода звезды, а можем снова родиться и жить. На кольцевой линии поезда конечная станция условна. Если звёзды сгорают, оборачиваясь чёрными дырами, почему из чёрной дыры не может родиться новая звезда? Рождается и живёт, но по ту сторону зеркала. Архимедова спираль. Качели. Вдох–выдох бесконечности. Энергетический и материальный миры проникают друг в друга, космос и хаос хранят равновесие чаш Маат. Зазеркалье реально, у Вселенной есть отражения, а вдруг в одном из них ты не последний рождённый и намечается премьера нашего фильма? Что если мост через время ведёт в параллельный мир? Хорошо бы родиться вначале или посередине столетия! Нести людям свет кровоточащим сердцем Данко. В нашей безнадёге виновны даты рождения: ...1778 – 1878 – 1978... В конце века люди приходят на землю усталыми. Утомительно шагать по дороге след в след и вытягивать шею из-за спины впередиидущего в попытке разглядеть горизонт. Нужен мост, временной или пространственный скачок в неизвестность.

«Мы живём в хрупком мире на краю времени и в преддверии конца света, – рассказывали с экрана. – Зрелое общество, утратившее веру в богов, где люди мнят себя равными им. Создатели и разрушители. Наука рассовывает мироздание по экспериментальным колбам, искусство пережёвывает наследство великих мастеров, как корова жвачку. Иные же, осознав безысходность момента, разрушают мир войнами, бунтами, революциями и себя – наркотиками, безумием, самоубийствами. Лодка раскачивается, переворачивается, вновь скидывает людей на грань выживания. Человек – животное, и главная его цель – выжить. Если нечего преодолеть, люди впадают в депрессию – болезнь цирковых лошадей и Сизифа. Не хотят жить и размножаться, чувствуют усталость и начинают вымирать».

У некоторых создателей как раз желание размножаться трансформируется в ваяние статуй. Гены! Что они понимают, эти учёные? «Мы гораздо большее, чем наши тела», – говорил ты когда-то. В мёртвом городе зажгла свечу в зеркалах. Пропала, чтобы найти себя. И тебя. Будешь строить тающие города, а я населять их песочными статуями. Душа выбирает нам путь, но мы забываем, кто мы и откуда пришли. Может, Стиви Уандер¹⁰⁰ ослеп сразу после рождения, чтобы слышать звуки мира, не отвлекаясь на образы, а Бетховен начал терять слух, чтобы слышать свою музыку, изнутри, без помех и вторжения чужой? А как появилось граффити? Художники, чьи картины нигде не хотели выставлять, взяли в руки баллончики с краской и начали расписывать стены домов. Мы тоже сможем! Если не опоздаем на свидание с жизнью. Нам бы выиграть время! Тоту же удалось выиграть в сенет у Луны пять дней «над годом» для богини Нут¹⁰¹. Он бы и тебе покровительствовал, вы одной крови – оба летописцы.

– Маугли, Аморген тебя не слышит. Нет ангела – нет связи между людьми.

– Вселенная – сеть, люди и без ангелов связаны друг с другом, мысли материальны, желания сбываются. Правда, иногда «мировая сеть» долго их исполняет, а жизнь – коротка. Великие же получили признание, пусть и после смерти. Ни словечка не пропадёт. К тому же, он умеет читать по губам.

– Отвратительно! Разговор о прошлой любви с нынешней смахивает на предательство.

Предать – предать огню/ земле/ забвению – передать из рук в руки.

– Я стала другой, Арно.

– Тебя претворили словом?

– Нет, вернули самой себе.

– Что ж, давно пора выбрать дом.

Эпизод 2. Чаши

Дом стоял высоко в горах у кратера вулкана.

– Прообраз всех домов на земле, – пояснил Арно, выдавая нам ключи, – строй – не строй всё равно сторит.

Сразу вспомнился остров Гелиоса, где домики карабкались на вершину Этны в надежде, что лава прольётся по другому склону, а хозяева с невозмутимым спокойствием обсаживали их цветами, лимонными деревьями и виноградниками. Будто пепел – лучшее удобрение для цветов, а вечность – пойманный в ладони миг. И если греки свято верили, что обретают мудрость Сократа, разгуливая

¹⁰⁰ Stevie Wonder (wonder – чудо, нечто удивительное, англ.) – соул-певец, музыкант, композитор, оказавший огромное влияние на развитие музыки 20 века.

¹⁰¹ Сенет – древнеегипетская игра в шашки, изобретённая богом Тотом. Богиня Нут не могла зачать: Бог Ра наложил на неё проклятие бесплодия в течение всех 360-ти дней в году за сожительство с Гебом. И тогда Тот выиграл в сенет у Луны 1/17 каждого лунного цикла. Всего 5 дней – к 360, уже бывшим в календаре. В течение этих 5 дней, после весеннего равноденствия, после полнолуния родились боги Осирис, Гор, Сет, Исида и Нефтида. «Вставные» дни («те, что над годом») совпадают с христианской Пасхой, а по легенде богиня Нут проглатывает своих детей, чтобы потом снова выпустить их на небо, что символизирует смерть и воскресение.

босиком по древней земле, то сицилийцы считали себя потомками Солнца и засыпали в его горной огненной колыбели. Их философ, Эмпедокл, прыгнул в жерло вулкана: по одной легенде, чтобы приблизиться к земле, а по другой – к богам. Но ни земля, ни боги не приняли тщеславного целиком, выплюнули его сандалии. Ангелы отрезают себе крылья и падают на землю, философы бросаются в кипящий котёл лавы. Почему обязательно нужно сигануть головой вниз и разбиться о камни, прежде чем воскреснуть, встать и пойти вдаль по дороге, отрешённо насвистывая и толкая вперёд носком ботинка осколок валуна, который только что раздробил своим лбом? Неужели нельзя обойтись без падений на дно колодца и героических поступков? «Ты – трус, Аморген!», – упрекнула бы Маугли. «Да, – ответил бы я, – сочинив множество подвигов, никогда не совершал их».

– Выдохните весь воздух из лёгких на пороге, – попросил ангел, – иначе не проникнетесь атмосферой дома.

В доме была одна, но просторная комната сплошь зелёного цвета: обои на стенах, ковёр на полу, шторы на окнах. Посреди комнаты – стол, укрытый зелёной скатертью, на нём – карликовое гранатовое дерево в кадке. В древнем Египте лица мумий разрисовывали зелёными полосами, а в саркофаг клали плод граната: и то, и другое символизировало воскрешение и вечную жизнь.

– Комната – кристалл мироздания, – сказал Арно. – Помимо вас здесь обитают миллиарды теней, не подозревающих о существовании друг друга. Не бойтесь, они вам не помешают. Всякий входящий видит в комнате лишь себя и тех, с кем пришёл.

– Нам позволят вернуться на землю?

– Возможно. А пока располагайтесь. Кувшины с напитками принесу вам чуть позже. Устраивайтесь поудобнее в креслах и раздёрните шторы, темновато здесь.

Шторы мягко распахнулись, как полы халата, обнажая вид из окна, плетёное кресло тихонько вздохнуло подо мной, и по телу разлилась нега уюта, какую испытываешь дома после долгого трудного дня. Скопил глаза на вас: ты улыбалась, глядя в окно, Ульвиг сидел неподвижно и прямо, как и полагается воину, а Кира закуталась в толстый шерстяной плед, будто за окном ей показывали морозную русскую зиму.

– Окна выбирают смотрящих. Видите то, что ожидаете за ними увидеть, – подтвердил ангел и ушёл за напитками.

Ты, конечно, смотрела на море. Однообразный пейзаж чередой волн напоминал декадентскую картину Эдварда Мунка «Вечер на улице Карла Йохана»: поток лиц, накатывающих на зрителя, захлёстывающих, проникающих сквозь. Единое цветное безумие. Вот он, атлант, идеальный лик статуи, сотворённый из множества глаз, лбов, подбородков, чёлок, бровей, скул и носов, выхваченных беспокойным взглядом из толпы. Судя по твоей улыбке, улов не был скудным.

Под моим окном росли кусты гибискуса. Ги-бис-ку-сы, – машинально повторил про себя. Какое искусственное имя у этих цветов! Их мог бы поливать из родника забвения Гипнос – повелитель снов, брат Танатоса и дочерей Кроноса мойр в своей сумеречной пещере на краю мира, куда солнечный бог не рискует заглядывать. Но они живые и замечательно пахнут. Жёлтые гибискусы называют «китайской розой», бордовые «цветком любви», а белыми украшают «маргариту»

- неизменную спутницу романтических вечеров. В центре палисадника заметил фонтан из палевого известняка со слоном. Из хобота должна бы струиться вода, но источник, увитый плющом, пересох. Башня из слоновой кости, вспомнилось мне, мой внутренний дворик. Стоит назвать цветок по имени, как он тут же вянет. Побег винограда и олеандров переплетаются, не разобрать, где цветы, где ягоды, не подрезать сухие ветки. И растения душат друг друга, как мои бестолковые строчки. А из-за калитки в прорехи занавеса из дикого дрока за мной следила чернота.

Её и видела Кира в своё окно: безрадостную дорогу к вершине вулкана, застывшие лавовые поля, безмятежную равнину одиночества. Продрогла от ветра, хотелось втянуть голову в плечи, спрятаться, лечь на дымящуюся тёплую землю и заснуть навсегда. Ариадна с оборванной нитью в руке, отчаявшаяся, не дождавшаяся Тесея. Говорят, из кратера вулкана лава поднимается наружу по тоннелям, образующим лабиринт. Может, лава и есть волна света? Покинутый нами мифический город построили на берегу моря и близко к вулкану. Многие историки уверены, что Платона вдохновили извержение вулкана на острове Санторини и цунами, уничтожившее микенскую цивилизацию. Проявление идеи Атлантиды в действительности. Свет, претворённый в материю.

На свет мотыльком полетел Ульвиг. В город героев, где есть всё: и солнце, и ночь, и смирение, и битва, и голод, и богатство, и огонь, и пепел, и снег, и шум, и ярость; где мёртвые убивают живых, а живые не дают ни минуты покоя мёртвым. Если Ульвиг поторопится и жажда вытолкнет его из окна, то сломает ногу или позвоночник, или ключицу, обрекая себя просить милостыню на площадях и проспектах до скончания дней. Если научится терпению и смастерит лестницу хотя бы из штор, у него, пожалуй, будет шанс выжить, выиграть, победить.

- За окнами - наши жизни? - спросил у нарочито громыхавшего кувшинами и чашами о железный поднос Арно.

- Метафоры.

- А если бы мы пришли вдесятером, если бы нас было сто или тысяча человек сразу?

- Кристалл может иметь сколько угодно граней, окон хватит на всех. Не все, правда, понимают, что они - зеркало. Бегают от окна к окну, пока не обессилят и не исчезнут совсем, а видят одно и то же: что внутри самих, то и снаружи. Иные, поумнее, садятся в центре комнаты на пол и наблюдают за остальными, стараясь по мимике, теням и движениям угадать, что за окнами. Первые теряют себя, вторые связь с реальностью.

- Но я же могу изменить вид за окном?

- Считаешь себя лучшим поэтом, чем мироздание? - усмехнулся ангел.

Я испытал стыд и отвращение. Стыд за то, что цитирую, а сам нем, как замороженная рыба. Вечный второй, если не сотый, не миллионный. Ничего нового не напишешь, пока не начнёшь думать вместо того, чтобы читать. Так и просидишь попугаем в чужой гостиной. Искусство - попытка объяснить очевидное. Не заблуждайся: и без тебя все всё давно уже знают. Слепой художник синей краской рисует закат над городом и показывает картину зрячему, пока тот смотрит на заходящее за крыши красное солнце. Вспомнил меткую фразу Маугли: видела город, но не жила в нём. Мои слова - тоже проездом. Прощаю великим их невозвратный *past perfect* и ненавижу пассажиров первого класса в

моём поезде. Сам себе отвратителен, а в других вижу кривое своё отражение. В ком-то больше кривизны, в ком-то меньше.

Арно не похож на Альберта в образе ангела. У брата крылья были настоящими – выстраданными, перепачканными землёй. Арно же словно их отбелил, накрахмалил, не крылья, а безупречно чистые простыни в первую брачную ночь! И распускает их как павлин хвост. Ножом размахивает – не отрежет, кишка тонка, к тому же его и не приглашали. Тьфу! Не думал, что меня посетит столь мелочная реакция на соперника, как ревность. Всегда считал себя выше людей и их предрассудков. К тому же Арно не человек, ангел. Да и ты не та Маугли, которую он знал когда-то. Город вылепил тебя заново.

Но ни прежней тебе, ни нынешней не смогу рассказать, как стал поэтом. В 1787 году лондонский Сент-Джеймс парк был далёк от совершенства, Джон Нэш не успел приложить руку к извилистым лесным тропкам и затянутым тиной прудам, где обитали лебеди. С десятков белых и трое чёрных – опасно держались в сторонке. Чёрные мне, девятилетнему, привыкшему к весёлым играм со сверстниками, казались изгоями, я жалел их и размышлял, как бы помочь. А потом подсмотрел, как Альберт грунтует холст жжёной умброй и пишет осенние листья на тёмной земле невесомыми охряными прикосновениями кисти. Выкрал у брата белила и пол осени приманивал лебедей на хлеб и ставил силки. Брат, увидев моё плавающее в пруду «творение», занёс надо мной руку, но не ударил, а резко развернулся и зашагал в сторону дома. Я побежал следом. Дома брат заперся в мастерской на ключ, и разделённые толстыми стенами мы молчали весь вечер. Поначалу подумал, что Альберт злится из-за истраченных белил или завидует мне: его картины ничью судьбу изменить не смогут, а я подарил лебедю счастливую жизнь среди белых сородичей. Но на следующий день лебедь не плавал, не хлопал крыльями, а неподвижно сидел в зарослях камыша, зябко нахохлившись. Я расстроился и опять позвал Альберта к пруду.

– При дворе Александра Македонского, – сказал он, – одного мальчишку с головы до ног выкрасили жидким золотом, изображал на пирах статую Купидона.

– И что с ним случилось? – спросил я, чувствуя, как к горлу подступает первый комок страха.

– Он умер, – ответил брат.

– Но почему?!

– Жить получается лишь собой. Твой чёрный лебедь теперь погибнет. Не сможет летать и замёрзнет насмерть в ледяной воде. Перья должны предохранять птицу от холода и влаги, но от белил они слиплись и стали бесполезны. Прекрасив, ты убил его.

С тех пор рисую словами: ими никого не убьёшь, разве что в переносном смысле.

Альберта помню братом, а не любовником. Я же любила его, когда была женщиной! Но мне легче вспоминать своих женщин, чем как сам был одной из них. Киноплёнка моя засвечена во многих местах, иные жизни пролетели как сон, ничего после себя не оставив. Вспоминаются русские женщины. Было много других, но как будто и не было вовсе. Говорят, русские как зефир: распробуешь – пристрастишься. Но эмигрантки, о ком так говорят, – еврейки. Оглядываешь их округлости первозданной женственности и почему-то сразу думаешь о современных интерпретациях коньяка «Мартель» – «ХО» и «Grand Extra» и языческих статуэтках богини матери-земли. Русские – другие. Мустанги-

иноходцы, в извечных бегах от самих себя и стремлениях в никуда. Все округлости вытянулись в ноги – длинные, закалённые и мускулистые. В Праге, где в последний раз родился Ульвиг, возвели памятник русской шпильке: ни одна женщина больше не способна скакать день-деньской на каблуках по брусчатке. А у русских свист лассо и ветра в ушах. Они неизменно хотят то, что точно дать не сможешь. Загадка русской души: они не знают, чего хотят, не знают даже, чего бы им захотеть. Неопределённость и взгляд с поволокой.

Маша хотела конфет из уваренного сгущённого молока, их подавали к чаю в студенческом кафе в Кембридже. Я тогда изучал славянские языки, литературу и библиотечное дело.

– Мало! Дайте ещё! – требовала она на «шипящем» английском – типичный акцент для славянки.

А мне нужно было изучать языки. Через пару месяцев сам на неё шипел:

– Пре-кра-т-и-и-и! Это неприлично!

На каникулы ездили в Ригу¹⁰², не помню зачем, послушать русскую речь? К тому времени я поднаторел в языке тела. Смотрел на её изогнутую чёрную бровь с кольцом и представлял, как по возвращении в Лондон воткну себе такое же. Мы были похожи с ней, как брат и сестра. Миндалевидные, словно углём очерченные глаза, высокие скулы, матовая смуглая кожа, неподвластная румянцу. Среди белокурых и голубоглазых лондонцев частенько чувствовал неловкость, поэтому и лебедя перекрасил. А глядя на себя в зеркало, видел её. Нравилось быть ею, что-то в этом было невысказанное, мучительное, сладостно-вязкое. Читать мысли и чувства, исследовать потаённые уголки сознания, смотреть на мир её глазами, а придя в себя, помнить о воплотившемся мистическом опыте. И с тех пор не разговаривать, а узнавать, предвосхищая каждое слово, движение, вспышку, чёрточку. Господи, Машка, если бы нам вернули тот день на Ратушной площади, где сидя рядом с тобой в кафе под открытым небом, думал не о звёздах над головой, а о твоей пронзённой брови, выпросил бы для тебя целый мешок этих засахаренных, пластилиновых конфет! И мне бы совсем не было стыдно. Я – гнусный сноб. Раздражает, когда кто-то громко смеётся, бурно радуется, яростно требует. По-настоящему начинаю тосковать по людям, если уходят навсегда. Снимал фильм об ангелах и проникновении, а ты случайно попала в кадр. Умерла во время операции из-за глупой оплошности хирурга. И прекратила требовать. Мне язык надо отрезать, чтобы не перекатывал на нём камни, не откладывал за пазуху. Не твердил «мне так жаль, так жаль» до кровавых мозолей в сердце.

Если верить Рембо, поэзия – женственна. Нет, не клеится и не ладится. Мои кусочки – от разных мозаик. В моде тогда были шляпки и ленточки и никаких колец в брови. Пирсинг появится в шестидесятые годы двадцатого века. Кем же была Мария? Моей выдумкой? Чьим-то взломанным сном? Не знаю. С тех пор, как Маугли поменяла местами все вещи в моём доме на Мальте, начал путать сны с явью.

Однажды мне приснился Франц Кафка с портрета в сборнике «Созерцание»: по-мальчишески оттопыренные уши, впалые щёки и фаумский взгляд из вечности – смотрел в объектив фотоаппарата оттуда, где уже знают

¹⁰² С 1721 года, Рига и большая часть Латвии перешли во владения Российской империи. На рубеже 19-20-го веков Рига являлась вторым по величине портовым городом Российской Империи. Англия был союзником России во времена Северной войны.

Судьбу. «Когда любишь кого-то, приписываешь ему свои мысли и чувства. В жизни же он таким не является. Но можно его таким сочинить, – сказал он. Я схватился было за карандаш, но, помолчав, он добавил: – Пишут не для того, чтобы прославиться, а для того, чтобы остаться. Навсегда».

Вот и рифмую истёртые воспоминания, будто они – философский камень, превращающий ёлочную мишуру в золото, а осколки разбитого зеркала в неназванные звёзды. Капелька дождя, сверкающая на паутинке. Красиво? Но попробуй сжать её пальцами. Мерзость! Рифмуй – не рифмуй, а игры в песочнице или в классики, беготня под дождём, мелодии музыкальных шкатулок, мамины блюда, поцелуи на скамейке у всех одинаковые, и никому, кроме самого вспоминающего, не нужны, ни для кого другого не имеют значения. Всё в моей жизни: книги, картины, женщины... – копия с копии, безликие янусы-близнецы. И северный ветер срывает бутоны цветов за окном. Ты была права тогда, в башне: начало стоит забвения. Мне не нужна истлевшая сказка, я хочу жить.

«Литературная работа по ночам, с долгими перерывами на отчаяние, – мог бы заключить Кафка, – потому что Прометей давно умер, а необъяснимые скалы молчат»¹⁰³. После грозы в саду его светлячки взмыли в небо. Чем они хуже звёзд? С судьбой не поспоришь: пришлось присесть на дорожку и изменить завещание. А я что могу завещать? Знаю-знаю, я – только летописец, регистратор мгновений. Таскаю везде с собой задохнувшихся, померкших светлячков в спичечном коробке в кармане брюк: их похоронят вместе со мной. Закопают в землю, как что-то постыдное, от чего избавляются поскорее: сбрасывают за борт, вычёркивают вон, забывают напрочь.

– Выпей, дружок, в голове прояснится, – сжалился надо мной Арно и протянул кувшин и железную чашу.

– Нальёшь? – попросил его.

– Нет, здесь ты – виночерпий.

Я – виночерпий, оказывается. Медленное такое слово, как облетающие лепестки цветов. Черпаю слова из чувства вины. Когда меня все простят, слова в моём кувшине закончатся.

Ветер сделал уборку в небе, разобрал завалы туч. Горизонт светлеет. Серое небо. Мягкие приглушённые краски. Запахи йода, сосновой смолы и едва заметный фиалок. Они повсюду цветут на побережье.

«Не думаю, что люди принимают такой простой факт: в жизни нет смысла. Мне кажется, из-за этого людям страшно неуютно», – говорил Дэвид Линч.

Неуютно? Смотри на цветы, они – живое воплощение счастья. Жаль, у меня нет своего балкона или хотя бы подоконника, где могла бы их посадить. В чужих городах всегда так: северный ветер, сквозняки изо всех щелей, горячую воду и электричество отключают одновременно, дождь стирает родные лица из памяти, будто люди – фотографии, размокают и расплываются, крыша в кафе протекает, а осень наступает раньше срока. Память – ненадёжная машина времени: сколько

¹⁰³ Ф.Кафка. «Письма к Макс Броду», «Прометей».

ни представляй себе вчерашнее лето, всё равно дрожишь от холода, кашляешь навзрыд, наматываешь на шею кашемировый шарф, и от ворса слезятся глаза.

Море катит тяжёлые волны, люди идут по набережной навстречу неиссякаемым потоком. Лица как волны. Я стою на бордюре – ровно посередине, как на разделительной полосе. На волнах пенятся барашки, на лицах проскальзывают улыбки. Волны бьются в берег «шиих-шиих», люди чеканят шаг «цок-цок». Стрелки часов, самозаводящихся от движения. Плавные размытые контуры. И вдруг резко субъективной камерой крупным планом – пристальный взгляд из-под угольно-чёрных бровей, как воспоминание из прошлой жизни. С новой любовью мы возрождаемся, живём и умираем. В кафе, где мы встретились, ничего не изменилось: бронзовые львы по-прежнему грустят у входа, внутри разливают глинтвейн с мёдом и варят дурманящий кофе из арабики, храня рецепты в тайне от посетителей. Чувствовала ли я тогда свои нынешние шаги? Пожалуй, да. Ты наблюдал за нами от барной стойки. Знал ли ты тогда, что камень попадёт под колесо машины Арно? Конечно, знал. И ждал. Закон Архимеда в переносном смысле: люди нас покидают, потому что кто-то лучший, тот, кто сильнее и ближе, и предназначен нам, вышел навстречу. Дождь переполняет чашу, завтрашняя вода выталкивает сегодняшний день.

– Маугли, – выговаривал мне Арно, – тебе как будто не по себе со мной рядом.

– Меня нет.

Спустя много лет посмотрела «Внутреннюю империю» Линча: «Это больше, чем любовь!», – и дальше – кусок сериала о кроликах – низшем звене в пищевой цепочке. «Она теперь высоко над печальными днями», – звучит в финале. Можно раствориться в другом человеке, если знаешь, что после того, как вода испарится, от тебя хоть что-то кристаллизуется на дне бокала. Не превратится в пар. Хемингуэй писал: «Земля пльвёт три раза»¹⁰⁴. Три! Максимум. Два я уже израсходовала. Третьего не дано. В жизни всегда есть выбор: либо теряешь себя, либо тех, с кем плыла земля, либо уйти, либо остаться. «Хотя тебе было бы бесконечно легче просто неудержимо хотеть остаться»¹⁰⁵.

Теперь мы все – над печальными днями. Мы же не люди здесь. Смотрим в глаза, но любим не человека, а воспоминание о нём. Ревнуем к прошлому, «прожитому тобой без меня», где не только наши пути не пересеклись, но и на карте твоей меня ещё не существовало. И если нам позволят встретиться в следующей жизни, боюсь, придётся познавать друг друга заново. Неужели от тебя сохранилось лишь имя, зашифрованное в коде от сейфов гостиничных номеров? Буквы без труда переводятся в цифры, если использовать латиницу. «А», к примеру, перевёрнутая римская пятерка, «О» – нолик, а «М» – тройка на четвереньках. У Арно был треугольный номер телефона в Сочи, и я унаследовала треугольники – мучительные невозможности выбора. Твоё имя раз за разом перечёркивает моё прошлое крест-накрест. Ты – крестonosец. Напиши мне на зеркале, дождём на окнах, кругами на воде, ветром на песке, огненными брызгами лавы, гранатовым стеблем на остывшем пепле, мелом на городских стенах, неоновой вывеской ночного кафе, бегущей строкой Euronews... Напиши! Хочу знать, что ты рядом со мной.

¹⁰⁴ «По ком звонит колокол».

¹⁰⁵ К. Кастанеда. «Активная сторона бесконечности».

«Я не вынудил ни одного человека заплакать». А ты плакал обо мне, Аморген? Когда блуждала по лабиринтам чужих снов, и ни ты не мог предвидеть, ни Псы предсказать, вернусь ли. Нет? Вот и я пролила свою чашу. Понимаю, не по-мужски. Но ты же – поэт! Поэт – вне пола и возраста, вне времени и пространства. Поэт может и должен рыдать в голос. А ты молчишь. Что ж, не будем об этом.

Мне нравится любовь женщины к мужчине на расстоянии: нежная и тоскующая, бесконечное ожидание Сольвейг. Без ссор, бытовой неустроенности и собственнических инстинктов, когда не перехватывают руку на полпути к прикосновению. Такая любовь живёт на кончиках пальцев. У неё больше жизни, чем у кошки, и целое море слёз. Меня восхищает, когда мужчины любят друг друга, на равных, взаимно дополняя, как Рембо и Верлен: один знал, что сказать, другой – как, «я красил гласные, ты музыку искал в словах». Бесшовный андрогин, а любовь – «жажда целостности и стремление к ней»¹⁰⁶. Мне омерзительны женщины, не сумевшие дождаться мужчин, слипшиеся друг с другом: личинкам не суждено стать бабочками. Но хуже всего любовь мужчины к женщине вблизи: благоговейно снисходительная, коллекционера к вещи. Никогда-никогда-никогда не признает её ни равной, ни достойной, ни единственной, ни последней, и как малый ребёнок, катая машинку по полу, мечтает о новой модели.

За бесчисленных любовниц Диего Ривера оправдывался советом врача: «По состоянию здоровья подобное разнообразие необходимо».

– Пусть так, – сказала Фрида. – Мне не нужна твоя верность. Мне нужна твоя преданность. Ты будешь преданным?

И он был с ней во всех начинаниях и до конца. Преданность и есть главное качество золотого сердца. Когда можешь отбросить мелкие обиды и прийти на помощь. Не могу ею похвастаться. Любые бескорыстные желания убивает страх быть отвергнутой. Чёрт возьми, родной город выгнал меня! Как же мне не бояться? А преданность – без страха. Да, у этих двоих была идеальная любовь: живая, но без расколов и наспех замазанных трещин. Судя по автопортретам, Фрида, как и Рембо, была всеми и никем одновременно, ей всегда было кого писать, ни разу не повторившись. Настоящей любви присуща необратимость, как и смерти. Отец меня очень любил, везде носил на плечах и называл «чемоданом без ручки». Наш город так и не простил нам его смерть, стёр с карт и себя, и всех нас. Не могу сблизиться ни с одним мужчиной, потому что сравниваю их взыскательную, вечно голодную любовь с его всепрощающей и отдающей.

Мокрая собака дрожит у кафе. Заглядываю ей в глаза. Прижимается ко мне, и несколько шагов идём рядом, чувствуя друг друга. Почему меня нельзя любить, как эту собаку, за то, что когда-то шла рядом? В разных и никчёмных жизнях меня любили музыканты, поэты, художники, герои, титаны, ангелы, боги. Им нужна хрупкая, трепещущая на ветру муза. Я была ею. Флейтой, поющей струной. Зеркалом их иллюзий: каждый смотрел в меня и видел то, что хотел. И все они чего-то добивались, барахтаясь в волнах прибоя, требуя того же и от меня. А я смотрела на море. Знала: войду в воду – почувствую жизнь и перестану её замечать. Пока расталкивают друг друга локтями, чтобы заплыть подальше, солнце сядет, и никто из них так и не поймёт, как прекрасно море на закате. А я смогу дождаться и увидеть багровый свет сквозь дождь.

¹⁰⁶ «Пир». Платон.

В чаше небесной – кровь Диониса, в чаше земной, на столе, – вино. Если и в третий раз расплещу любовный напиток, никто не поверит в случайность. Хочешь – не хочешь, а чашу – до дна.

Чашей возможностей мне чудился город. Сияющим звонким бокалом из горного хрусталя, где на дне по ночам просыпались пленительные огни фонарей, витрин и неоновых вывесок. В город стремились все: бродяги, монахи, философы, воины, разбойники, торговцы, безработные, ремесленники, безумцы. Огни манили и обманывали всех без разбору: и странников, и горожан. Разбитые сердца склеивали, как фарфоровые чашки из прабабкиного сервиза, скрывали за стеклом сервантов в гостиной и шагали дальше по улицам и проспектам. Жизнь – тот же покер: нет плохих и хороших, заслуживших и недостойных, есть игроки. Победители и побеждённые меняются местами в зависимости от крупье, распечатавшего колоду. Счастливая карта – от Бога, а беды раздаёт Дьявол. Тащи карту, Ульвиг, тебе не дано угадать, чьё лицо под маской сдающего. Будь ты хоть семи пядей во лбу, без приглашения в банкетный зал не пропустят, да и горе не возмездие за грехи: зачастую страдают честнейшие благородные люди, а подлецам и бастардам всё сходит с рук. Можешь сбросить карту, не глядя, или повысить ставку – вслепую. Пророку не место за игорным столом, его повесят на дереве за ногу, головой вниз. А тебе стоит попытаться приручить удачу верой в себя и в лучшие времена.

Я извлёк урок из миража наизнанку и на этот раз всё сделал правильно. Вошёл в город незаметно, с подветренной стороны, где Флегетон западает за край: взгляды живущих всегда обращены на восток. Сверху, из окна, огненная река виделась лавой, востекающей из жерла вулкана, а внизу оказалась потоком рубиновых фар мчащихся автомобилей. Скоростное шоссе делило город на северную и южную части. Южане рвались на север, северяне – на юг. Плата за переправу через шоссе предназначалась светофорам, но они были сломаны: монетки кидали так часто, что переключатели света с красного на зелёный перегорели. Люди же, рискуя попасть под колёса машин, продолжали перебегать на ту сторону. Людям непременно нужна та сторона, где их нет. Я починил проводку и выгрёб мелочь – свою первую добычу. Не золото, но на несколько обедов в ресторане, новый костюм цвета кофе с молоком и номер в недорогом отеле хватило. Так я и стал хозяином радужного моста: деньги кидали не в прорези на столбах светофоров, а в мою внушительных размеров чашу. И вряд ли кто-нибудь вспомнил бы, что когда-то было иначе. Самое время начинать прикармливать удачу, самое место понять её суть в сердцевине чужих дорог и страстей. Наблюдал за прохожими, подслушивал разговоры, подсматривал улыбки и рукопожатия, улавливал настроения. Человек не живёт в пустоте и не принадлежит себе, а всегда действует внутри той или иной истории, желая вписаться в поворот событий и ожидая одобрения окружающих. И если предположить, что счастье – гармония с миром, то нужно знать, где и как искать его здесь и сейчас, в городе, где нахожусь, рядом с теми, кто изо дня в день держит путь на север или на юг мимо меня.

На первый взгляд в их курсировании туда-сюда не было никакого смысла, но вскоре я ощутил силу рутины: всякий переходящий шоссе думал о том, что ждёт на другой стороне и ни о чём более. Прошлое севера, как и будущее туда возвращение, застилал зелёный свет на юг. Пешеходы чувствовали себя маятниками, забыв, что часы их не вечны и однажды хождение прекратится. Воробьиные шажки повседневности заглушали неотвратимую поступь смерти. Они и не знали, что ежегодно в автокатастрофах погибают сотни горожан и миллионы по всему миру, не замечали мигалок и сирен скорой помощи и дышали ровно, как спящие в колыбели: вдох-выдох, вперёд-назад, север-юг. Медленно и неизменно. Буднично. Город на шоссе напомнил мне город над морем, откуда мы отчаянно пытались сбежать, с той лишь разницей, что птицы здесь летали по небу, а не прятались под мостами. В городе над морем строили фонтаны под дождём и не могли толком объяснить зачем, здесь же маялись меж завтрашним днём и вчерашним, тщетно пытаясь догнать если не других, то хотя бы себя. Человек устремлён в будущее, под светофором он уже не семьянин-северянин, поцеловавший у порога жену на прощание, а неутомимый работник юга, истово продаёт зеркала или старательно прилаживает набойки на сапоги. Дом – работа, север – юг. Повторяемость создаёт ощущение безопасности, как во сне, когда знаешь, что проснёшься. У дороги никто из них не догадывался о себе настоящих, видели свои копии, маски – потерянные на вчерашнем маскараде или ещё не раскрашенные и не покрытые лаком к завтрашнему. Моя переправа была их сном – коротким беспомыслием между закатом и рассветом. Или жизнью? Родившись, человек начинает движение к смерти, ускоряясь и порой не вписываясь в повороты, но так или иначе настигает её в конце пути. Уходит в рассвет, ступая босыми ногами по прохладной росе. И никто уж не вызовет в горящих факелов круг. При жизни человек несётся по кругу, а после неё бродит кругами, как в Аду у Данте. Из дома в дом, из города в город.

Почему все города на том и на этом свете так похожи? Не потому ли, что люди не способны сочинить новый миф, не повторив почти слово в слово предыдущий? Множатся отражения, но свеча в зеркалах одна. Кто зажжёт её? Почему в христианском Аду текут языческие реки: Стикс, Флегетон, Лета? Сидя у окна в зелёной комнате, надеялся на искупление: Флегетон смывает кровь с рук убийцы. Лавовый поток состоит из элементов ядра и мантии Земли, чем не река Аида? Но огненная река превратилась в Лету и вместо очищения подарила забвение: источник у них один – слёзы Критского Старца. Вода. Зеркало времени, отражавшее теперь и меня. Я стал частью города, и нужно было завоёвывать признание общества. На пересечении дорог без труда заводят знакомства. Приглашали на торжества и в гости, втолковывая, что костюм цвета кофе с молоком годится для званных обедов, а к ужину прибывают во фраке, что существуют приличия, мода, мораль и правила поведения, а главное в жизни то, что скажут или подумают обо мне другие. Старался и соответствовал. Выучил по именам лучших портных города, опаздывал на светские вечеринки ровно на принятые десять минут, смеялся в общем хоре над непонятыми шутками и лил крокодиловы слёзы вместе со всеми. Легенда о том, что крокодил оплакивает жертву, поедая её, красивая, но всё же легенда. Слёзы – защитная реакция организма, избавляющая от переизбытка солей. «Вы – соль Земли»¹⁰⁷. Поплакал, и отлегло, полегчало. Человек для себя – тяжёлая ноша в пути. Наедине с собой он –

¹⁰⁷ Нагорная проповедь. Евангелие от Матфея. 5, 13-14

сплошное сомнение без чётких границ и очерченных контуров. Куда как проще отдаться на растерзание Другому – вору, «украдившему меня у меня»¹⁰⁸, освободившему от бремени самопознания. Тысячи глаз наблюдали за мной ежедневно, их выражения служили ориентирами определённости: чувствовал стыд или гордость за свои поступки, испытывал страх, предвкушал награду, предавался тщеславию. Был своим в стае. Все мы ищем сопричастности и признания. Шагаем в центр круга, где горят факелы, чтобы не раствориться тенью во тьме за его пределами, не исчезнуть, как исчезают изгои, когда их вымарывают из всевозможных списков. Рядом с другими я был постижим для самого себя. Жил налегке, переложив львиную долю своей ноши на чужие плечи. Находил оправдания в чужих глазах. Струсил? – в меня и не верили; выиграл? – подсказали как; потерял? заблудился? – не уследили. А если внутри вспыхивали мучительные вопросы без ответов, озирался по сторонам и сталкивался взглядом с прохожим. Ответ зажигался в его глазах, как красный или зелёный свет светофора.

Однажды, возвращаясь из гостей, переходил шоссе. Остановился у светофора переключить свет и ... физически, до жжения в позвоночнике и затылке, ощутил чей-то взгляд. Обернулся. Позади меня был магазин модной одежды: расфуфыренные Моны Лизы в витрине с разных ракурсов смотрели в одну точку – мне в затылок. Показалось, ещё немного и волосы мои загорятся. Словно манекены возомнили себя символом городского сообщества: всевидящее око, коллективное сознание, сеть. Неужели это и есть Бог? – подумалось мне. Зеркало, где хранятся и множатся наши отражения? Клей, соединивший кусочки мозаики? То, что не даёт реке распасться на капли? Гален считал нервную систему человека Древом жизни, нет, она – ветка. Древо жизни – наша взаимосвязь, телепатия, способность видеть себя глазами посторонних, когда «каждый есть другой и никто он сам»¹⁰⁹. Вездесущая неизбежность кар и воздаяний для всех без исключения. Когда виновен в плохом ли, хорошем ли означает жив. Ты – причина событий в жизни других, точка отсчёта линий их прошлого. Исчезни, выйди из круга и погубишь не одного себя, но и тех, для кого держал факел. Ни встречу, ни смерть отменить не позволят: твоё время принадлежит другим.

А что чувствуют тени? Вопрос, как маятник, не давал покоя ни днём, ни ночью. Тень сама меня отыскала.

– Выбор не совершается в одночасье, – сказал незнакомец, – его долго носят в себе, пока сок не забродит в вино, броуновское движение частиц не застынет, а то драгоценное, что скрывалось на дне бокала, всплывёт на поверхность, и пазл сложится вмиг.

Ни драгоценностей, ни денег у него не наблюдалось. Нищий бродяга в шитом-перешитом на локтях свитере, широченных штанах, подвязанных на поясе пеньковой верёвкой, и пыльных ботинках. Лицо невозможно запомнить, будто тысячи дождей и ветров стирали его черты. Охрипший от проповедей или пения блюза. Выжженный горькой настойкой. Возраста вневременных лет. Пришедший откуда не возвращаются. В качестве платы за переправу предложил сыграть в карты. Я согласился. Никогда прежде мне так не везло: долгожданное каре, все четыре туза в руках – с первой же сдачи! От радости подскочил на месте, бросил карты и собирался зажечь бродяге зелёный свет. Побеждая, легко быть великодушным и щедро прощать долги.

¹⁰⁸ «Бытие и Ничто». Жан-Поль Сартр

¹⁰⁹ «Бытие и Время». Мартин Хайдеггер

- Не верь удаче, Ульвиг, - усмехнулся он и выложил на асфальт свои карты. Кресты роял-флэш¹¹⁰ поплыли перед глазами, как могильные сквозь слёзы на кладбище. Королевская комбинация в покере.

- До тех пор, пока в колоде жизни присутствует джокер, тебе не обыграть судьбу. Посмотри на него внимательно, неужели не узнаёшь?

Карта зеркально переворачивалась: саркастическая улыбка фокусника и мага вверху отражалась страдальческой гримасой повешенного¹¹¹ внизу.

- Они - суть одно целое. Сила пропорциональна жертве. Тот, кто способен пожертвовать всем, обретает всё. В городе возможностей они так и остаются возможностями, нераспечатанными письмами, неразгаданными символами. Не заметил, сколько деревьев цветёт в округе? А где же фруктовые рынки? Почему даже яблони не плодоносят?

Я не смог бы сказать, сколько времени провёл в городе, но после весны здесь сразу наступала зима. Цветы и зелёные листья не опадали: тонкий слой льда надёжно хранил их до следующей весны. А привычка вынуждает воспринимать абсурд как должное.

- Нельзя вечно сидеть у переправы, Ульвиг, тем более, если не родился её хозяином. Никого не обманешь, кроме себя.

- Что же мне делать?

- Идти дальше. Искать ответы. Ты вошёл в город с запада, поднимался вверх по руслу реки и ни разу не заглянул на другие его окраины. Ухватился за первую попавшуюся возможность, не исследовав остальные.

- А зачем? И так живу в средоточии путей, в центре мира, куда стекаются все городские и запредельные вести.

- Вестники не всегда честны, они преувеличивают, приукрашивают события и множат слухи, от таких новостей один вред.

Признаться, я и не мог покинуть свой пост надолго: если на переходе скапливалась толпа, люди начинали нервничать, а мне не хотелось их злить понапрасну. Кто я такой, чтобы перечить воле случая, отказываться от подарка судьбы? Я был нужен горожанам и тем счастлив, могло быть и хуже.

- Дары судьбы не всегда дары, напротив, зачастую они - испытания. А лёгкий путь, как известно, ведёт в никуда. Никому изначально не уготована участь наёмника. Не накопив, нечем делиться. Без понимания чего хочешь сам, не получится служить другим.

Он был прав, этот нищий бродяга, я так ничего и не достиг, меняя безвременья, словно дешёвые цирковые декорации. Кем я был, есть и стану определяли те, кто держал в руках нити времени, моё же вечно путалось в клубок, затягивалось в тугую узел, рвалось в неожиданных и неподходящих местах.

- Все чужие города похожи друг на друга. Твоею неприкаянностью в них. Невозможностью пустить корни.

Вспомнились перекасти-поле, мёртвые цветы пустыни. Отовсюду она простирала ко мне руки - песочного человека, танцующего во сне над барханами,

¹¹⁰ Роял-флэш - самая старшая комбинация в покере: туз, король, дама, валет, десятка одной масти. Джокер заменяет любую карту в комбинации, в данном случае - туза.

¹¹¹ Одиннадцатая карта Таро - Сила, а противоположная ей двенадцатая - Повешенный, воплощает идею жертвы, т.е. того, что даёт силу. Чем больше жертва человека, тем большей будет его сила.

воина без сил и меча, чести и доблести, странника без пути, чьи следы замечает ветер. Перекати-поле, как и я, были её пленниками: бескрайние пески безысходны. Монотонный пейзаж жесток в молчании, но тень не предаст, укажет на стороны света, где бы ни находилась: впереди, позади, справа, слева, наискосок.

И тень повела меня. На север, где, согласно легенде, на ясене висит Бог. Бог ли он на самом деле, никто из горожан не ответил бы наверняка. Одни утверждали, что он – беглый преступник, подвешенный за ногу на дереве за свои злодеяния, другие считали его пророком, которому ветер нашептал великие тайны земли, а их опасно знать простым смертным. Третьи говорили, воскрес и вернулся в свой северный край, туда, где со всех сторон окружает юг, а на дереве болтается ненужное, истлевшее тело, будто он – змей, сбросивший старую кожу. Четвёртые, что повешенного забальзамировали живьём, сотворив из него памятник страху и боли, и по ночам до сих пор слышны его стоны. Говорили многое, и слова превратили минувшее в миф.

Я разглядывал чёрный иссушенный ветрами ясень. Семя упало на крышу дома, но выжило. По мере роста корни тянулись к земле сквозь щели в каменной кладке, оплетая и разрушая дом, лишая его собственных сил, сливаясь с ним в одно существо, становясь единственной опорой. Подобное часто происходит между людьми, дом и дерево – символ человеческих отношений. Сначала не замечаешь, как прорастают у тебя внутри, а потом рубить уже поздно: вы – нераздельны. То же самое происходило и со мной во всех городах из жизни в жизнь.

– В этом доме родился повешенный, – рассказывал бродяга, – и росли они с деревом вместе. Проснувшись утром, будущий пророк обрубал корни, прорвавшиеся за ночь сквозь потолок, не давая дереву шансов заполнить комнаты. Но корни ползли снаружи и сквозь стены, опускались живым занавесом на окна, скрадывая дневной свет. В день, когда ясень достиг земли, пророк залез на крышу, намотал конец бечевы на ветку, затянул петлю на ноге и прыгнул вниз.

– Почему? Понял, что дерево победило?

– Нет. Он понял, что сила – в корнях.

*«... висел я
в ветвях на ветру...
посвящённый Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых...»*

– строчки «Старшей Эдды» закружились в голове листьями ясеня. Последний листопад. Будущими вёснами дерево не зеленело и не цвело. Незачем. Повешенный вниз головой перевернул мир и обрёл свободу. Дом, город, жители утратили над ним власть. Убив себя, он убил их всех. Свободны только боги, и он стал богом – для себя. Наверно, это и есть вечное возвращение. Домой. Я пересёк горы, реки, моря и пустыню, покинул родину Одина, чтобы встретить его в другом облике в далёком краю. На земле мы все – чужестранцы, важно лишь то, что несёшь с собой в рюкзаке. Простые символы, заключённые в рунах, таро, иероглифах, пиктограммах... Ключи, что помогут вспомнить, кто ты и откуда пришёл. Мальчишкой в Праге рисовал на запястьях крестики, ромбики и кружочки. Сами по себе они ничего не значили, но рисуя, воображал, что должен

сделать и чего нельзя забывать, а взглянув на руки, вспоминал об этом. Руки всегда перед глазами, если не связаны за спиной. Иногда целая цепочка событий умещалась в одном кружочке, и память раскрывала его, как цветочный бутон. Времена текучи и переменчивы, религии пересекаются и скрещиваются, а тайные знаки переносят воспоминания из жизни в жизнь. Подними с земли такой символ и получишь себя у судьбы обратно. Бессмертным.

Ещё раз взглянул на Бога: ветер крутил и раскачивал его кости, обтянутые кожей, как невесомую верёвочную лестницу на дерево и дальше – в небо. Вот что произошло в тот день, когда он повесился. Бог ли, пророк, злодей, кем бы он ни был, случайно захлопнул дверь снаружи, а ключ остался внутри. Запер свой дом от себя же.

Я разбежался и вышиб плечом обветшалую дверь.

Эпизод 3. Огонь

В доме лил дождь. Капли падали с потолка, струились по стенам, тушили свечи. Мне снился сон о другом доме. Доме скульптора на земле. Ты привёл меня туда и ушёл. А мы остались стоять с ним вдвоём на пороге комнаты с высокими потолками и огромным столом с застывшими стеклянными птицами – красивыми, разными. Мне понравился маленький дрозд из зелёного стекла, словно из малахита. Его трудно было рассмотреть за другими птицами, раскинувшими крылья, и я потянулась взять его в руки. Столешница покачнулась, и птицы рухнули на каменный пол, разбились – вдребезги, в осколки, в стеклянную пыль. Скульптор молча покачал головой и отвернулся. В профиль заметила, как он похож на тебя, Аморген! Те же усталые уголки глаз, тёмные завитки волос на висках, резкие нервные скулы. Птицы были трудом всей его жизни. Ничего не вернуть, не исправить. Поступок не имеет прощения. Сжимала зелёную птичку в руках и плакала. Первое, что услышала, когда открыла глаза, – шум дождя. Он тоже оплакивал птиц. Стеклянные птицы – разбитые мечты? Или наши жизни? Загадала снова заснуть, вернуться в сон и отдать тебе малахитового дрозда. Единственную спасшуюся птицу. Но вернуться не получилось.

– Последние слова должны быть простыми, без пафоса, фальши и лицемерия. Но где найти такие слова? – задумался Арно.

Перебирал старые виниловые пластинки, дождь глухо бил по картонным конвертам, размывая великие имена.

– Может быть, *Lacrimosa*? Напоследок многие хотят услышать «Слёзный день». *«Я умираю, не исчерпав своего таланта. Жизнь была прекрасна, но нельзя изменить судьбу. Никто ещё не отмерил свою собственную жизнь, нужно смириться, всё подвластно провидению»*¹¹².

Тягостные звуки скрипки, подхваченные высокими потусторонними голосами. Идеальные, очищенные от земной радости эмоции. Игла

¹¹² Вольфганг Амадей Моцарт, сентябрь 1791, партитура «Реквиема» прерывается на *Lacrimosa dies illa*.

проигрывателя высекала из пластинки душу, и она текла слезами, смешиваясь с дождём. Прощающаяся и прощённая. Господи, как же мне жаль себя, как мне жаль!

- Я не хочу умирать вот так! Ничего не сделала, не поняла, не успела в жизни!

- Утешься тем, что могла бы или тем, что никто не успел. Конец наступает неожиданно, незаметно, буднично. Жизнь тает, как снег, испаряется, как вода. Никому не наливают полную чашу. Чем-то придётся жертвовать: или любовь, или творчество, или счастье, или покой, или долгая дорога, или дом. Мир строится на жертвоприношении, потому что ничто в нём не происходит одновременно. Когда душа прилетает на землю, помнит всё и сама выбирает судьбу: отказывается от тех или иных глотков в чаше в пользу других, а потом забывает и сетует на свои несчастья. Ваши жизни выбраны вами. Но вы не помните вечности, знаете лишь, что есть время – вчера, сегодня, завтра. И если вчера существует внутри вас, сегодня – вокруг, то завтра не случается никогда.

- Нет, нет! Я не могу уйти. Не могу! Мне нужно вернуть дрозда!

- Маугли, перестань, пожалуйста! Если иного пути нет, смерть принимают достойно. А ты ползаешь по полу, плачешь... Дай мне руку, помогу подняться на ноги. Хватит! Жалко смотреть.

- Ты – жалок, Аморген! Тебе показали полусдохшие цветы в палисаднике? Это и был пересмотр, твой высший Суд. Тебе не о чем сожалеть, вот ты и не плачешь. Взгляни, как протёрт ковёр. Здесь все ползают на коленях, рыдают, вымаливают. Уже понимая: не ускользнуть. Осознав до капли, что не успеть. Перед великим все унижаются, не стыдно быть честными. Ни к чему здесь твои приличия и гордыня. Хуже того – отвратительны!

И Арно наклонился ко мне, утешая, погладил по голове, наполнил чашу вином.

- Пейте и плачьте. Люди невероятно красивы, когда плачут. А красота исцеляет. Из жизни в жизнь вы улыбались и улыбались, пародируя маски шутов. Поплачьте хотя бы сейчас. Стендаль прав, слёзы – высшая степень улыбки. Освобождение души из телесного плена.

- Зачем ты напаиваешь её?

- Пьяная плачущая женщина, что может быть прекраснее искренности? Ты же любишь слова? Их она и оплакивает. Ненаписанные, произнесённые. Отложенные на «когда слишком поздно», и остаётся только звонить в неоновое кафе или в телефонную будку на перекрёстке миров в надежде, что снимешь трубку. Маугли не первый раз в зелёной комнате, просит и всегда получает не то, о чём просит. И она не одинока, не оригинальна. Кто научил вас молчать о сокровенном? Она не скажет тебе «люблю», потому что выбрала мир. Города и лица. И лики статуй, точнее, один лик, невысеченный, затаившийся в глыбе мрамора. Ей рано выбирать дом, не набродилась по дорогам земли.

- Зачем же тогда её мучаешь? Пусть вернётся!

Вернётся, вернётся, вернётся... Холодное эхо капель дождя. Дрожь во всём теле. Тепла, как же хочется немного тепла и солнца! Маленький лучик в окно! И свечи не горят, не согреть руки. Зеленеет немота комнаты в ледяном сне. Малахитового дрозда уронила на пол, густой ворс ковра схоронит его, как трава.

- Почему там, где я, постоянно идут дожди?

- Дождь – слёзы ангелов, мои слёзы по тебе.

– Всё-таки хочешь забрать её?

– Нет, мы больше не встретимся. Я – существо, лишённое времени, ветер, безвольная психофора, ваш проводник. Всё, чего мне хочется, – облегчить вам переход.

Чудеса являют накануне забвения. В одном окне взошла луна, а в другом – солнце. Арно встал в центре комнаты и поднял руки ладонями вверх. Огонь побежал по каплям дождя, как ток по проводам. Солнечный и лунный свет соединились. Струя времени – серебряная и золотая – полилась в обе стороны. Четырнадцатая карта Таро: Ангел, протягивающий нам чаши. Мы – пленники радуги текущего и ускользящего момента, каждый в своём мире, в своём сегодня. Мы не можем ничего изменить. Отказался бы ты от нашего времени, если бы знал, что не выберу? Думаю, нет. Прости!

Вижу себя на палубе спасательного корабля. Вокруг суетятся люди в надувных оранжевых жилетах. Шлюпки с пострадавшими поднимают из воды. Наша история повторяется на разные голоса:

– Паром затонул в нескольких километрах от Кипра...

– Сел на мель, налетел на подводную скалу...

– Пробоина, нижние автомобильные палубы затопило мгновенно, камнем пошёл ко дну...

– Из двух тысяч пассажиров спасены триста семьдесят. Остальных ищут в море ...

– ... паром накренился, многие заперты водой в каютах...

Кошмарный сон без начала и без конца, без пробуждения. Одежда мокрая, зябну на ветру. Ощупываю себя, не могу понять, цела ли. Тело отзывается болью, значит, жить буду. Долго кричу в гул толпы, никто не обращает на меня внимания, потом надо мной склоняется женщина в синей униформе. Записывает моё имя.

– Список выживших? – спрашиваю, – Could I see the list of survivors?

Кладёт мне руку на лоб, вздыхает, уходит куда-то, возвращается с махровым полотенцем и папкой в руках.

– Tell me the names!

Кутаюсь в полотенце, пытаюсь унять дрожь, хриплю ваши имена. Женщина хмурится и качает головой в ответ. Никого из вас нет в списке. Просит не волноваться, мол, скоро остров, окажут медицинскую помощь в больнице, а сейчас лучше не двигаться. Спрашивает, не нужно ли мне чего.

– Mirror!

Дайте зеркало. Удивлённо молчит, пожимает плечами: не на бал едем. Зеркало, – твержу всё настойчивее. Приносит.

Я смотрю в зеркало и в отражении вижу берег. Вот он, финал моего сна.

Дождь прекратился, вспыхнули свечи. В комнате стало светло, но похолодало, пар шёл изо рта. Я накинул на плечи плед, Арно обхватил себя крыльями и съёжился в кресле Маугли напротив меня. Бесприютно сидящий на краешке напоминал нахохлившегося гигантского воробья.

- Альтернатива всегда есть, - сказал он, - Маугли очнулась в параллельном мире, где вы трое погибли, а её вытащили. Море спасает тех, кто носит имя его. Марина. Дар Посейдона. Вернёт настоящее имя, закроет дверь в свои сны, и братство Псов отпустит её. Время залечит боль утраты, ваши лица постепенно исчезнут из памяти.

- Она не была ни в башне мёртвого города, ни в зелёной комнате?

- Нет. В том мире вы расстались с ней на пароме.

- Что ж... Она счастлива там?

- Да, вполне. Выйдет замуж на острове любви, будет жить в доме у моря. Вокруг дома вырастут каштаны. Неспешная жизнь в тени деревьев.

- А как же статуи? Она мечтала быть скульптором.

- Чем плох прибрежный песок? По мне, так жила бы спокойно, искала бы взглядом свечение на горизонте и не находила. Маугли была счастлива на песчаной косе, лепила чешую змея, глотающего хвост. Мгновения, когда пальцы перебирают песчинки, череда дней в безвременье, напрасная, но неисчерпаемая радость. Не суждено. На побережье обрушится гроза. После удара молнии песок превращается в стекло, в зеркало воспоминаний, и люди начинают жить прошлым. Не всех молния убивает, иных делает ясновидящими, наделяет талантом писать музыку, стихи или картины. Озарения. Прометеева искра. Марина вспомнит лик атланта. Попросит мужа купить мрамор и инструменты и обустроить мастерскую на заднем дворе. Через год примет участие в местной выставке с единственной - первой и последней - статуей атланта, сенсацией, ошеломившей зрителей. Весть о ней разнесётся далеко за пределы острова.

- Хотел бы я взглянуть на атланта!

- В прихожей на стене висит зеркало. Встань, подойди к нему.

Зеркало потемнело, покрылось пятнами - патина времени. Долго смотрел в глаза самому себе, предвкушая, что вот-вот начнётся кино о новой жизни Маугли. Но зеркальный экран точно застыл, подёрнулся льдом.

- Эй, оно ничего не показывает! - крикнул в распахнутую в комнату дверь.

Арно засмеялся.

- И не должно. Любовь делает людей похожими друг на друга. В атланте и ты, и зрители узнали себя. Фокусник снял маску и растворился в нас.

- То есть вечная слава? Мечты сбываются?

- Слава не принесёт ей счастья. Дуракам слава тешит самолюбие, а умный человек не может не понимать, не догадываться, что успех - случайная выигрышная карта, и Дьявол потребует платить по счетам. Бесценное заберёт: жизнь, здоровье, любовь, красоту, дом, семью, близких друзей... А самым знаменитым человеком на планете был Человек-Слон: родился уродом, заплатил вперёд. Одарённые не мечтают о славе, лишь завершить начатое, взорваться Сверхновой, высказаться и быть понятыми. Марине тоже придётся вернуть долги: прикосновение к любой твёрдой поверхности начнёт вселять в неё ужас. Фобия столешниц, дверных ручек, подлокотников, стен, пола, каменной мостовой... Отчаяние и невозможность выйти из дома, где ноги утопают в мягких коврах. Муж будет носить её на руках до пляжа с рыхлым песком и обратно до постели. Незавидная участь, не так ли?

- И дорога моя сожжена, - вспомнил любимую фразу Маугли, - жаль, что лепила с меня, по памяти. А я не могу ей помочь.

– Можешь думать и так, наслаждаясь чувством вины. А можешь помочь. Эвридика вернулась и ждёт Орфея. Давно пора переписать миф. Для любви живой человек не нужен, нужна иллюзия, мечта о нём. Будете догонять друг друга из жизни в жизнь, искать и узнавать в разных телах, заново зажигать радуги. Любишь не человека, а чувства к нему...

– Постой, так я не последний рождённый?

– Выпей из чаши. Что в ней?

Зубы стукнулись о железный край, отхлебнул вязкой горечи.

– Гранатовый сок!

– Перерождение. Я же сказал, альтернатива всегда есть. Кому ты там нужен, в свете, со своими цветочками? Будешь вертеться на чёртовом колесе жизней, пока не дозреешь.

И Арно заходил взад-вперёд по комнате, выискивая что-то взглядом на полу.

– Где же он?..

Смотрел на него и не мог выдавить из себя ни звука. Израсходовал последние силы, волю, мысли – всё своё существо до вздоха, до капельки пота и молекулы крови, готовился с честью пройти по мосту над рекой времени. Ни о чём другом и не думал, не жалел себя более, самому себе стал посторонним. А сейчас у меня перед носом сожгли этот мост со словами «прогуляйся по окрестностям, погода хорошая». Так чувствовал бы себя Иисус, если бы Пилат не умыл руки; смертник, на чьей шее вдруг оборвалась верёвка; герой, чьи подвиги и войну позабыли; неизлечимо больной, простившийся с родными и написавший завещание, которого внезапно объявили здоровым и просят прощения за ошибку в диагнозе.

Поднял и протянул мне малахитового дрозда.

– Вернули тебе психофору. Цветные сны всеильны. Придёшь на землю, не обижай дроздов, твой ангел если и примет, то его обличие.

Птичья фигурка плясала в негнущихся непослушных пальцах. На миг ощутил себя человеком. Закипает летняя ночь, черна и душиста, как смола. В замочную скважину неба глядит, не мигая, на парк жёлтый глаз луны. Светлячки в аллеях – лунные слёзы. Стрекохут цикады. Где-то вдалеке плещется море. На холме над парком высится незнакомый город. Жаркая тишина, пронзённая ожиданием. Услышу ли голос дрозда? Говорят, иногда они поют по ночам. О чём можно петь и чего ждать в полнолуние, как не встречи, страшного и счастливого рубежа, разделившего жизнь надвое, на «до» и «после»?

*В день, когда опрокинется небо,
и каштаны зажгут по тебе свои белые свечи,
Я пойду за тобой без оглядки,
постараюсь не отставать.
И пусть наши следы замечает ветер,
будет тени хранить раскалённый асфальт
городов, где нас видели вместе.*

– Как мы встретимся?

– Ты излечишь её от болезни.

– Я буду врачом?

- Нет, её сыном. Любовь к ребёнку для женщины – новый мир, смысл и дыхание жизни, исцеление от болезней и бед, путь искушения, безусловное счастье. Теперь она будет обучать и утешать тебя, побеждать и ошибаться вместе с тобой, засыпать и просыпаться рядом, яростно защищать, слепо верить в твою исключительность, жить твоими мечтами, слезами, улыбками. Ты будешь для неё всем. Назовёт в честь поэта, сохранив твоё имя. Материнская любовь – самое жертвенное, самое искреннее из всех чувств на земле, чистое пламя. Жаждал любви? Обретёшь лучшее её проявление, познаешь её бесконечность.

Невыразимо то, что я пережил. Пожар в голове и в сердце! Огонь от свечей перекинулся на занавески, заскользил по полу, с треском обгладывал стены.

- Пройдёшь сквозь огонь и забудешь всё, что узнал. На земле никогда не смотри на пламя. Огонь возвращает память, а тебе грозит эдиповым ослеплением.

Дом и мы в нём сотканы из огня – единственной возможной материи. Закрыв глаза и впустил его внутрь. Чудеса случаются, когда не поможет ничто другое.

Абсолютный свет есть тьма. Тьма взорвалась огнём, исторгла из себя частицы света.

Первая жизнь зарождалась вслепую, и только спустя миллионы лет у жизни появились глаза, чтобы увидеть свет, и ещё миллионы лет, чтобы обрести язык и молвить слово о нём. Но настоящий ли это свет, созданный словом? В мире, где неназванных не существует, слова наделяют смыслом явления и предметы. Не превращают ли слова нашу жизнь в миф?

Первыми словами были любовь и смерть, а между ними возникло время. Длина секунды – неглубокий вздох. Если время зависит от нашего восприятия, успеем ли мы надышаться?

У моря вкус крови и слёз. У горя запах пепла. Нет точного антонима к слову «боль»: покоится неживое. Войны не прекратятся, потому что время – это война. За прошлое и против него, чтобы забыть и начать всё заново. Потому что любовь – это война. За любимого и против него, чтобы сохранить себя. Борьба женского и мужского, сердца и разума, души и тела, чаши и меча. Счастье даётся в секундах единения. Самые глубокие раны наносит оно – никогда не повторяется, заключая нас в прошлом и подменяя жизнь воспоминаниями.

В мире есть те, кто черпает из света, и те, кто черпает из раны. Те, кто боится огня, и те, кто видит с закрытыми глазами. Плотная ткань любви, как и ненависти, со временем истончается, и человек предстаёт перед нами таким, как есть. Одиноким снаружи, пустым внутри. Вечная тоска по недостижимому идеалу – чаше, наполненной до краёв. И как можем, наполняем друг друга, боимся растаять призраками в щемящей дробящейся на осколки пустоте. Хватаемся за руки – ощутить себя в тебе и вновь обрести тело, мир вокруг, жизнь.

- Я думал, мир – лабиринт, где я – Тесей, душа – Ариадна, золотая нить – мой внутренний голос, Минотавр – вселенское зло, а жизнь есть преодоление, путь к свету. И нужно крепко держать нить в руках, чтобы найти выход. Но мир – колодец, где Ариадна бессильна, если нить оборвётся, и нет выхода, кроме как на небеса, где дрожат звёзды. Шаришь руками по стенам в полной темноте, и

холодные гулкие капли – мои дни – ударяются о каменное дно колодца времён. Мерно, безостановочно, душно, страшно.

– Тёмный колодец не мир, а ваши тела. Когда люди утратят все чувства, войны иссякнут. Но есть и другой путь – слиться в одно существо. Выбирать вам.

Чередой жизней повторяет череду дней. Есть серые дни, пролетают как тени, ничего после себя не оставив. Есть ключевые жизни-события, способные повернуть время вспять. И есть жизни-перекрёстки, когда душа раскалывается надвое. Непреходящий сон о предательстве и убийстве, о победе и возвращении. На перекрёстках дорог кочевники построили города и потеряли в них душу. Ты не помнишь аромата белых цветов: города пахнут пылью и сжигаемым топливом. И не слышишь мой голос в разноголосице: в театре глухих все говорят одновременно, хохот, крик, плач, шум, музыка... Никто не молчит – в тишине проснётся душа, тишина чревата болью вины. В городах верят абстрактно, а живут отвлечённо. Незнакомцы друг другу, чужие себе.

*«Да не восстанет сердце моё, чтобы противостоять мне на Суде».*¹¹³ Ты отрёкся от сердца, запер свой дом, а ответы ищешь в глазах посторонних, переключившись свою ношу на плечи других и рвёшь нашу нить, задуваешь свечу. Крестики, треугольники, кружочки на запястьях, дневниковые записи – нелепая попытка воскресить тлеющее время. А сколько было непомянутых, незаписанных мгновений? Забвение и есть смерть. Что возьмёшь с собой в новый мир, если половина твоего времени удалена из памяти и мертва при жизни? Почему мы все так одиноки, несчастны, разобщены, но так несвободны и зависимы друг от друга? Что мешает реке распастись на капли, что не даёт капле ощутить себя рекой? Реален ли мир, если реальность зависит от наблюдателя, а мы отражаемся в его глазах?

Вездесущий взгляд Моно Лизы напомнил тебе всевидящее око. Возможно, великий Леонардо увидел Бога в глазах любимой, а возможно, увидел истину в её улыбке. Так улыбаются античные статуи, так улыбаются влюблённые и умирающие – те, кто был близок к небытию и преодолел время. Так улыбнётся тот, кто вернётся домой после долгих мучительных странствий, тот, кто обрёл весь мир – уже навсегда. Улыбка пробуждения от спячки повседневности и гипноза безжалостного наблюдателя, меняющего нас взглядом, крадущего нашу жизнь. Улыбка освобождения из клетки плоти и от страха её неминуемого разрушения. Улыбка прощания с одиночеством.

Когда-то ты предал мечту и вместо цветущей саванны увидел пустыню. Застыл на пороге пещеры теней и смотришь, как ветер замечает следы на песке. Жизни плетутся, тянутся сумбурным тоскливым ожиданием и исчезают бесследно. Они так и будут петлять, возвращая тебя к выходу из пещеры снова и снова. А выход один – шагнуть в пустоту, за пределы экрана с немимым чёрно-белым кино. Без времени сны повторяются до бесконечности. Уродливое лоскутное одеяло, бессмысленная мозаика городских улиц, бездна, поглотившая все лица на свете.

– Нельзя слишком долго всматриваться в неё, не сможешь закрыть глаза и проснуться.

Твой перекрёсток, где люди идут мимо нескончаемым потоком, где вдруг осознаёшь, что тебя давно нет среди них, тебя нигде нет. И мне не найти, не догнать тебя. Бескрайние лавовые поля, где ничто не цветёт, дома погребены под

¹¹³ Заклинание сердца-души Эб. «Египетская книга мёртвых».

пешлом, не поют птицы, никто не смеётся, не слышно голосов, а мой крик тонет в пронзительном свисте и плаче ветра. Точку ставит усталость, когда нет сил идти, и понимаешь, не достичь горизонта – он всегда удаляется. Ульвиг, я – твоя Ариадна-душа. Я несу свет. Наши судьбы отражают друг друга, как зеркало, они – миражи наизнанку. Мы и есть твой переворачивающийся Бог, одно целое.

– «Да не будет разделения между мной и тобой в присутствии того, кто хранит равновесие!». Пока есть двое, притяжение и связь между ними, мир устоит, уцелеет. Простая, но совершенная формула гармонии. Вы должны уйти вместе, чтобы половинки расщеплённой души соединились, а звезда изменила цвет.

Ты взял меня за руку. Ангел взял нож. Полосовал себя ножом, как средневековые медики трупы в надежде найти душу. Чувствуют ли ангелы боль так, как её чувствуют люди? Есть ли у них душа? Неужели ангел тоже устал и мечтает стать человеком, чтобы обрести время?

Картина четвёртая: «ЦВЕТЫ ЗАБВЕНИЯ»

(натюрморт)

Эпизод 1. Пепел

Темноту разрезали полосы света. Умереть во сне и... проснуться. Не понимать, где ты и кто. Вглядываться в потолок с паутиной острых изогнутых трещин, как в разбитое зеркало. Потолочная известь – белый лист с испарившимися чернилами. Такое зеркало не отражает лица, ни моё, ни чьё бы то ни было.

Незнакомая комната качается из стороны в сторону. Вырвать из вен иглы капельницы, шатаясь, как на палубе в шторм, подойти к окну. За окнами февраль стрижёт бумагу – белые-белые хлопья снега, маленькие истребители. А я помню дождь. Где я была всё это время? Метель. Кружит-кружит до тошноты, и снова темнота. Нет, не сон, обморок.

Больничная палата похожа на старый корабль, дрейфующий без управления меж водянисто-зелёных стен. Ухает, воет, скрипит всеми мачтами и вот-вот налетит на айсберг. Мою команду давно смыло в море, и я одна на борту.

– Вы в нейрохирургическом отделении, – сказала медсестра, помогая подняться с пола и добраться до койки.

– Что со мной произошло?

– Андрей Николаевич, ваш лечащий врач, всё объяснит.

Врач сказал, что уже конец апреля. Весна в этом году медлительная, ленивая, метёт за окнами, как в феврале.

Мой корабль, оказывается, на всех парусах мчится в лето. Сколько же я спала?

- Вам повезло, Кира, - сообщил он, - недолго спали, не прошло и года. Некоторые спят всю жизнь, просыпаются молодыми, стареют за несколько дней или месяцев и - в гроб. Не жизнь, а репетиция смерти. Летаргия - малоизученная болезнь, до сих пор никто не умеет её лечить, ждут, когда пациенты очнутся сами, искусственно поддерживая жизненные процессы.

- Летаргия? Но почему это случилось со мной?

- Причин множество. Переутомление, нарушение режима сна. Или вы, к примеру, болели ангиной?

- А кто не болел?

- Одна из гипотез - стрептококковая инфекция мутирует и поражает мозг.

- Тогда любой может заснуть и не проснуться.

- Может. Но к счастью, летаргия - редкое заболевание, за последние годы всего тридцать зарегистрированных случаев в мире. Я считаю, все болезни от нервов. Вы пережили что-то серьёзное, травму, стресс?

Колотый лёд. Повседневные ранки не затягивались. Не заметила порезов и истекла кровью, не залатала пробоин, и корабль потянуло ко дну.

- Я была несчастна. Хотела уйти.

- Мысли о суициде?

- Нет! Это убило бы моих родителей. Я люблю их. Нельзя покидать тех, кто тобой живёт.

- Родители навещают вас через день. Ваша мама рассказывала, как нашла вас. Не отвечали на телефонные звонки. Дверь пришлось взломать. Квартира выглядела нежилой: пустой холодильник, чашки с плесенью на дне. Кошка, озверевшая от голода. Вы много дней не выходили из дома. Прилегли отдохнуть на часок, а провалились в летаргический сон. Они вызвали «скорую», и вас привезли в нашу больницу. Сначала решили - кома, но все жизненно-важные показатели были стабильны, мозг активен, и вас из реанимационного перевели ко мне, в нейрохирургию. Вы у меня первая с летаргией, - улыбнулся он.

- Можно позвонить родителям?

- Конечно. Телефон - по коридору напротив. Нина или Ариадна помогут пройти. Самой вам вставать и ходить пока нельзя. Долго лежали без движения и сильно ослабли.

- Ариадна?

- Ариадна Петровна. Медсестра. Вы её видели.

Ариадна - та, что тащила меня от окна до кровати. С лицом дебелой красавицы. Румяные щёки с россыпью веснушек. Кокошника ей не хватало для полного образа из русской сказки. О чём думали родители, давая ребёнку имя? Наверно, как сороки на всё блестящее: слово понравилось. Ариадна кормила меня через трубки. Капельница - её золотая нить и моя связь с жизнью.

- Кто-нибудь ещё меня навещал?

- Редактор вашего киножурнала. Звонил на мобильный, и родители сообщили, где вы. Смешной такой дядька, принёс ананас. Мы его съели на дежурстве. Вам и сейчас ничего, кроме супов-кашек, есть нельзя. Нагрузку на

желудок нужно увеличивать постепенно. Просил передать, что больничный лист внештатникам не оплачивается, но должность за вами сохранится.

- А друзья? Ко мне приходили друзья? У них странные имена, запоминаются. Ульвиг, Аморген, Маугли...

- Кто-кто?

И тут меня будто ошпарило.

- Они мне снились...

- Очевидно, да. Но не волнуйтесь! Летаргия не психоз. Психически вы, скорее всего, здоровы. Просто путаете сон с явью. Со временем всё встанет на свои места.

Недели через три, когда разрешили разгуливать по коридору и ходить в туалет одной, а не под ручку с Ариадной, заглянула к Андрею Николаевичу в кабинет. От натюрморта на его столе зазнобило: ветка белых лилий в графине, семь бутонов - три распустившихся, четыре увядших, половинки граната на блюде. Переминалась с ноги на ногу на пороге и зябла от накатившего ужаса. Доктор ложечкой ел налитые бордовым сиянием зёрна. Поднял глаза и вздрогнул от неожиданности.

- Кира, с вами всё в порядке? Смотрите как на привидение.

- Эти цветы... лилии... цветы забвения...

- Подарок пациента, он в понедельник выписался.

- Как его звали? Нет, лучше не говорите, иначе всё рухнет.

- Не понимаю.

- В имени заключена судьба.

- Кира, присядьте, пожалуйста. И давайте начистоту. Вы плохо идёте на поправку. Ариадна Петровна сказала, недавно опять упали в обморок, температура скачет, то в жар бросает, то в холод. Я не смогу вас выписать до тех пор, пока не окрепните. Вы сами себе мешаете выздоравливать. Что вас мучает?

- Мир моих снов. Он был настоящим! Но там словно отсутствовало время, никак не могу вспомнить, какие события происходили до, а какие после, - история распадается на эпизоды из разных кинофильмов, которые показывают на экране одновременно. Во снах встретила близких людей, и они любили меня. Не могу смириться с тем, что их нет, что они плод моего подсознания, что все они умерли.

- Успокойтесь, не надо плакать. Эти люди будут жить внутри вас, в сердце и памяти. Они - это вы сами.

- Во сне была каждым из них поочередно, видела их глазами, дышала их лёгкими, знала все их секреты. Но почему? И откуда вы это знаете?

- Старая истина. Любой человек, живое существо и даже неживые предметы и события - всё, что нам снится, является нашей проекцией. Сон отражает нас, как зеркало.

- А в зеркальной комнате со множеством углов я делюсь на бесконечное число отражений? Расслаиваюсь и становлюсь сразу всеми?

- Да у вас синдром Демиурга! - расхохотался доктор. - Нет, вы не Бог, вам не создать вечно расширяющуюся Вселенную. Ваш мир конечен, и он не рождается в вакууме только фантазией. Вы, судя по всему, очень начитанный, образованный человек. Книжки, фильмы, картины, учителя-наставники, встречные и знакомые наполняют вас, как сосуд. Кажется, сны - созданная вами реальность,

но черпаете из того, чем успели наполниться. Ваш мир – воспроизведение существующих миров с незначительными отклонениями. Поэтому почти невозможно отделить свои воспоминания от «чужих» – приобретённых. Трудно разобрать коллаж на фотографии. Но сон вдохновляется жизнью. А вдруг вы проснулись, потому что вычерпали жизненный опыт до доньшка, и снам больше не из чего стало рождаться? Думайте о жизни, а не о снах, научитесь любить её, ценить то, что дано.

– Я ей не верю. Во сне понимала, где я, с кем и что будет дальше. А здесь... всё так ненадёжно. Люди в окровавленных повязках ходят по коридору. За что страдают? И почему именно они? По какой-то глупой случайности попадают в аварии, потом в больницы. Умирают нелепо. Знаете, доктор, жизнь мне тоже кажется сном, и нужно проснуться.

– Тогда дам вам совет: попробуйте записывать сны. Записи помогут лучше понять себя.

«Lethargía, – набираю на клавиатуре, – в переводе с древнегреческого состоит из слов *lethe* – «забвение» и *argía* – «бездействие». Цветы жизни нужно срывать без страха. Меня же они заморозили и обездвижили, стояла и смотрела, пока не превратились в цветы забвения. Позабыла тропинку, что привела меня в сад, и не смогла вернуться домой».

Утром навещал папа. Принёс ноутбук и гранатовый сок. Буду пить кровь богов из гранёного стакана и возрождаться. Привыкать просыпаться внезапно, будто кто-то выдёргивает за ниточку, не пускает в сон внутри сна. Ночью папа мне снился. Принёс письменный стол из красного дерева с бесчисленным количеством ящичков. Я начала их все открывать. Из нутра стола на пол хлынула кровь. Тёмная, венозная. «Зажимы! – кричал доктор, – дайте поставлю зажимы!». «Боже, сколько крови, мы все захлебнёмся!». Кровавое море в палате. Кто-то из нас распахнул дверь, и море пролилось в коридор, а в палате стало тепло и сухо. Провела рукой по ребру одного из ящичков, на пальцах кровь заалела – чистая, артериальная. Разгадывала сон и вспомнила ещё до болезни прочитанный «Ящик для письменных принадлежностей» Павича. В романе есть такая строка: *«Сны не стареют. Они вечны. Они единственная вечная часть человечества»*. Кровь – живая вода. Писатель умер, а строки продолжают жить. Может, будут жить вечно, а может, состарятся и умрут в голове последнего читателя.

Древние греки верили, что сны к ним приходят, как мысли, спускаются пророками с небес на золочёных колесницах, а египтяне во сне летали в межзвёздный мир. Их сны существовали независимо от воли людей. Их миф бессмертен. А мои современники верят психологам, выкачивающим тёмные воды из колодцев подсознания. У них ко всем тайнам найдётся ключ. Снится, что бродишь по щиколотку в холодной воде? Ерунда! Одеяло сползло, и ноги замёрзли. Реальность проникает в сон, а не наоборот. Они говорят: «Всё есть воспроизведение. Игры разума. Невозможно отделить воспоминания от фантазий о них, реальность от снов, истину от правдивого вымысла. Твой мозг ограничен тем, что читаешь, воспринимаешь, видишь вокруг. Твой мир – переплетение чужих мыслей, а сны питаются ими».

Зачем мне посторонний мир? Снились те, на кого мечтала быть похожей. Любить, как Маугли, и приручать песок. Как Аморген воскрешать время: слово поэта – магический символ. Ульвиг ставил на карту и душу, и жизнь, а я и в игорный зал не прошла «face control». Доктор сказал, вы все – это я. Нашу великолепную четвёрку придумала я. Или? «Мы созданы из вещества того же, что наши сны»¹¹⁴. Вы меня сделали тем, кто я есть, собрали из себя, как мозаику?

Во снах был образ-ответ: круг из факелов, в центр круга по очереди выходили разные личности. Тот, кто в свете, отражался в тех, кто в тени, и управлял ими. Camera degli specchi Леонардо да Винчи. Знаменитая зеркальная комната: зайти внутрь и увидишь себя в бесчисленных отражениях. Наша жизнь – эта комната. Люди неспособны друг друга понять, множат отражения, проецируют свои мысли и чувства на окружающих, объясняют и оправдывают их поступки. Тотальное одиночество: всякий живёт внутри комнаты, носит её с собой повсюду и сколько бы ни старался поймать, запечатлеть, отразить жизнь объективно, как она есть, получает лишь собственное отражение в мире, как в зеркале. Ровно то, что способен понять и принять. Семь миллиардов жителей планеты Земля создают семь миллиардов миров.

Гераклит приписывал одиночество спящим: бодрствующие живут вместе, а во сне каждый уходит в свой мир, существующий для него одного. Но в моих снах люди встречались, взламывали одиночество. Мы ехали, летели, плыли, тонули, блуждали по лабиринтам мёртвого города, раскачивались на хлипком мосту-перекладине над морем, и мне не было страшно. Чувствовала себя в безопасности, как дома на кухне. Жизнь же была зубаста, скалилась, преследовала меня по пятам, а на проверку оказалась фальшивкой. Ткни пальцем в стену и вместо видимого мрамора ощутишь пластик, хуже того – штукатурка сыпется, обнажая ржавую пасть арматуры. Человек боится поверить, что мрамор – это пластик, что жизнь бессмысленна, а в тёмной комнате он один: нет ни монстров, ни ангелов-хранителей. Человек боится смотреть в темноту, боится смерти, боится не успеть исправить все гадости, что натворил в жизни, попросить прощения и сказать «люблю». Боится пустоты и зла. И не знает, что зло в нём самом давно проело дыру. Лучше не знать, жить внутри мифа, как в camera degli specchi.

Ариадна чуть что крестится и поминает Христа. Пациенты в холле больницы по вечерам сражаются за пульт от телевизора: экран – их божество, провозглашающее новые заповеди в ток-шоу. Бизнесмены, менеджеры корпораций, где когда-то работала, истово верили, что «бабло побеждает зло». Футбольные болельщики крушат улицы и целые города, если проигрывает любимая команда: для них это Конец Света. Сталкеры почитают священные «аномальные зоны» и «места силы» московской подземки. Бомжи не видят границ и исповедуют свободу передвижения. Учёные ищут Бозон Хиггса – частицу Бога. Потомки Шарикова – дворянские корни. Верующие из разных стран поклоняются богам с разными именами и лицами, заявляя, что Бог един. Тогда кто из них создал Землю, Вселенную? И как он выглядит? Как многоликий Янус? Никто не задумывается над ответами. Потому что нет ничего правдивей мифа. Миф – лекарство от реальности, готовой разорвать нас на мелкие кусочки; миф – стекло, защищающее от холода и ветра. Вера в миф – бесконечное завтра, возможность просыпаться не в одиночестве, найти смысл в жизни, заглушить страх смерти. Жизнь – миф, сон – её отражение. Зеркальная камера запёрта.

¹¹⁴ «Буря». Шекспир.

Но Вселенная состоит из двух типов материи: видимой и тёмной. Всегда хотелось спросить: Что было ДО Большого взрыва? Ничто не взрывается в пустоте, выдоху предшествует вдох. Кто сказал, что за зеркалом ничего нет? Что если греки и египтяне правы, и я побывала по ту сторону? А сны – не доказанное пока наукой, неизвестное измерение? Кто мне поверит, если расскажу об этом?

Вот и ангел в моих снах тянется к ножу. Избавляется от неземных крыльев. Хочет жить человеком, прочно стоять на ногах и никогда не оглядываться. Общаться с людьми, а не наблюдать за ними со стороны. Я же темна, тяжела, неподвижна. Поглощаю весь свет, как чёрная дыра. Никто во мне не отражается. Никому не нужна. Должна бы жалеть, что десять месяцев жизни пропало. Но мне не жаль жизни: обыденность обтекает тело и бежит прочь, блёклые дни размываются в мыслях, как одинаковые зонты прохожих в дождливый день. А сны реальнее, ярче, врезаются в память осколками зеркала. Восстановить бы его, собрать, как мозаику, и увидеть своё отражение целиком – от пальцев ног до макушки, а мир за плечами без искажений! Я устала от небытия и создала себя в четырёх лицах, чтобы уж точно быть.

– Я как будто везде лишняя, – сказала Андрею Николаевичу при встрече.

Стояли в конце коридора у окна, смотрели на дождь. Фонари во дворе больницы горели через один, полосы света напоминали мостки над ямами теней.

– Понимаю, – кивнул он. – Вас много, лишних людей. Знаете, в чём ваша беда? В вас всего слишком. Слишком чувствительны, слишком умны, слишком сложны. А жизнь проста и груба, люди глупы или, как говорит моя дочь, «не догоняют». Вы не вписываетесь. Не от мира сего. Словно шестерёнка, выточенная вручную мастером – тонкая, замысловатая, с зубринами – для изысканных часиков королевы, а её взяли и засунули в дешёвый пластмассовый будильник. Зазубрины не совпадают, вам не за что зацепиться. И вас либо гнут, либо ломают, либо смеются над вами.

– Да, и обезболивающего никто не назначит. Впрочем, в детстве я тоже ломала игрушки-конструкторы. Мечтала собрать что-то прекрасное, отличное от того, что было нарисовано на коробке.

– А чем хуже то, что нарисовано? Зачем вам стремление к абсолюту? В мире нет и не может быть гармонии. Гармония – шар. Знаете, кто бредит шарами? Умалишённые, шизофреники и умирающие. Замкнутый круг, символ целостности и отсутствия желаний. Остановка. Жизни же как раз движение придаёт равновесие. В ней должны быть острые углы и асимметрия. Любой психолог вам скажет: жизнь прекрасна, но несправедлива – всем не угодить. Когда обе части фразы уживутся вместе, почувствуете себя счастливой. Будете с благодарностью принимать то, что дают.

– Мне ничего не давали, только били и гнали.

– Вы сами обрекаете себя на изгнание, Кира. Мир, конечно, не ваши родители, но он по-своему любит и заботится о вас. А вы постоянно ждёте удара и навлекаете на себя неприятности. Поведение жертвы. Попробуйте подать руку первой – смело и открытой ладонью. И вам её пожмут.

- Вы, Андрей Николаевич, пожмёте, а другие начнут выкручивать или вообще откусят.

- Ищите тех, кто похож на вас. Свою стаю. Там вас примут такой, как есть, не сгибая и не выкручивая. А лучше влюбитесь.

Мне стало горько и смешно. Где ты, Ульвиг? Волки наследили в сети. 1627 ссылок во сне, а сколько наяву? Если мы никогда не встретимся, то ничто не имеет смысла.

Во дворе в свете фонаря мелькнули две фигуры и тут же нырнули в тень. Вспомнилось, как Ариадна восхищалась женой доктора, мол, такая красавица и так много лет они уже вместе. Позже столкнулась с ними на лестнице. Вылитая Грация с картины Рубенса – слева, с локонами цвета спелой пшеницы и мягкими чертами лица¹¹⁵. Доктор бережно поддерживал её под локоть, хотя это она его – щуплого, ниже чуть ли не на голову – могла бы носить на руках. Представила, как придут домой, будут ужинать втроем с дочерью и смотреть телевизор. Тихое семейное счастье.

- Вам тяжело сейчас, – прервал молчание доктор, – в молодости любовь тоже стремится к совершенству. Белоснежному цветку идеальной формы. Но с возрастом ко всему начинаешь относиться иначе.

- Как?

- Лет до тридцати пяти живёшь ожиданием чего-то сверхъестественного, планами и мечтами, а после учишься получать удовольствие от того, что имеешь. Я тоже в молодости гонялся за миражами. А она ждала. И дождалась. И теперь всем пациентам и друзьям повторяю: счастье – когда тебя любят и ждут. Это правда. Помню, в детстве измучил бабушку вопросом: Ты дедушку любишь? Они пятьдесят лет прожили вместе. Не знаю, отвечала она. Люблю ли свою руку? Спроси лучше, смогу ли её отпилить.

Фигуры во дворе снова вышли из тени. Любовь и есть гарантия существования, подумалось мне. Несёшь ответственность за любимого человека, он заботится о тебе, отражаетесь друг в друге, камера больше не одиночная, делится на двоих. Любимый человек – как доказательство, что жива.

- Ох, что-то я разоткровенничался тут с вами! – спохватился Андрей Николаевич. – Видимо, дождь располагает. А мне пора на обход. Спокойной ночи, Кира!

Ночью снился покинутый всеми город, где художники выставляли пустые холсты и манекены. Выставочным залом служили улицы и площади. Ветер нёс песок, и вскоре и галерея под открытым небом, и дома по крышу были погребены под ним. Песок проникал всюду, забивал горло и нос, дышалось с трудом. Повязала на лицо ковбойский платок и отправилась за лопатой или метлой – расчистить улицы. Ветер срывал афиши со стен. Подняла одну из них. Книг в городе давно нет – сожжены в каминах, обменяны на еду. Афиша – последние письменные слова. Точнее, имена. Из имён родились люди. Он и Она. Дальше не читала, иначе появился бы змей с гнилым яблоком. Зачем он нужен в и без того разорённом Раю? Шла за ними, не отрывая взгляда от переплетённых рук. Они собирали воду в чашу из водостоков. Искали еду и место для ночлега в заброшенных домах. Ночью занимались любовью – учились доверять друг другу. На рассвете подкрепились и взяли с собой еду и питьё. Путь долог. Через

¹¹⁵ «Три Грации». Питер Пауль Рубенс. 1639 г. Музей Прадо, Мадрид.

пустыню в жилой город, искать своих. Ветер проводил их до окраины. Я не осмелилась. Моя боль была белой, как лилии, как альпийский снег.

...Песок или снег, или пепел?

Весь следующий вечер ждала у окна появления фигур под фонарями. Не дождалась и спустилась во двор. А вдруг их и не было? Жаль, не спросила доктора сразу, видел ли он.

Погас ещё один фонарь в конце аллеи. Даже в образцовой больнице чинить фонари не торопятся. Посидела на скамейке в тени, выкурила три сигареты. Никто не пришёл.

- Шастаете тут после отбоя, – проворчал охранник, впуская меня.

Часы на стене в холле больницы показывали десять пятнадцать. Телевизор молчал. Все, наверное, спят по палатам.

Поднялась по лестнице и хотела пробежать незаметно по коридору к себе, как меня кто-то окликнул громким шёпотом:

- Эй! Псс-с! Девушка!

Обернулась, коридор позади – пустой. Впереди – тележка с больничными «утками», приготовленными к утренней смене. Спряталась за тележкой. Если кто-то окликнул с лестницы, то, высунувшись снова в коридор, потеряет меня из виду, поймёт, что не хочу с ним разговаривать, и уйдёт. Секунды капали, от тележки нестерпимо воняло. В тишине раздался сдавленный смешок. Потом из тёмного проёма двери слева в коридор выступил громила, молча махнул рукой, зазывая в палату.

- Иди сюда, к нам, – прозвучало из темноты за его спиной.

Парень был альбиносом, а в безжалостном свете больничных ламп кожа отливала синевой. Жутковатое зрелище. Помялась немного, но решила войти.

Ночное окно палаты отражало коридор, как идеальное зеркало. Глупо же я выглядела за тележкой! Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!

- У тебя есть сигареты? – спросил другой парень, с его койки происходящее на оконном стекле можно было смотреть как телевизор.

- Да, есть полпачки.

- Ух, «Camel»! Да ты – молодец! Давай сюда. Мы покурить собрались, а сигареты кончились.

- Здесь?! Здесь же нельзя курить.

- А где? Я прикован к чёртовой койке!

Он лежал без движения. В гипсовом корсете и жёстком ошейнике двигались чуть-чуть голова и руки ниже локтей. Я достала сигарету из пачки, прикурила, поднесла к его рту. Секунду мы смотрели друг другу в глаза. У него были угольно-чёрные глаза, без радужки, но где-то внутри мелькнул пленительный огонёк. На такой свет в ночи слетаются бабочки и спешат путники. Или мне это почудилось, а в глазах отражался огонёк сигареты.

- Может, всё-таки включим свет? Не люблю сидеть в полумраке, – спросила их.

- Ариадна прискачет. Ладно, включи, но постой тогда у двери. Услышишь шаги – махнёшь, мы затушим. Бо, открой окно.

Альбинос щёлкнул выключателем и прошествовал к окну. Бритый затылок зигзагами пересекал бугристый фиолетово-красный шрам со свежими кровившими дырками от недавно вынутых нитей. Я невольно поморщилась. На своё тело тоже после пробуждения не могла смотреть без дрожи – пролежни. Но мои рубцы залечил детский крем. Мама принесла: «Мы тебя в колыбели им мазали, и сейчас поможет». А после того, как полголовы перекроено, никогда не станешь прежним.

– Это великий Бо, – сказал парень в койке, – после травмы начал заикаться и потому всё время молчит.

– С-сс-тес-нння-я-юсь, – промычал Бо, подходя к нам.

Подала руку – открытой ладонью, как учил доктор.

– Кира.

– А я – Ге. Раньше мы были богемой. Борька, я и Макс. Бо-Ге-Ма. Круто, да? Я придумал. Но Макса уже выписали, нервы предплечья сшили и выгнали домой. Приходит на обследования и разработку руки. Доктор считает, повезло ему, быстро восстанавливается, а нам без него скучно. Да, Бо?

Борис кивнул.

– А Ге от какого имени? – спросила я.

– Предки записали Гелием. Ну что за имя? Лучше уж буду, как Че Гевара. Тот был Че, а я – Ге.

– Гелий – красивое имя. Неземной элемент, образовавшийся в первые мгновения после Большого взрыва. А сейчас рождается в недрах звёзд.

– Мы все – звёздная пыль, а паспорт только мне изуродовали.

– А ещё есть бог Солнца Гелиос, – не унималась я.

– Если хочешь, можешь звать меня Гелиосом, но сигареты оставь нам, – улыбнулся он. – Себе купишь в ларьке у метро, за парком. Эх, завидую я тебе! Можно выйти и прогуляться по парку!

– Пока нельзя. Дальше двора не пускают. А сигаретами угощает отец втайне от мамы. Он – заядлый курильщик. Так что берите себе, мне не жалко.

– Спасибо! Мы Ариадну гоняем за сигаретами. Приносит втридорога. У родственничков не допросишься. Куда тебе курить, говорят, принимай грязевые ванны.

– Грязевые ванны? Зачем?

– К земле привыкать. Не обращай внимания, шутки у меня дурацкие, – помрачнел Гелий и глубоко затянулся напоследок.

Взяла у него окурочек и выкинула в окно. Бо тоже докурил и достал альбом и фломастеры из тумбочки.

– О! Сейчас нарисует твой портрет в благодарность за сигареты.

– Не надо! Я не накрашена, плохо выгляжу.

Бо улыбнулся и написал на листе: «*Зачем брюнеткам краситься? У меня ни глаз, ни бровей, а ты и так яркая*». Перевернул его и принялся за дело.

– Бо – художник, – восхищался Гелий. – Или отвечает на вопросы одним словом: «да», «нет», «сок», «чай», «плохо», «надо», «дай». Или рисует в альбоме, когда долго объяснять. Книгу Жизни рисует! Все дни – в картинках.

Понравилась идея Книги Жизни: картинки не забываются, их можно хранить, пересматривать, носить с собой. Мне бы так рисовать сны! Но не умею. Мои сны выветриваются с каждым прожитым днём, чернила исчезают с листа. Они – бунт сумасшедшей, заранее проигранная война, тщетная попытка

сохранить себя настоящую. Доктор сказал, если мир жесток и не принимает, значит, ты недостаточно себя любишь, а зло и ненависть – твои отражения. Но в зеркальной камере все зеркала – кривые: изуродовали меня и смеются. И лишь сон возвращает, позволяет увидеть без искажений. Во сне Альберт учил меня рисовать с завязанными глазами: «*Нужно впитать красоту и рисовать не то, что видишь, а то, что чувствуешь*». Лунная дорожка, погоня за удаляющимся горизонтом, одинокий мост через время – ложится на воду и тонет. Блики фонарей в лужах – маленькие ранки на сердце, неповторимые, но одна поверх другой, не поймать мгновения, как не удержать сны в кулаке. «*Признайтесь сами себе, умерли бы Вы, если бы Вам нельзя было писать*»¹¹⁶, – ответил Рильке в письме молодому поэту. Ждала сны, как поэты Музу: в них я жила, а здесь существую. Если сны уйдут навсегда, я исчезну.

Борис выводил на листе последние изящные штрихи. Умрёт ли он, если не сможет рисовать? Нет, точно нет. Но превратится в глухонемого, пока не найдёт новый способ выражать мысли и чувства. Для него рисование – связь с миром, разговор с людьми, мост через непонимание.

– Г-г-г-отово, – сказал он.

Получилось нечто среднее между аниме и карикатурой, но на удивление похоже. На моей светлой рубашке – Бо не закрасил её на портрете – проступило слово из надписи на обратной стороне листа: «*яркая*». Как звезда.

Я несу свет.

Настали дни под знаком «бесконечность». Палата № 8 была адом, но вечерами тянуло туда, как обычно тянет домой. Ужасало не то, что Гелий рассказывал о себе, а Борис рисовал, а их отношение к произошедшему – как к само собой разумеющемуся, око за око, зуб за зуб, ударом на удар. Я и предположить не могла, насколько мир жесток к людям.

Бо попал в больницу случайно. Шёл поздно вечером по переулку, сзади без предисловий ударили по голове то ли кастетом, то ли куском железа, проломил череп. Украли кошелёк. «*Я – огромный, никто на меня не нападал раньше, не ожидал, не успел увернуться*, – писал на листке Бо. – *А в кошельке всего сто рублей было, нечем поживиться*». «*Сто рублей не деньги, но если десять таких «старушек», – ёрничал Гелий. «Зато смерть видел, как тебя сейчас*». Нарисовал старуху в плаще с капюшоном. И подписал: «*Смерть – без косы. Вас всех обманывают, что она с косой. Отвернулась от меня и исчезла, а я очнулся в больнице. Никогда не чувствовал такого облегчения и счастья, как при встрече с ней*».

Смерть с косой – популярный миф, посмеяться бы над ним в голос, но кто же смеётся над чужой бедой? Мне смерть виделась чёрным облаком, неумоимо приближающимся против ветра: поглотило противоположный берег и покушается на наш. Закрывала глаза, зажигая перед внутренним взором ослепительно белое солнце. И чем мой миф лучше? Может, хоть в счастье все равны? Спросила о детстве: в детстве все счастливы, иначе не бывает. Бо нарисовал кипящий чайник и женщину в постели. Когда отец Бориса злился на

¹¹⁶ Райнер Мария Рильке. «Письма к молодому поэту», Париж, 17 февраля 1903 года.

мать, то вставал ночью, кипятил чайник и поливал кипятком ничего не подозревающего спящего человека. Она вскакивала с постели, прикрывала набухающие волдыри ладонями и плакала. Поняла бы, если кто-то кому-то в истерике плеснул бы из чашки в лицо, но так... терпеливо ждать три минуты, пока вскипит чайник. Садизм выроodka. Есть слепые люди, есть глухие, а есть бесчувственные. Инвалидность души. Женщина начала страдать бессонницей, быстро постарела и умерла. В четырнадцать лет Бо сломал отцу в драке челюсть, а в шестнадцать поступил в техникум и переехал от родителей в общежитие. Никого из них больше не видел, но навещает могилу матери.

Гелий тоже никого не любил, кроме своей собаки. Нашёл подростком щенком на помойке. Пёс жадно нюхал объедки и скулил. «Ладно бы выгнали собаку на улицу, – сокрушался Гелий, – так ему вдобавок морду обмотали скотчем, чтобы сдох от голода, лишили возможности выжить. Надеюсь, этих ублюдков в старости точно так же выставят на улицу собственные дети!». Щенок напомнил Луну с подпалёнными усами. Бедные, беззащитные животные!

Отец обошёлся с ними, как со щенком: попользовался, наигрался и ушёл в другую семью, завещав непогашенный кредит за квартиру. Мать Гелия работала и помогала мужу, оплачивая учёбу в университете. Окончив финансовый факультет, муж решил, что бизнесмену по статусу полагается и жена, и любовница. Любовницы превращались в унылых жён, а место их занимали молоденькие. Круговорот любви ограничивали те же финансы – на всех не заработаешь. Первую жену пришлось выкинуть за борт. Гелия и брата воспитывала одна, держа в строгости и послушании, как монахов или солдат. О высшем образовании не могло быть и речи, после армии устроился автомехаником. Несколько лет кропотливо собирал мотоцикл из списанных деталей, обкатывал, гоняя по загородным трассам. Летом поехал бы на Селигер, если бы в него на перекрёстке не врезался BMW. Водитель хотел проскочить на красный свет и не заметил мотоциклиста!

– Водитель скрылся, так и не нашли, да и не искали: на дорогах всегда и во всём виноваты байкеры, – сказал Гелий.

Чёрные глаза Бога Солнца то и дело вспыхивали ненавистью. К сбившему его водителю: «Поправлюсь, вскочу в седло и буду прочёсывать город. Найду – урою. Уложу на асфальт лицом вниз и отмочу коваными ботинками по спине, чтоб ему потом болты вкручивали в позвоночник!». К нашей больнице: «Сколько ждать операции? Неужели так трудно найти имплантат?». К Андрею Николаевичу за неоптимистичную осторожность в прогнозах. К матери и брату-спортсмену за отказ приносить сигареты. К весне и алым закатам за окнами. Чувствовала, сдают нервы, но нечем было ему помочь, разве что откинуть со лба слипшиеся пряди волос. Байкеру, привыкшему к сверхскоростям, красавцу и любимцу женщин, мужчине, рассчитывавшему всю жизнь только на себя, грозило инвалидное кресло. Операцию откладывали, мечты о байкерской кругоцветке и закатах на озере Селигер дряхлели и рушились, как нежилые дома. А окно палаты как назло выходило на запад. Стояли ясные дни, и солнце не жалело огненных красок.

– Решил написать завещание, – сказал нам однажды.

«Прошу не сжигать и не закапывать в землю, – застрочил Бо под диктовку, – бросьте тело на городской свалке – на пропитание бродячим собакам и птицам. Я люблю птиц и собак. Пусть моя смерть поможет им выжить».

– Ты чччего, ссссттт-арик, ссс ума сссо-шёл? – не выдержал Бо.

Гелий глядел в окно на закат. Во взгляде сквозило такое отчаяние, что предпочла сбежать к себе в палату, не прощаясь. Нельзя смотреть, как мужчина плачет, привяжешься к нему навсегда.

В те дни я много писала и тут же удаляла написанное. Казалось, слова способны преобразить кошмары жизни в сон о море и пляжах, о замках на песке, о неспящем солнце. Но слова выцветали на языке, скользили сквозь пальцы, оборачиваясь безмолвием.

Кьеркегор определял человеческую жизнь как отчаяние. Мир не отвечает нашим ожиданиям, а мы – изгнанники из Рая, грешники, варвары, дикари. В любом из нас живёт зверь, готовый пожрать всё и вся, и мы не знаем когда, где и при каких обстоятельствах вырвется наружу. Не желаем быть зверем и отвергаем себя. Не способны сделать мир хоть чуточку лучше или создать настоящий, без зеркала. Ничто в нём не принадлежит нам, ничто от нас не зависит. Человеческая жизнь *«рассыпается в песок мгновений»*. Книга Ветра пишется следами поверх следов на песке, Книга Жизни рисуется не связанными друг с другом символами-картинками. Я пишу не расстояние – страницу из левого верхнего в правый нижний угол или историю-мост из прошлого в настоящее, а состояние – боли. Боль впитывается в страницы и испаряется с листа. А вместо чернил – кнопка «delete» на ноутбуке. Удаляю написанное, словно боюсь, что кто-то посторонний проникнет в мой мир и разрушит его.

Ницше предлагал отчаяние превращать в искусство. Искусство вечно и переживёт отчаявшихся. Догадываюсь, почему Сэлинджер после культового романа «Над пропастью во ржи» выбрал затворничество в маленьком городке Корниш. На определённом этапе Мастер не нуждается в одобрении и признании, пишет для Бога. А Бог – сам художник. Мастер живёт в доме, над крышей идут дожди, и вода проникает сквозь щели в потолке – успевай подставлять ведра. Годами сцеживает и очищает воду от ржавчины и запаха гнилых досок, чтобы потом у калитки всех путников ждал кувшин с питьевой водой. Мог бы добавлять в воду краситель голубого цвета, отбивающий запах, разливать по пластиковым бутылкам и продавать жаждущим по двадцатке, как делает большинство писателей. Но он – Мастер и знает, что дождевая вода – голос души, дом – её временное тело, жизни нужно вернуть гармонию, дыхание ветра, а тайный смысл фразы *«писать для вечности»* – сберечь свой мир. Мастер сумеет, если там, наверху, не начнётся засуха.

А мне не удаётся вспомнить, выжать память до капли: расплываются черты лиц, изразцы окон, да чего уж, целые города построены из фантазии, замешанной на чужих мыслях. Спящей красавицей называл меня Гелий, а Бо спрашивал, когда приедут телевизионщики: летаргия для них – сенсация. «Кому нужны сны других?» – пожимала плечами в ответ. У всякого – своя камера.

Дверь в палату № 8 была открыта всегда, будто в ожидании перемен. Или чуда? На пороге думала, что так и надо жить – вне времени и пространства, в любую минуту взять и начать всё с чистого листа. Люди сами запирают себя в камере: нашли место под солнцем и встали, как вкопанные, семья, работа по специальности, круг друзей. Удавиться можно от такой перспективы. А если открыть дверь, то... наверняка никуда не уйдёшь, но предчувствие свободы греет, не даёт впасть в отчаяние. И мы хохотали до слёз. Над анекдотами,

воспоминаниями, историями знакомых. Над моими снами. Мне не о чем было им рассказать, зачитывала записи с ноутбука. «В этом есть что-то интимное, читать сны, – язвил Гелий. – Когда-нибудь дойдём с тобой до трогательных отношений. В палатке на Селигере. Подожди немного, починят спину, и сразу поедем». «Ржёте как кони, никто в больнице не спит», – шикала на нас Ариадна. «А что ещё остаётся заике? – писал на листке Борис. – Смеющийся человек не заикается».

Нарисовал со слов нашу великолепную четвёрку: Маугли, Аморгена, тебя и меня. Ульвиг, мы как живые! Боюсь потерять лист с портретами. Самое дорогое. Под матрас положить нельзя – помнётся, в тумбочку не влезает. Ношу с собой в пластиковой папке, выпрошенной у доктора.

Наблюдая за Бо, поняла, почему художники аккуратно используют цвет. У Бо – двадцать четыре фломастера в комплекте, а рисует двенадцатью. Урезанная палитра. Цвет поработает и ослепляет. Как любовь. Испугалась отдаться цвету, и тёмные силы моих снов забросили нас в мёртвый город, заставив проснуться. Но лилии – белые, хранят в лепестках все цвета радуги. На белой странице напишется всё: что было, что есть, что будет, что могло бы произойти, но не произошло. Если бы не приснился, тебя стоило бы сочинить. Что есть любовь? Влюбляясь, мечтаешь о человеке и создаёшь его заново в мыслях – своим отражением. Мы – на разных берегах реки времени. В моих первых строчках – весна, слякоть и пасмурное небо, ты читаешь их в яркий осенний день, и за окном падают листья, а может быть, идёт снег или летний дождь. Ты – в настоящем, я – в прошлом. Но в этот миг встретились, потому что связь времён существует и во сне, и в тексте.

*Лишь во снах мы свободны
от расставаний
и в полёте не помним
притяженья земли.*

И если ты – это я, то мы победили время.

– Первое июня, – многозначительно постучал по столу ручкой Андрей Николаевич, – нет оснований держать вас дольше. Аппетит хороший, температура 36,6, гемоглобин, как у здорового мужика. Пора на выписку.

Я вздохнула.

– Что-нибудь не так? Головокружения нет? В глазах не темнеет?

– Нет, всё в порядке.

– Тогда на заключительный осмотр, и можете собирать вещи. Утром пойдёте домой.

Дверь кабинета распахнута настежь. Решилась уже на пороге, не смогла уйти, не спросив:

– Гелий, пациент из восьмой палаты, будет ходить после операции? На какой день она назначена?

– На четвёртое июня. Операция нужна для стабилизации позвоночника. Сделаем всё возможное, в больнице лучшие в столице хирурги, современное

оборудование. Но и успешная операция не всегда восстанавливает утраченные функции. Обычно лечение даёт положительные результаты, но диапазон может быть широким: от субъективного улучшения до полноценного выздоровления.

– То есть никаких гарантий?

– Вера – его гарантия. Это всё, что я могу вам сказать.

Жизнь и судьба – качели, неравновесные чаши Маат, кого-то возносят до небес, а кого-то сбивают наземь. Им всё равно кого.

– Кира! – окликнул доктор. – Навещайте его. Бориса мы скоро выписываем.

Первое время Гелию будет одиноко, вряд ли сдружится с новыми соседями, как с вами. А записи сновидений советую отправить в Московский Институт изучения снов, есть такой, поищите адрес в Интернет. Выписку из истории болезни, если понадобится, предоставим по запросу.

– Зачем в Институт снов? – опешила я.

– Там изучают патологии сна. Летаргия для них – исключительный случай.

Расшифровка ваших снов поможет другим пациентам с отклонениями.

Закрываю глаза, и в темноте сознания возникает экран. «Play», и на экране без титров и предисловий начинается кинофильм моих снов. Грустные ангелы склонили головы над заснувшими зрителями. Плёнка рвётся, и слышно, как кто-то в зале тихонько плачет. Ночью меня разбудили ветки, царапавшие окно палаты. Ветер раскачивал деревья, тени на стене напоминали уродливых богомоллов. Хищные серпы лап целились со всех сторон. Один из них когда-нибудь сожрёт меня, тёплую, непроснувшуюся.

– Не дрейфь, – подбодрил Гелий. – Смогла создать сон, сможешь создать и реальность.

– Спасибо за поддержку.

Сидела на краю койки и вертела в руках лист с портретами. Борис куда-то вышел, мы были вдвоём.

– Ты вернёшься? Я ж помру без тебя от ... никотинового голодания.

А мог бы сказать «от тоски»!

– Обязательно! Пригоню целый караван верблюдов.

– Смотри, не забудь, а то выйдешь за ворота и решишь, что и я – сон.

– Тогда ты мне приснишься. Кстати, доктор просил отослать мои записи в Институт изучения снов, утверждает, многим могу помочь.

– Ты что, «Красный крест»? – взвился Гелий. – Не смей! Запрут в клетку, напоят всякой химией и будут ставить эксперименты, как на кролике или крысе. Мало тебе нашей тюрьмы?! Я мечтаю до окна доползти, морду на воздух высунуть! А ты! Не понять тебе. Госкливо, когда нет выхода.

Замолчали. Гелий уставился в окно. Я – на портреты.

– Дай мне сигарету, – наконец попросил он.

Прикурила, он легко прихватил фильтр губами, не коснувшись пальцев. Маленькое движение вызвало ураган нежности, снова бросило в жар. Странно мы, люди, всё-таки устроены.

Положила лист с портретами и зажигалку на тумбочку, обошла койку по кругу, села с ним рядом присмотреть за дверью. Думала, как взять его за руку, и что он об этом подумает. Внезапно на другой стороне кровати вспыхнул пожар. Горел лист. Гелий тайком от меня щёлкнул зажигалкой. Тушила голыми руками, прихлопывая огонь ладонями прямо на тумбочке.

– Аспиды! – заголосила влетевшая в палату Ариадна. – Вы мне больницу спалите!

Я выбежала из палаты, размахивая в воздухе портретами. Лист ещё тлел в руках.

– Выкини свои сны и живи, как все нормальные люди! Найди себе место под солнцем! – орал Гелий мне вслед.

Солнце давно село. Во дворе больницы лил дождь. Размытые водой линии фломастеров и обугленный фон придали рисунку глубину и выразительность фаумских портретов. Уцелели двое: я и Ульвиг.

Дождь остужал горящие щёки. С Гелием не поспоришь, жизнь – ощущение капель дождя на коже, закаты над Селигером, соприкосновение рук. Языческая радость бытия. Остальное – домик на вулкане из моих снов, рухнет в любой момент. Ценно то, что невозможно у нас отнять. Талант: у каждого он есть, как кусок земли вокруг дома, но кто-то возделывает её, как Борис, чтобы взойшли цветы, а кто-то забросил ради важных дел, и сад зарос бурьяном. Мечта: она и есть наша дорога, рука Гелиоса, чаши Маат и судьба. Время: если научиться его беречь, то родник счастливых воспоминаний никогда не иссякнет. Любовь: люди нас покидают, но не любовь, она – феникс и возрождается из пепла. Мы унесём это под кожей, как в рюкзаке, когда побежим вниз по склону после очередного извержения.

Я почти готова была бежать, жить, отражать удары, но ветер усилился, дождь не гладил по щекам – хлестал, промокла насквозь, а больничные окна манили теплом и уютom.

В пустом холле работал телевизор. «Звезда Сириус изменила цвет, – рассказывали в вечерних новостях, – мы привыкли видеть её синей, но теперь вокруг звезды возник красный ореол, и его можно наблюдать с Земли невооружённым глазом. Современные учёные считают Сириус бело-голубым карликом, тогда как древние мыслители – Сенека, Клавдий Птолемей и другие – описывали звезду как красную. Неужели «Красный пёс» наших предков вернулся?».

За воротами больницы ветер исполнял скерцо. Кусты гнулись и корчились в танце, смеялись мне вслед. Глянец молодой зелени – испарина их усердия. Прошагать парк навьлет, придерживаясь теневой стороны. Берёзы тонкими сигаретами курились в небо, выпуская колечки облаков, как дирижабли. Яркий летний день, сияющий мир.

– Тебе нужно полюбить жизнь, – советовал доктор.

– Найди себе место под солнцем, – вторил Гелий.

А если я не хочу в это адово пекло? Где испокон веков сильный пожирает слабого? Обезьян причесали, одели в элегантные костюмы, но палку в руки они по-прежнему берут с одной целью – побольнее ударить сородича. Инструменты ничего не стоят, стоит оружие. Ты либо жертва, либо палач, выбирай. Тебя либо прикончат, либо, защищаясь и атакуя, превратишься в чудовище.

Почему не выбрать третий путь – вернуться в спасительную темноту сна? Или уехать далеко за город, отыскать дикий пляж и лепить чешую змея на песчаной косе, смотреть, как солнце вечер за вечером умирает за горизонтом? Я

словно вышла из кинозала безвременья в полдень, и чужой свет нещадно сечёт по глазам. Из кинозала, где состоялась премьера моей жизни. Но мне говорят, она была ненастоящей. А что настоящее? Платная парковка автомобилей у метро под названием «Фаэтон»? Кто додумался назвать автостоянку в честь угонщика? Греческие боги покорили мир раз и навсегда, но мы позабыли мифы, повторяем лишь имена, как безумные йоги-небуддисты мантры.

Нищий певец у входа в метро заунывно выводил «Синий платочек». Надо же, нас много таких, потерянных во времени. Он и в двадцать первом веке строчит пулемётчиком, для него и сейчас продолжается Отечественная война. Почему бы мне не пожить в древнем Египте или на Олимпе? И так живу: куда ни глянь, уличные витрины носят имена богов и героев.

Ненасытная утроба метро заглатывала человеческие тела. Бездонная пропасть.

- Иногда пропасть, разверзшаяся под ногами, – философствовал Андрей Николаевич, – только кажется пропастью, а на самом деле она – кротовая нора в новый мир.

В «дивном новом мире» дикарь повесился¹¹⁷. Что ж, начнём с нуля. Мир во мне и я в мире. Распустить верёвку можно, потянув за ниточку. У меня есть родители – мой Эдем с незакрытой дверью. Я обещала Гелию пригнать «караван верблюдов». А если в его жизни захлопнется дверь, то буду обязана помочь. Им я нужна. Я – хороший человек: забочусь о своей кошке. Тот, кто любит животных, не может быть плохим. Спасла её от хулиганов не из благородства, захотелось прижать к себе, чувство жалости накатило.

- Человек без любви бездарен, – твердил мой гуманистически настроенный доктор, – мир сотворён не словом, а любовью.

Тогда спасёт его жалость. Я – новый мессия: жалею кошек. Но почему-то не могу пожалеть людей. Дэвид Линч назвал свой первый музыкальный альбом «Crazy Clown Time». Да, мы так и живём. Культура определяет сознание, сознание – бытие. Маленький уродливый клоун кривляется на арене под равнодушными взглядами жующих чипсы. Настолько ничтожен, что никто не воспринимает его всерьёз. Ура абсолютной свободе! Можно выкрикивать непристойности, опошлить высокопарное, низвергнуть все идеалы, разорвать в клочья портрет великого Леонардо, насать в могилу предков, насрать на стол. Ничтожеству всё позволено, даже пожирать тех, кто в первом ряду или кого сумеет ухватить. Обезьяна долго училась, чтобы стать человеком, но знания преумножали скорбь, и скорбь забродила в иронию. Клоуны, давясь от смеха, выкидывают человеческий опыт из окон, как ненужный хлам. Никто из прохожих не поднимет головы, не поймает, все – мимо. Клоун злой, потому что никто никогда его не любил. Кто, интересно, дал имя любви – любящий или любимый? Клоун сыт по горло, а едой заполняет пустоту внутри себя. Зрителям скучно, некоторые зевают, но большинство уже спит. Мне говорят: пребывала в летаргическом сне. Да мы все спим! И во сне потребляем друг друга, высасываем через невидимые трубки-капельницы. Общество потребления, где никто никого не жалеет, больно бесчувствием. Летаргией. Быть живым – значит иметь идеалы и бороться за них, обращать других в свою веру. А если не хочешь причинять и чувствовать боль – засыпай.

- Полюбить жизнь, – напомнил Андрей Николаевич.

¹¹⁷ «О, Дивный новый мир». Олдос Хаксли.

Газета «Столичная жизнь» продаётся в ларьке у метро. Что у нас сегодня в меню? Продавщица протянула руку за мелочью. Я отдёрнула свою. У неё запеклась грязь под ногтями. А от урны у ларька воняло мочой, как от больничной «утки». Брр! Вот чем отличается моя реальность от настоящей: там никто не испражняется и всё прекрасно – от небесного ореола до кончиков ногтей. Красота затмевает грязь, вонь, мерзость, страдания, болезни. Если хранишь её в сердце, поможет вынести невыносимое. Мои сны нельзя снять на плёнку и показывать в кинотеатре на большом экране, но я-то могу закрыть глаза. Редактор киножурнала, где работала, считал, что любой из нас может снять хотя бы один фильм за всю жизнь. И ошибался. Память, как море, вымывает на берег обломки воспоминаний. Отстроила бы заново из них мой затонувший корабль, если бы вода не сточила киль, мачты, штурвал..., если бы не сгноила паруса. Записываю сны, как эпизоды киносценария, мучительно подбирая слова – иероглифы, руны, таро – воскрешающие проникновение. Янус смотрит в прошлое. Из разрозненных записей, как пазл, могла бы сложиться книга. Но боюсь, найти вечные символы никому не подвластно: книга рождается при чтении. Наверно, поэтому писатели пишут так много книг: последующая пытается оправдать, дополнить, пояснить-объяснить предыдущую. Трудно быть Сэлинджером: замолчать, когда всё сказал, и не править непоправимое. Наверно, поэтому так много писателей: продолжают, спорят, интерпретируют, опровергают – следы поверх следов на песке. А может, писатели, как и я, попросту не умеют жить, найти себе место под солнцем и создают теневую реальность? Синдром Демиурга?

В метро-утробе – приглушённый свет и прохладный воздух. Люди куда-то целеустремлённо бежали в замкнутом пространстве. В метро всегда все бегут. А я сидела на скамейке без движения и без цели. Поезда мчались по радиальным и кольцевой веткам. Карта метро – миниатюра Древа жизни в разрезе, вид сверху. Система с отмеренными интервалами. Вдох-выдох. За что любить жизнь, если выбора не существует, кроме как бежать или ехать наперегонки, не зная куда и зачем? Все мечтают быть героями мифа с судьбой и дорогой, но растворяются в суетливой толпе и в ней же теряют любимых. Янус безлик. Мой Ульвиг – мастурбация, самовлюблённость и жажда битвы, проснувшийся в жертве палач. Мир и я – одно целое, не исцелиться и не ускользнуть.

В стёклах вагона пассажиры отражаются одинаково обречёнными. Камера кривых зеркал. Пересадка на Арбатской, и по синей ветке – домой. У человека должен быть дом. Аморген и в мёртвом городе, за пределами времени и усталости, жил внутри моста – надо же куда-то возвращаться по вечерам. Дом – наше второе тело. Вечное возвращение. Ангел мечтает стать человеком, чтобы обрести дом.

Цветной поезд не ходит в часы пик: спешащим в никуда людям некогда разглядывать картины в галерее. Сбой в системе?

– Станция Арбатская, поторопитесь на посадку, не задерживайте поезд!

Красные тревожные огни замигали над распахнутыми дверями вагона. Я шагнула внутрь. Ангел взял нож...